

ГЛАВАНЕ

В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА

Министерство культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области
Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала
Оренбургского государственного университета
Филологический факультет Оренбургского государственного
педагогического университета

Славяне

в этнокультурном пространстве Южно-уральского региона

Материалы VII межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной
Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2012

ББК 63.5(2Р36)
УДК 003 : 008
С 47

Ответственный за выпуск
К. А. Моргунов – кандидат исторических наук

С 47 Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – 264 с.

ISBN 978-5-88838-739-9

В сборнике объединены материалы межрегиональной научно-практической конференции «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье, которая состоялась в Оренбурге 24 мая 2011 г.

В представленных материалах рассматриваются этапы этнокультурного развития и духовные традиции славянских народов Южного Урала, характеризуется положение русского языка и литературы в системе славянской духовности, анализируется состояние и перспективы изучения современной русистики и актуальные вопросы лингвокультурологии и методики преподавания русского языка.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими исследованиями.

ББК 63.5(2Р36)
УДК 003 : 008

ISBN 978-5-88838-739-9

© Министерство культуры, общественных
и внешних связей Оренбургской области, 2012
© Издательский центр ОГАУ, 2012

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. В. Федорова

ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Малообжитые земли южно-уральского региона, где хозяйничали кочевые народы, стали местом обитания славянских этносов. Появление в заволжских степях переселенцев из центральной России и Малороссии связано с общегосударственными процессами в стране.

Оренбургские степи притягивали переселенцев своими вольными просторами, их не останавливали тяжелые условия жизни на военной линии. В результате в пределах современной Оренбургской области появилось значительное число населенных пунктов, жителями которых были русские и украинцы.

Строительство Нижнеяицкой линии началось в 1737 г. Тогда были заложены Чернореченская, Бердская, Камыш-Самарская (переименованная потом в Татишевскую) крепости. В следующем году возникли Рассыпная и Нижнеозерная крепости [1].

Рассыпная, как свидетельствует Ф. М. Стариков, основана В. Н. Татишевым в 1738 г. на правом берегу реки Яик (Урал) [2]. Заметим, что в «Табели о состоянии в нижеописанных новостроенных от Самары до Оренбурга и в других местах крепостях о казаках и прочих всякого звания нерегулярных людях», составленной секретарем Петром Рычковым в 1742 г., крепость Рассыпная не упоминается, хотя внесены крепости Татишевская, Чернореченская, Илецкая и др. [3] Самарский профессор Ю. Н. Смирнов считает, что «Табель...» относится к 1741 г. [4]

Местность, где возвели новую крепость, издавна называлась урочище Рассыпное, данное по россыпям – песчаным наносам вблизи Урала. Генерал-майор И. Л. Дебу, оренбургский губернатор, писал: «Разсыпная... название получила, по утверждению туземцев, от находившегося и окружающих крепость буераках леса, называющегося Разсыпным» [5]. Первоначально, по мнению оренбургского филолога, доцента Б. А. Моисеева, употреблялось составное название – крепость у урочища Рассыпного. Впоследствии наименование местности перенесли на населенный пункт [6].

Во время строительства Рассыпной учитывались многие факторы: «удобных к поселению и крепких для безопасности местах, изыскивая, чтобы довольные были воды и в близости леса, луга и удобные земли к пашне» [7]. Из Малороссии в 1741 г. в Оренбургский край переехало 209 семей, среди которых числилось 849 казаков. Их поселили в трех крепостях: Чернореченской, Рассыпной и Переволоцкой [8].

Наиболее раннее упоминание о крепости Рассыпной в Российском государственном архиве древних актов обнаружено в «доношении» Военной коллегии в Сенат 5 марта 1745 г. [9] К этому времени в крепости насчитывалось 47 дворов [10]. Как показывает «Ведомость», подготовленная рассыпнянским священником Иваном Андреевым, казаки еще не заселили Рассыпную.

Согласно данным П. И. Рычкова, к 1775 г. в крепости находилась драгунская рота и полторы пехотной роты [11]. Духовная роспись крепости Рассыпной, составленная в 1773 г., включает следующие статистические сведения: в 70 дворах проживало 503 человека, из них 288 мужского пола и 215 женского [12].

12 июля 1795 г. в Оренбурге был получен указ Екатерины II из Военной коллегии (№ 4975 от 30 июня) на имя генерал-губернатора Симбирского и Уфимского, командующего Оренбургским корпусом С. К. Вязмитинова. В нем сообщалось о бунте старшин и казаков Донского войска, не пожелавших подчиниться распоряжению правительства переселиться на Кавказскую линию. Кроме того, в указе говорилось, что из 146 сообщников Ивана Рубцова из пяти бунтовавших станиц «по жребию, пять старшин высечены кнутом и сосланы в ссылку, 10 в крепостные работы на 10 лет, десятого человека в ссылку в Сибирь на поселение, остальных на Оренбургскую линию, причем все офицеры и урядники обращены в казаки. Из 255 старшин и казаков, которые были принуждены к бунту угрозами, десятого человека сослали на ...Оренбургскую линию». Их расселили на линии по крепостям, начиная от Звериноголовской крепости [13].

Переселение донских казаков организовали следующим образом: им давалась двухгодичная льгота от службы для обзаведения хозяйством; земля отводилась вместе с жителями крепостей; по истечении льготного срока их следовало назначать на службу, но не «далее крепостной земли и под строгим присмотром»; разрешалось предоставлять отпуска, но только в районе крепостной земли. Потомство этих донцов требовалось зачислить в число казаков. Впоследствии эти репрессивные меры были ослаблены, а затем и совершенно упразднены.

ны. При военном губернаторе П. К. Эссене донцам разрешали ездить в отпуск в станицы Донского войска, а вдовам, пожелавшим возвратиться на Дон, с 1798 г. выдавали паспорта. В 1807–1810 гг. донцы участвовали в составе Первого Оренбургского казачьего полка в военных действиях против французов и турок, а впоследствии служили наравне с другими в полках Оренбургского казачьего войска.

Всего в Оренбургский край переселили 437 душ мужского пола, вместе с семьями насчитывалось 578 человек. На Оренбургскую линию были высланы в основном «старшины и чины Донского войска, т. е., так сказать, люди отборные и пользовавшиеся известным положением у себя на Дону. В числе их попадаются сотники, хорунжие, атаманы, судьи, старики и писаря».

В крепость Троицкую отправили хорунжего Николая Рубилина и Анисима Акалзина; в Верхнеуральскую – хорунжих Аникея Турченкова, Агафона Понявкина, Никифора Топилина, сотника Григория Чиркина, хорунжего Данилу Чудовцова, сотника Филиппа Лазарева.

Крепость Губерлинская стала местом ссылки для есаула Турченкова, хорунжего Василия Лобанова, сотника Герасима Чиркина. В крепость Ильинскую прибыли сотники Кирилл Сергеев, Василий Першиков, судья Петр Лазарев.

Группа казаков была поселена в крепости Верхнеозерной: поручик Антон Котельников, есаулы Павел Гуреев, Евстафей Махин, Аникей Махин, Гавриил Махин, сотники Дмитрий Махин, Гаврила Гуреев. В крепость Орскую сослали бывшего есаула Тараса Вихлянцева, хорунжих Аникия Турченкова, Агея Вихлянцева, Василия Горшкова, Ивана Донецкова.

По просьбе, поданной донскими казаками, проживающими в крепостях Орской, Ильинской и Верхнеозерной, где они «терпели стеснение в угодьях и землях, удобных для хлебопашества», их перевели согласно разрешению Оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Н. Бахметева от 21 декабря 1800 г. на жительство в крепость Рассыпную. Из крепости Орской переехало 83 мужчины, из Ильинской – 8 и из Верхнеозерной – 24[14].

Сохранился уникальный документ – прошение донцов, адресованное Оренбургскому военному генерал-губернатору о переселении из города Верхнеуральска в крепость Рассыпную.

«Назад тому пятый год по повеленью главного начальства переселены мы с Дону с семействами своими в здешний город Верхнеуральск, где хотя мы и имеем хлебопашество, но по неуро-

жаю хлеба пришли в крайнее разорение, так что по старости наших лет и пропитывать себя находимся не в силах, да и дети наши уже приходят не в состоянии отправлять службу Его Императорского Величества, а лучшее проживание находим мы на Оренбургской линии в крепости Рассыпной».

К прошению прилагался список, в котором значилось 44 человека. 8 марта 1801 г. военный губернатор дал войсковой канцелярии предписание за № 249, в котором, в частности, говорилось: «из прежнего места исключив, перечислить их в крепость Рассыпную и мне по исполнении отрапортовать».

Основная причина переселения заключалась в желании донских казаков находиться как можно ближе к своим единоверцам-раскольникам, которые заселили крепости и форпосты южной части Оренбургского войска и территории уральского казачества.

Все они поселились на восточной стороне крепости Рассыпной у Моториной и Чиркиной балок, последняя названа так по дому казака Григория Чиркина, построившего его на яру этой балки. После прибытия казаков с Дона рядом с Рассыпной возникло новое поселение, названное в народе – Донцы. Крепость и Донцы имели четкую границу.

В 1951 г. краевед С.А. Попов, собирая материал по истории Рассыпной, записал со слов Ивана Тимофеевича Попова фразу:

С Дона гнаты,
Ноздри рваты.

Другой старожил, Давыд Ермолаевич Семенов, помнил такое выражение:

С Дону гнаты,
Плетьми драты.

Переселенные в Рассыпную донцы были выходцами из пяти донских станиц – Есаульской, Кобылянской, Нижнее-Чирской, Верхнее-Чирской и Пятиизбянской, существовавших на Дону уже в середине 17 в. Атаман Фёдор Минаев 7 декабря 1672 г. «показал» в Посольском приказе, что на Дону «считалось 48 казачьих городков», среди них – Пяти-избы, Чирь-Верхней, Чирь-Нижней, Кабылкин, Ясаулов. Прибывшие донцы сплошь состояли из «раскольников», «упрямство коих и злонравие довольны известны», – отмечалось в одном из официальных документов того времени, находящемся в Российском государственном военно-историческом архиве [15].

Переселенцы с Дона жили обособленно и постоянно враждовали с коренными жителями крепости. Непримируемая вражда не утихала.

Престарелые рассыпнянцы вспоминали в прошлом веке: «В старое время нередко дрались на копьях. Начинали обычно молодые, а затем вступали мужчины и даже старики. Дело доходило до того, что убивали друг друга».

Донские казаки постепенно прижились в Рассыпной, влились в активный процесс освоения Оренбургского края. Они были, например, в числе тех, кто первыми заселял форпост Буранный [16].

К 1833 г. из числа донцов сотниками стали Данила Гуреев, Василий Волоцков, Осип Горшков. Среди хорунжих – Макар Турченков, Тит Секретёв, Панфил Подтихов, Василий Каргин, Степан Горшков.

Потомки донских казаков и в настоящее время живут в Рассыпной, Илеке, Оренбурге и в других населенных пунктах Южного Урала. Это Гуреевы, Секретевы, Горшковы, Махины, Рубцовы, Рубилкины, Подтиховы и другие.

Крепость Пречистенская была основана в 1742 г. на левом берегу Сакмары, в 60 верстах к востоку от Оренбурга [17]. Как пишет П. И. Авдеев, в крепостях Пречистенской и Воздвиженской «поселены были весь Шацминский ландмилицкий драгунский полк и две роты Алексеевского ландмилицкого полка» [18].

По данным пятой ревизии в Пречистенской насчитывалось 116 дворов, в которых проживало 252 мужчины и 240 женщин. В 1816 г. в крепости проживало 65 семей. Население составляло 271 человек, из них 153 мужчины и 118 женщин [19].

295 дворов станицы населяли 1405 человек, из них 710 мужчин и 695 женщин. Это данные 1866 г. В станице не было школы, работал еженедельно базар. Действовала церковь. Официально базар в станице был открыт в ноябре 1905 г. [20]

В XIX в. в Пречистенской проходили процессы, характерные для большинства населенных пунктов Оренбургского казачьего войска. Пречистенка в 1891 г. являлась центром Пречистенского станичного юрта. В 380 дворах проживало 2140 человек, из них 1058 мужчин, 1082 женщины [21]. Немало казаков станицы Пречистенской отличилось на службе.

М. И. Алеманов начал служить с 1 января 1875 г. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в составе 2 Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. Принял участие в Русско-японской войне. Награжден орденом Святого Станислава 3-й степени (27.07.1986 г.), Святого Станислава 2-й степени с мечами (1906 г.), орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1915 г.) [22]. Войсковой старшина М. И. Алеманов ушел в отставку в 1909 г.

С 1 января 1899 г. служил казак И. Я. Бычков (1880 г.р.). Удостоен наград – ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1904 г.), ордена Св. Станислава 3-й степени (1905 г.), медали за участие в Русско-японской войне. Служил в 1 Оренбургском казачьем полку, во время Русско-японской войны – во 2 Верхнеудинском полку Забайкальского казачьего войска [23].

А. Г. Бочкарев вышел в отставку в чине войскового старшины в 1908 г. На службе – с 1879 г. Участник Русско-японской войны. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени (1900 г.), Св. Анны 4-й степени с мечами и бантом [24].

В начале XX в., в частности в 1901 г., в состав Пречистенского станичного юрта входили следующие поселки: пос. Пречистенский (445 дворов, 2317 чел.), пос. Черно-Отрогский (237 дворов, 1626 чел.), пос. Аблязовский (97 дворов, 421 чел.), пос. Никитинский (316 дворов, 1766 чел.), пос. Изык-Никитинский (220 дворов, 1371 чел.), пос. Верхнечебенский (180 дворов, 1006 чел.), Нижнечебенский (213 дворов, 1201 чел.). Кроме того, в юрт вошли хутора Пречистенский (5 дворов, 34 чел.), Федоров (162 двора, 888 чел.) [25]. Среди названных населенных пунктов встречаются татарские и мордовские. Например, в пос. Аблязовский жили только татары. В годы Гражданской войны Пречистенку сожгли красногвардейцы. Сгорело более 400 домов из имеющихся 800 [26].

Поселок Пречистенка, наряду с другими хуторами, станицами, селами и коммунами, входил в состав Пречистенской волости. По данным на 1926 г. в поселке проживало 1449 человек [27]. В 1927 г. – 1767 жителей; из них 845 мужчин, 922 женщины [28]. К 1931 г. население Пречистенки выросло до 1833 человека.

К малоизученным населенным пунктам относится, например, илекское село Сухоречка. На страницах войсковой областной газеты в конце XIX в. упоминания о Сухоречке встречаются чрезвычайно редко. Так, в «Уральских войсковых ведомостях», в разделе «Приказы Наказного атамана Уральского казачьего войска» за 1893 г. назван сухореченский казак Александр Сергеевич Андреев, служивший в льготной команде Темирской казачьей бригады [29]. Даже незначительных фактов единицы.

По указу Павла I от 11 апреля 1797 г. было начато генеральное межевание земель Российской империи. Войсковое начальство обратилось с просьбой обмежевать и земли Уральского войска. Стремясь закрепить за собой земли по реке Илек, Уральское войско в срочном порядке основывает в 1813–1815 гг. форпосты Затонный, Сухореченский,

Озерский [30]. Сухоречка впервые упоминается как половинный отряд. К тому времени уже существовали форпосты Затонный и Озерки [31].

Основателями Сухоречки являлись старообрядцы [32]. Старожилы объясняют название «Сухоречка» следующим образом: сначала вместо озера тут протекал ручей, который летом пересыхал, а осенью снова наполнялся водой. Подпитывали озеро роднички. Отсюда и возникло наименование «Сухоречка». Озеро стали называть Голодное [33].

Сухоречка, как и ряд других населенных пунктов, образовалась для охраны солевозного тракта от Илецкой защиты на Самару и конвоирования казенных транспортов соли. «Казачьи «форпосты» охраняли и делали безопасным солевые тракты на Оренбург и Самару через Бузулук», — отмечал Д. Н. Соколов [34].

В мае 1821 г. в форпосте насчитывалось 107 казаков: служилых — 48, отставных — 8, малолетков — 43, урядников — 4 и т. д. [35]

Четыре десятилетия спустя, в 1862 г., в форпосте Сухореченском Новоилецкой дистанции проживало 506 человек, из них 233 мужчины, 273 женщины [36].

Население занималось земледелием, держало скот. Сады и огороды разводили вдоль озера и за озером. До нашего времени сохранилось название Лопанов сад, заложенный казаком Лопановым. Жители занимались ловлей рыбы, которая водилась и в озере, и в Илеке. До революции в Сухоречке было две деревянные церкви.

К 1926 г. в селе числилось 680 человек, из них женщин — 367, мужчин — 313 [37]. 89% сухореченцев являлись русскими, 11% были иностранцами. Колхоз появился в Сухоречке в 30-е гг. прошлого столетия.

Процесс формирования славянского этнокультурного пространства на Южном Урале протекает на протяжении трех столетий. Он настоятельно требует тщательного изучения. Одной из сторон проблемы является создание летописи оренбургских сел и деревень.

Примечания

1. Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 55.
2. Федорова А. В. Пограничная крепость Рассыпная // Третьи Большаковские чтения: Культура Оренбургского края. Оренбург, 2007. С. 8–15.
3. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 48.
4. Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 124.
5. Дебу И. Топографическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. М., 1857. С. 196.
6. Моисеев Б. Село Рассыпное // Южный Урал. 1981. 22 августа. С. 4.

7. Полное собрание законов. Т. X. № 7876.
8. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 63.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Кн. 470. Л. 548–549 об.
10. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 514. Л. 110.
11. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 301.
12. ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 728. Лл. 173–180.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IV. Ч. 2. СПб, 1848. С. 113.
14. Севастьянов С. Н. Несколько старинных песен // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Оренбург, 1889. С. 78–81.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 41. Оп. 1 / 99. Д. 331. Ч. 1. Лл. 18–18 об.
16. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VIII. Оренбург, 1907. С. 376–377.
17. ГАОО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 258. Л. 148.
18. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником войскового хозяйственного правления полковником П. И. Авдеевым. Оренбург, 1909. С. 24.
19. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VIII. Оренбург, 1907. С. 229.
20. Оренбургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 г. Спб, 1871. С. 12.
21. Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от волостных и станичных правлений в 1891 г. Оренбург: Б. и., 1891. С. 5.
22. Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945. Биографический справочник. М.: Рус. путь, 2007. С. 87.
23. Там же. С. 143.
24. Там же. С. 131.
25. Список населенных пунктов Оренбургской губернии. Издание Оренбургского губернского статистического комитета. Оренбург: Тип. губ. правл., 1901. С. 182.
26. Сельские вести. 2003. 17 февраля. С. 8.
27. Список населенных местностей по Оренбургской губернии. Оренбург, 1926. С. 39.
28. Населенные пункты Оренбургской губернии. М.: Первая гос. типография, 1927. С. 85.
29. Уральские войсковые ведомости. 1893. 21 ноября. С. 1.
30. Изюмов А. И., Абросимов В. Г. История Уральского казачьего войска. Илек, 2007. С. 19.
31. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VIII. Оренбург: Типо-литография Б. А. Бреслина, 1907. С. 270.

32. Оренбургские ведомости. 1906. № 11. С. 17.
33. Моя добрая милая Родина. (Из истории Илекского района). Илек: ГУП РИД «Урал», 2003. С. 282.
34. Соколов Д. Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. М.: Тип. Торг. Дома «Мысль», 1916. С. 96.
35. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VIII. Оренбург: Типо-литография Б. А. Бреслина, 1907. С. 423.
36. Рябинин А. Уральское казачье войско, Ч. II. Приложение. Спб, 1866. С. 96.
37. Список населенных мест 1926 г. по Оренбургской губернии. Оренбург, 1926. С. 24.

И. М. Габдулгафарова

ПОДНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА РУССКОГО НАРОДА – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

«Россия не человеческая пыль или хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промывавший своих сил и не отчаявшийся в своём признании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по способности и по его национальной культуре. Не хороните его преждевременно. Придёт час, восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права».

И. А. Ильин

Эти слова русского философа И. А. Ильина актуальны для сегодняшней России, для анализа реальной ситуации, в которой оказался русский народ, для выработки разумной стратегии поднятия его достоинства. Разумная стратегия требует опровержения стереотипов, сложившихся в отношении русского народа в массово-информационном дискурсе, в том числе негативных этностереотипов, которые формируются на базе информации о негативных реалиях, присущих той или иной культуре.

Этнокультурные стереотипы – обобщённое представление о поведении и манерах какого-то народа. Они относятся ко всему народу в целом и вместе с тем характеризуют любого его представителя, зада-

ют образ его личности. Сюда можно отнести «немецкую аккуратность», «испанские страсти», «французскую галантность», «китайские церемонии», «русское авось» и т. п. Существует стереотип, что Россия – далёкая заснеженная страна, где все должны носить шубы, шапки-ушанки и валенки, где люди ничего не делают, кроме как пьют водку, едят икру ложками и играют на балалайках, а медведи выбираются из своих берлог и гуляют по улицам. Стоит заметить, что балалайки, медведи и валенки стали символами России, но никак не атрибутами повседневной жизни.

Давно бытующие или специально распространяемые в массовом сознании этнические стереотипы могут стать и нередко являются серьёзным регулятором межэтнических отношений. В то же время актуализированные или мобилизованные в момент любой начинающейся напряженности в обществе стереотипы, особенно негативные, могут существенно усугубить конфликт, резко размежевав людей на этнические или этноконфессиональные группы («мы» и «они»), вызывая обиды и усиливая противостояние.

Приходится с горечью констатировать, что во многих регионах бывшего советского пространства идут в прессе кампании по созданию стереотипных, далеко не всегда позитивных образов русского этноса. Россия, представляемая на страницах газет, – непостоянна и непредсказуема. Как пишет В. Ерофеев: «У России, на мой взгляд, открытое будущее. Ведь она стоит будто на сквозняке: ветерок подует, и её вертит то в одну, то в другую сторону. Своей непредсказуемостью Россия и интересна. В ней заключено много рискованного интереса, в ней любопытно жить. Здесь не закончен мистический процесс жизнеобразования... В России же все может поменяться от малейшего движения... Она, как незастывшая лава. Скажем, через 10 лет мы сможем укрепить свои позиции, как сделала это Россия в начале XX века, а потом один единственный человек, вроде Распутина, всё уничтожит. Вполне возможно, это нас ждёт что-нибудь подобное» (В. Ерофеев. «Машина с оторванным рулём» // Московский комсомолец. 2008. 23 января).

Со страниц прессы предлагается идея, связанная с образом России, с её управлением: «Россия такая страна, которой нужен царь. И не потому, что наш народ привык всё делать из-под палки, а потому, что он так привык жить веками. Царь на Руси считался наместником Бога на земле, и народ привык, чтобы кто-то над ним был главным. Не удивительно, что как только нам дали свободу, все сразу разбрелись кто куда». (Актёр А. Харитонов // Московский комсомолец. 2008. 22 января).

Идея о необходимости отца-патриарха-лидера-диктатора не всем кажется продуктивной: «Насчёт же нового диктатора тоже сомнительно: как показывает опыт недавних выборных кампаний, диктаторы и вообще сколько-нибудь деятельные лидеры в России, кажется, вымерли. (И. Филатова, В. Суховерхов. «Куда же ты мчишься, Русь-тройка?!» // Московский комсомолец. 2001. 23 января).

Газетный образ страны русского этноса, россиян представлен и другими идеями: «Мы богаты, но живём очень плохо», «Россия — страна неудачников и неумех», «Она уже прошла нижнюю точку падения», «Страдания — наш крест», «Запад будет вынужден нам помочь», «Надо надеяться, что станет лучше, иначе просто жить нельзя». Многие журналисты пытаются разобраться в наших бедах и неудачах, обращаясь к нашему отечественному опыту, к нашей истории, к национальным ценностям и достижениям, которыми Россия была богата во все времена, которые должны вдохновлять современников и помогать им вывести страну из кризиса. В российских газетах акцентируется внимание на негативных этнических характеристиках русского этноса. Обсуждается сюжет о том, что «нас становится все меньше, поддерживается стереотип о неспособности и нежелании русских трудиться (русский фольклор и людская молва давно создали образ Емели, сидящего на печи и не желающего трудиться), даются стереотипные характеристики русских мужчин и женщин: «русская женщина все всегда везёт на себе», «русские мужчины — самые страстные, а наши девушки — красивые и развратные» (В. Бродский, О. Сапрыкина // Комсомольская правда». 2001. 23 января).

В газетах не оставляются тема пьянства как «яркая особенность» русского народа, тема пивной заразы, сквернословия: «Бороться с матом бесполезно. Народ у нас эмоциональный. А если средств для соответствующего выражения эмоций не останется? Кулаки в ход пускать? Не зря же англичане и ирландцы, у которых нет нецензурных выражений, слывут самыми драчливыми нациями. Нет уж! Пусть у россиян дальше матерных слов дело не идёт! А то, что за нецензурную брань взимают штрафы, — правильно. Хулиган тем самым укрепляет государство, даже ругая его» (В. Щербакова. «Ваша мать живёт на улице» // Вечерняя Москва. 2008. 17 января).

Анализируя страницы прессы со стереотипами о русских, о России с их яркостью, эмоциональностью, стоит справедливо заметить, что позитивный образ другого этноса можно разрушить быстро, а вот негативный — разрушить очень сложно. Для поднятия достоинства рус-

ского этноса необходимо обращение к нашему отечественному опыту, к нашей истории, к неизбывным национальным ценностям и достижениям, которых у России и русского народа было так много и которые должны вдохновлять современников и помогать им вывести страну из кризиса.

На страницах газеты «Аргументы и факты» актёр О. Янковский говорит: «Это же махина, которая излучает огромную энергию... Вы вспомните, начало XIX века было за нами – за Россией и XX век – тоже. Сколько мы подарили миру! Все музеи увешаны нашей живописью! А в музыке – и Рахманинов, и Скрябин! И литература. Так что и XXI век тоже будет наш» (//Аргументы и факты. 2008. № 2).

Русская культура накопила великие ценности, и задача нынешних поколений – сохранить и приумножить их. Русская культура включает православие, которое означало для русских правильное славение Бога, поиск справедливости и святости. И духовность спасла русскую нацию при всех неурядицах организации жизни, она спасла и сохранила и другие народы, которые были присоединены к русским, объединены вокруг русских. Русский народ – опора российской государственности, формированию которой способствовал русский язык, а главная роль в сплочении народов принадлежит именно русскому языку.

В основании русской философии лежит принцип соборности как органического взаимодействия, сочетания и взаимодополнения противоположностей. Здесь противоположности не разделяются, не противопоставляются и не борются друг с другом с целью взаимоуничтожения, а наоборот, органично восполняют и взаимодополняют друг друга, благодаря чему органический синтез оказывается возможным и достижимым. Европа и Азия в России гармонично соседствуют друг с другом, дополняя друг друга. В недрах русской философии впервые родилась идея нравственной экономики, актуальной для нашей страны в период перехода к рыночным отношениям. Нравственная экономика совмещает пользу и нравственность, прибыль и нравственность, что востребовано для поднятия достоинства русского народа, улучшения его экономического состояния.

Политический портрет русских: «русский народ способен к государственному строительству, к дисциплинированности, к жертвенному служению Родине, но эти способности вызываются и ведутся уважаемым им сильным государственным авторитетом», данный И. А. Ильиным («О монархии и республике»), должен учитываться в условиях формирования гражданского общества и правового государ-

ства. Формирование рыночных отношений с индивидуализмом подорвало ценности русской культуры, так как индивидуализм постепенно разрушает такие свойственные русскому народу качества, как соборность, общинность, широта души. Как заметил И. А. Ильин: «Человек голого инстинкта не ведает ни веры, ни чести, он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него всё хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти».

Известный музыкант России Г. В. Свиридов в своих тетрадях-размышлениях, которые он вёл в течение последней четверти XX в., писал: «Да, русская культура всечеловечна. И это одно из очень важных её достоинств: она обращена ко всему человечеству, ко всем людям земли, но может быть, самая важная, самая насущная, первостепенная её задача — это питать душу своего народа, возвышая эту душу, охраняя её от растрепанности, от всего низменного» [1]. Лицо нации, как подчёркивал российский мыслитель В. С. Соловьёв, определяется достижениями её духовности и вкладом в мировую цивилизацию, а не тем, «что она думает о себе».

Актуальным призывом к сегодняшнему поколению русских через столетия звучат слова Владимира Мономаха: «Всего же более убогих не забывайте, но по мере сил кормите их. Сироту и вдову сами на суде по правде судите; не давайте их сильным в обиду. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не позволяйте убивать, хотя бы и заслужил смерти; не губите никакой христианской души... Более же всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме: мы все смертны, — сегодня живы, а завтра в гробу».

В характере русского народа и в его истории заложен патриотизм. Идеи патриотизма сохранены для грядущих поколений в величайшем памятнике русского летописания — «Повести временных лет». Предостережением грядущим поколениям звучит резкое осуждение усобиц, распрей, ослабляющих могущество государства, содержится призыв беречь Отечество, не посрамить земли русской в борьбе с внешними врагами. Летописец всемерно подчёркивает, что поступки являются мерилем славы и величия, реальным выражением патриотизма, любви к Родине. Поступки русского народа во время Полтавской битвы, войны 1812 г., Великой Отечественной войны — это реальное выражение патриотизма, любви к Родине.

Вспоминая тяжёлые дни сражения за Москву, Г. К. Жуков отмечал, что «не грязь и не морозы остановили гитлеровские войска после их прорыва к Вязме и выхода на подступы к столице. Не погода, а люди,

советские люди! Это были особые, незабываемые дни, когда единое для всего советского народа стремление отстоять Родину и величайший патриотизм поднимали людей на подвиг» [2]. В числе Героев Советского Союза представители более 60 национальностей и народностей СССР, в том числе русских – 8182, в Оренбургской области Героев Советского Союза русских – 179.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что национальные духовные и нравственные традиции русских определяют его этническое поле. И в современных условиях надо брать в соображение ту высоту духа, на которую может подняться русский народ. Перспективы России, её благополучие и величие связаны с благополучием и величием русских. Как подчёркивает Р.Г. Абдулатипов, в России базовой основой процесса формирования единства и солидарности всего многообразия союза народов и сотворчества культур являются русская нация, русская культура, русская духовность. От самочувствия русского народа зависят самочувствие и перспективы решения проблем развития любого другого народа России. Поэтому этнонациональная политика России должна заключаться в политике обустройства прежде всего русского народа, которая в свою очередь определяет уровень обустройства любого другого российского народа [3]. От государства требуется умный вектор направленности в нужном русле достоинств русского народа. Стремление русских к воле надо направить по пути всяческого развития духовной множественности, духовной свободы, предоставления юношеству разнообразных творческих возможностей. Стремление русских во всём достигать последнего предела надо также развивать по преимуществу в духовной области [4]. Необходимо пробуждать русский патриотизм, так как в удивительной способности русских к быстрому преобразению скрыта возможность творить чудеса. И, конечно же, нужно вовлекать русское население в производительный, хорошо оплачиваемый труд.

Примечания

1. Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М., 2002. С. 382
2. Жуков Г. К. Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории. Полководцы // Роман-газета. 1994. № 18. С. 101.
3. Абдулатипов Р. Г. Мой русский народ. М., 2004. С. 117.
4. Лихачёв Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ЦЕННОСТЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Девятнадцатый век стал для России временем активного приобщения к основам экономической цивилизации, характеризующейся бурным развитием промышленности и коммерциализацией всех сфер жизнедеятельности при параллельном угнетении духовно-нравственных мотивов как в области социальной активности, так и в сфере межличностных отношений [1]. Соприкосновение представителей русского общества с новыми социально-экономическими реалиями – сначала при посещении стран Запада, а затем и в родном Отечестве – вызвало неоднозначные суждения и широкую полемику. В развернувшихся дебатах был представлен весь спектр общественных воззрений – от консервативно-охранительных и либеральных до революционно-демократических и христианско-социалистических.

Осмысление западноевропейского пути общественного развития одних приводило к заключению, что он универсален, а поэтому и России его не избежать, других, напротив, убеждало в отсутствии общего закона социального прогресса. Последние акцентировали внимание на обосновании своеобразия своего Отечества и доказательстве губительности для него капиталистических форм организации хозяйственной деятельности. В этих дебатах прогрессивными считались сторонники европейской модели, призывавшие отрешиться от всего национального как «полюса застоя и коснения» [2]. Однако даже в их рядах не было безусловного притяжения капитализма. Так, марксисты, видя в нем необходимую стадию общественного развития, тем не менее отказывали ему в исторической перспективе, считая лишь переходным этапом в продвижении к обществу социальной справедливости.

В числе последовательных критиков капитализма наряду с народниками были христианские социалисты Н. Ф. Федоров, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др. На рубеже XIX–XX вв. они заявили о необходимости формирования условий для достижения всеобщего социального благосостояния. В капитализме они видели образец антагонистического хозяйства, где человек никогда не выступает целью, но лишь средством создания материальных ценностей, которыми пользуются только владельцы капитала, оставляя непосредственных

производителей в состоянии крайней бедности и, главное, глубокого духовного угнетения [3].

Соприкосновение с реалиями новых социально-экономических отношений побудило отечественных мыслителей к освоению объяснительных моделей их генезиса и развития. Однако большинство популярных в то время экономических теорий — от смитианства до марксизма — многим представлялись не вполне удовлетворительными, о чем со всей отчетливостью заявлялось в бурных дискуссиях по поводу их познавательного потенциала и практического значения. В ходе этих дебатов опровергался тезис об экономике как некоей самодовлеющей силе, первичной по отношению к человеку. Подчеркивалось, что она является лишь поприщем для применения единого нравственного закона, поскольку никакая экономическая необходимость не помешает человеку подчинить материальные соображения нравственным нормам.

Этот тезис наиболее последовательно отстаивали представителями народничества и христианского социализма [4]. Они выражали убежденность в том, что основным показателем *должного* положения дел в экономике являются не столько количественные характеристики ее роста, сколько соответствие общего направления ее развития нравственной норме, которая, не создавая факторов и элементов производства, указывает, как поступать с уже имеющимися. Свою точку зрения на желательную (*должную*) организацию хозяйственной деятельности они выразили в следующих положениях.

Во-первых, экономика — не обособленная сфера отношений, а один из компонентов культуры, являющейся «агрегатом всеобщих социальных ценностей», в которой хозяйствующий субъект — не homo economicus, а носитель духовно-нравственных начал.

Во-вторых, экономическая деятельность — одна из форм существования человека, которой *должно* находиться в состоянии подчиненности субъекту, а не господства над ним: *не должно* «ставить Мамона на место Бога» и признавать вещественное богатство самостоятельным благом и конечной жизненной целью.

В-третьих, *не должно* оценивать человека дешевле бездушной вещи, превращать его в орудие хозяйственного процесса и позволять, чтобы производство совершалось «за счет его достоинства». Необходимо (*должно*) добиваться того, чтобы каждый имел «некоторый minimum благосостояния» для достойного существования и развития.

В-четвертых, человек как хозяйственный деятель обязан нести ответственность относительно данной в его распоряжение земли-

природы. *Должно* не злоупотреблять ею, не истощать и не разрушать ее, а обрабатывать, возделывать, улучшать, т. е. «вводить в большую силу и полноту бытия», т. к. не только люди, но и материальная природа не должна быть лишь орудием (средством) экономической эксплуатации, а лишь целью облагораживающего (возвышающего) воздействия.

Следовательно, *долженствующим* быть признавалось только такое положение дел в хозяйстве, которое, соглашаясь с фундаментальными нравственными императивами, своей целью имеет не подавление человека, а его духовное развитие, не механическую эксплуатацию окружающей среды, а создание условий для всестороннего раскрытия ее внутренних возможностей. Подчеркивалось, что человек, всецело поглощенный материальной работой, если не знает полного одичания, то уже не может заниматься деятельным осуществлением своего высшего человеческого назначения, состоящего в непрерывном духовном восхождении.

Контуры общего понимания сущности пути развития экономической цивилизации представителями русской общественности достаточно емко были очерчены В. В. Зеньковским, который в 1924 г. писал: «Секуляризация культуры... крайнее развитие технической цивилизации, небывалый расцвет механической стороны, внутренние противоречия капитализма и розный рост социальной борьбы, развитие мамонизма, ослабление духовной жизни и прямой рост аморализма, а вместе с тем высокое развитие индивидуализма, рост запросов личности и неизбежное усиление ее одиночества и, наконец, вся атмосфера Просвещения с отрицанием традиции и истории, с бунтарством индивидуального разума и с ограниченностью рационализма, тонкое проявление релятивизма даже в среду верующих кругов... Все это, вместе взятое, рисует картину действительного и грозного процесса на Западе» [5]. При этом большая часть из тех, кто в XIX–начале XX вв. высказывался за некапиталистический путь социального развития России, приходил, говоря словами народника Г. З. Елисеева, в недоумение по поводу того, каким образом образованнейшие страны Европы, с одной стороны, могли вступить на этот путь губительного для них развития, а с другой – почему они продолжали держаться этого пути и при этом упорно доказывать, что он «при всех своих несовершенствах есть все-таки наилучший и что всякая новая страна, вступающая на путь широкого индустриального развития, должна идти непременно тем же путем, каким идет Европа, что нынешняя бедственная фаза цивилиза-

ции есть во всяком случае неизбежный момент в ходе развития не только вообще человечества, но и каждого частного народа» [6].

В ходе дебатов по ключевым положениям западноевропейской экономической теории указывалось не только на то, что они противоречат нормам общечеловеческих ценностей, но и на то, что они не принимают во внимание специфики хозяйственного опыта конкретного народа. В итоге была поставлена задача выработки национальной экономической доктрины, ориентированной на учет отечественной культурно-производственной традиции.

Аллегорически духовно-теоретические искания русского общества в XIX в. были представлены В. С. Соловьевым в статье «Тайна прогресса». Текст этой работы, опубликованной в 1898 г., начинался незамысловатой сказкой, повествующей о том, как в лесу заблудился отчаявшийся в жизни охотник и как повстречалась ему древняя старушка, попросившая перенести ее на другой берег реки, где находится счастливая сторона. Не хотелось охотнику нести на себе отвратительную старуху, но сжалился он над древностью лет и выполнил ее просьбу. Хоть ноша была тяжела и неприятна, но, выйдя на другом берегу, он обнаружил, что пришел в удивительный край и что за плечами у него не старуха, а красавица-девица. И с тех пор жизнь охотника наладилась, он больше уже не плутал по лесным тропам и не испытывал отчаяния.

В этом нехитром повествовании Соловьев увидел глубокий духовный смысл. Он писал: «Современный человек в охоте за беглыми, минутными благами... потерял правый путь жизни. Перед ним темный и неудержимый поток жизни... Тоска и одиночество, а впереди — мрак и гибель. Но за ним стоит священная старина предания — о! в каких непривлекательных формах — но что же из этого? Пусть он только подумает о том, чем он ей обязан; пусть внутренним сердечным движением почтит ее седину, пусть пожалеет о ее немощах, пусть постыдится отвергнуть ее из-за этой видимости. Вместо того, чтобы праздно высматривать призрачных фей за облаками, пусть он потрудится перенести это священное бремя прошедшего через действительный поток истории». Иначе говоря, человек, стремящийся в будущее, не должен забывать своей традиции. Сберегая ее, он претворит мечты и не затеряется в жизненном потоке. «Спасаящийся спасется. Вот тайна прогресса — другой нет и не будет», — резюмировал В. С. Соловьев [7].

Так, на рубеже XIX–XX вв. перед отечественной общественной мыслью встал вопрос, как совместить идею прогресса с сохранением

национальной традиции. Историческая практика показывает, что его решение для нашего Отечества аналогично исканию философского камня. Находясь в центре внимания российских мыслителей на протяжении многих десятилетий, он и сегодня остается одним из дискуссионных, хотя разворачивающиеся вокруг него споры зачастую рождают ощущение беспочвенности, а то и явной тупиковости.

Думается, сложность его решения обуславливается тем, что оно требует специальной настройки индивидуального сознания, когда освоение осмысливаемой реальности осуществляется изнутри, в процессе постижения национальной традиции миропонимания, содержащей особое видение экономической и общественной практики. Безусловно, деятельность такого рода предполагает большой труд, и труд, прежде всего, духовный, связанный с самостоятельной работой мысли, а не механическим перенесением иноземных теорий социально-экономического обустройства на национальную почву.

Примечания

1. Осипов Ю. М. Экономическая цивилизация: экономический триумф и эсхатологический кризис // Альманах центра общественных наук. 1998. № 6. С. 86; Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 195–198; Красильщиков В. А. Превращение доктора Фауста (развитие человека и экономический прогресс Запада). М., 1994. С. 55; Зубанов Н. В. Кризис экономической формации – переломный момент в истории // Альманах центра общественных наук. 1998. № 11. С. 108; Андреев А. Л. Экономика и этнопрогнозирование: нации в контексте экономической цивилизации // Философия хозяйства. 1999. № 1. С. 126–135.

2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 59.

3. Федоров Н. Ф. Выставка 1898 г. // Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 449; Бердяев Н. А. Критика исторического материализма // Мир Божий. 1903. № 10. С. 6–8; Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 276–280; Он же. История экономических учений. М., 1919. Вып. 2. С. 71–72. Он же. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 309; Франк С. Л. Основы марксизма. Берлин, 1926. С. 12–13.

4. Елисеев Г. З. Плутократия и ее основы // Отечественные записки. 1872. № 2; Градовский А. Д. Значение идеала в общественной жизни // Вестник Европы. 1877. № 1; Михайловский Н. К. Борьба за индивидуализм // Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896; Он же. Политическая экономия и общественная наука // Отечественные записки. 1879. № 10; Валентинов Г. Новое направление в области политической экономии // Отечественные записки. 1881. № 11–12; Одарченко К. Ф. Народное хозяйство с точки зрения нравственности и права // Русская беседа. 1881. № 3–4; Соловьев В. С. Нравственные основы общества // Вестник Европы. 1894. № 12; Он же. Экономический вопрос с нравственной точки зрения // Вестник Европы. 1896. № 12; Миклашев-

ский А. Н. Реализм в политической экономии. Вступительная лекция в императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1896 и др.

5. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 138.

6. Елисеев Г. З. Плутократия и ее основы // Народническая экономическая литература. Избранные произведения / под ред. Н. К. Каратаева. М., 1958. С. 142.

7. Соловьев В. С. Тайна прогресса // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 557.

Л. С. Панина

ПРИГОВОРКИ И ПРИСЛОВИЯ В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ

Известно, что в практике речевого общения очень часто можно наблюдать такие устойчивые сочетания, которые трудно по различным грамматическим признакам отнести к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и крылатым словам. Это такие слова и выражения, как: *вот еще, была нужда, вот те и клюква, ты ли это, кого я вижу* и др. До сих пор они не имеют точной «прописки» и определения.

Известно, что в свое время академик В. В. Виноградов, делая попытку заниматься ими, называл эти единицы модальными словами.

Жанр приговорок и присловий пытался определить и В. И. Даль. Он практически выделил только жанр присловий как жанр областных дразнилок. В «Напутном» к своему словарю В. И. Даль определял еще один жанр устойчивых словосочетаний, схожих с присловиями своим грамматическим составом, — это приговорку, которую он характеризует следующим образом: «Приговорка — это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке» [Даль, с. 20].

В Словаре русского языка С. И. Ожегова также делается попытка определить устойчивое словосочетание, активно функционирующее в речевой практике, — присловье как жанр. «Присловье — это поговорка, вставляемая в речь ради украшения, увеселения, шутки» [Ожегов, с. 550].

В 2005 г. В. И. Зимин в сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» упоминает о самостоятельном жанре, таком, как «приговорки», сравнивая их с жанром «присловий» [Зимин, Спиринов, с. 384]. В. И. Зимин утверждает, что «...иногда их трудно отличить друг от друга. Роднит между собой эти два жанра то, что и присловья и приговорки употребляются в качестве ответной реплики на реплику собеседника». В народе такие выражения, по мнению В. И. Зимина, называют «отго-

ворками» [Зимин, Спири́н, с. 389]. Это определяет актуальность обращения к данным устойчивым словосочетаниям русских людей, употребляющихся в наши дни.

Целью нашего изучения является выявление приговорок и присловий как самостоятельных языковых комплексов и отграничение их от других устойчивых словосочетаний в русском языке. Также попытаемся в нашем исследовании определить ситуации, в которых могут функционировать те или иные присловия и приговорки, одновременно объединив их в соответствующие тематические группы. Всего нами собрано около четырехсот единиц устойчивых словосочетаний, которые мы будем называть приговорками и присловиями.

Как показали наши наблюдения, эти языковые комплексы держатся несколько особняком. В целом они примыкают к пословицам. У приговорок, присловий и пословиц есть общие структурные признаки: и те, и другие употребляются в речи в качестве самостоятельных предложений. Правда, самостоятельность присловий и приговорок относительная. Пословица понятна и вне речевого контекста. Приговорки и присловия вне речевого контекста чаще всего никакой идеи не содержат.

Например, это такие выражения: *кто его знает, стало быть, как-никак, была нужда, вот еще, тоже мне, еще бы, надо же, между нами говоря, по правде, давай-давай* и т. п. Они могут восприниматься как фрагменты каких-то фраз и не более. Если употребить их в качестве ответа на реплику собеседника, они приобретают конкретный смысл. Например, один другому предлагает что-либо очень выгодное и спрашивает: «Веришь мне или нет (знаешь и т. п.)?» В ответ он слышит: «*Ещё бы!*» Иными словами: «Еще бы не верить?» А вот если человеку предложат что-либо обременительное для него, свой отказ от предложения он выражает другими приговорками: «*Вот ещё! Была нужда!*»

Приговорки или присловия, как нам кажется, определить хоть сколько-нибудь точно не представляется возможным. Их надо понимать в диалоге, в ситуации. Чтобы осмыслить эти языковые единицы, надо внимательней прислушиваться к интонации говорящего. Следовательно, интонация делает то или другое выражение присловием или приговоркой. Не поняв интонации, трудно понять смысл этих устойчивых единиц. Это должен помнить каждый пишущий и говорящий, чтобы написанное им или сказанное дошло до сознания не только русского человека, но и того, кто только изучает русский язык.

Приговорку или присловие трудно осмыслить. Значительно трудней, чем пословицу, поговорку или фразеологизм. Приговорки и присловия одним словом на другой язык не переведешь. Небольшая часть указанных нами языковых единиц (присловий и приговорок) нашла свое отражение во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [Молотков, с. 78]. Приговорки и присловия, как и фразеологические единицы, толкуют в словаре одной фразой, составляющей текст толкования. Нам думается, что для приговорок и присловий этого оказывается мало, поэтому в толковании их наблюдаются недостатки, неточности. Например, в этом словаре приводится толкование выражения (приговорки): *Не во гневе будет сказано!* Выражение сильного удивления, изумления [Молотков, с. 80]. Или еще пример. Человек, стремясь определить сущность какого-либо явления или поведения другого человека, много раз задавал себе вопрос: «Что бы это значило?» Упростим этот вопрос: «Что оно значит?» Если человек сам нашел ответ на этот вопрос, то и восклицает: «Вот оно что!»

Если кто-либо другой подсказал ему ответ, он заключает: «Вон оно что». Как видно из примеров, тут нет ни удивления, ни изумления. Просто человек обрадовался, что разгадал сущность явления, не обманулся. Иными словами: «Вот уж не ожидал от него такой прыти» и т. п.

Известные в речевой практике выражения: *Вот так да! Вот так штука! Вот те (тебе) (и) на! Вот те (тебе) (и) раз!* — все пять примеров трактуются одинаково, как выражение удивления, разочарования и т. п. И указанные выражения эти при некоторой их формальной схожести далеко не одинаковы по содержанию. Их смысловые оттенки очень часто проясняются при уточнении их этимологии. Некоторые же изученные нами присловия и приговорки не требуют раскрытия этимологии, а вот указать на ситуацию употребления — совершенно обязательно. Тут следует оговориться, что приговорки и присловия, как и пословицы, многозначны или, лучше сказать, многозначительны. Они имеют, как правило, очень широкое значение, уточняемое лишь в ситуации употребления, во многих схожих ситуациях [Зимин, Спирын, с. 398].

Многие приговорки и присловия, по нашему мнению, можно объединить в несколько тематических групп. Например, радость от встречи с кем-либо или другие какие эмоции выражают приговорками: *Кого я вижу! Ты ли это? Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами! Явился, не запыхавшись! Какие люди, и без охраны! Каким ветром тебя сюда занесло?*

Если нежеланный гость пришел, ему говорят:

Думали, свежи, а это всё те же! Ждали его с моря на корабле, а он выскочил с печки на лыжах! Без тебя здесь и пива не сварят: Здрасьте, приперлись и др.

Если кто-то сделал что-то несурзное или неожиданное, то ему говорили, смеясь: *Здорово живешь! Здравствуй, тетя, Новый год! Здравствуй, ж... а, Новый Год, приходи на елку! Здрасьте, я ваша тётя, мы сродни, давай поцелуемся! Вот это сказанул! Ну и сказанул! Ну и ну! Сказал, как в кувшин дунул! Как в лужу перышко пустил. Один думал? Или кто подсказал? Ишь, что ещё выдумал! Видали такого? А я-то думал, что ты умный и др.*

Если умный человек подобное сказал, то его оговаривают:

Это от большого ума-то! Ты один думал! Это не от большого ума, а от доброго сердца! Царица (ты моя) небесная! Вы только поглядите на него, какой умный! Откуда только взялся? и др.

Сам, допустивший промах, досадует по поводу случившегося: *Мать честная! Ёлки-палки! Ёлки зелёные! Елы – палы! Е. К. Л. М. Н!*

Со стороны ему говорят: *Пиши – пропало! Плакали твои денежки! Ты ещё тут! Не говори под руку! Тебя только тут и недоставало! Без сопливых обойдётся! Без сопливых солнце светит!*

Когда дела идут хорошо, радуются, показывая большой палец: *Во! На большой! На большой с присыпкой! На ять! На все сто! Что надо!*

Известно, что перед началом серьезной работы говорят: *Начнём, благословясь! С богом! В добрый час! и др.*

Исполнитель работ проявляет активность. Ему говорят (часто с оттенком насмешки): *Вот даёт! Ну и даёт! Землю роет копытом. Вот даёт прикурить! Даёт копоти! Как у Гужона, только труба пониже и дым пожиже. Даём стране угля, мелкого, но много! и др.*

Подбадривают его: *Так держать! Жми на всю железку! Гони на всех порах!*

Если не одобряют его активность, иронизируют: *Молодец, дурак, старайся! Страна учтёт твои труды.*

Человек берется за дело с большим рвением и не без риска для себя. Заявляет: *Была не была! Куда ни шло! Будь что будет! Где наше не пропало! Пропадай, моя телега, все четыре колеса! Семь бед – один ответ! Что будет, то и будет! Двум смертям не бывать, а одной так и так не миновать! Помирать, так с музыкой! Трус в карты не играет! Риск – благородное дело! и др.*

Человек берется за дело, которое явно ему не по силам. Ему говорят:

Не по носу табак! Ты ещё мелко плаваешь! Мелко пашешь. Слаб в колленках! Кишка тонка! Мало каши ел! Нос ещё не дорос! Сначала нос на-

учись утирать! Высоко взял — не вытянешь! Широко шагаешь — штаны порвёшь! и др.

Если это имеет отношение к молодому человеку, могут добавить:

Ишь ты! Ишь ты какой прыткий! Откуда ты явился такой красивый? Из молодых, да ранний! Кто я! Ещё материно молоко на губах не обсохло! Тоже мне (герой нашёлся)! Вы только посмотрите на него! и др.

И когда случается с такими беда, его советчик восклицает: *А я что говорил? Так я и знал! Как в воду глядел!* и др.

Отказ от невыгодной сделки, какого-либо предложения и т. п. выражают выражениями: *Увольте меня от такой радости! Нет уж, увольте! Спасибо вашему дядьке! Поблагодари от моего имени твою бабушку! Ваш покорный слуга! Ни за какие коврижки!* и др.

Отказ от грязной и тяжелой работы выражают устойчивыми словосочетаниями: *Мы не так воспитаны! Образование не позволяет (заниматься грязной работой)! Не царское это дело!* и др.

Выражения, употребляемые говорящими в качестве ответа попрошайке: *Фигу тебе! Фигу с маслом! Накося, выкуси (показывают комбинацию из трех пальцев)! Дудки! Ишь чего захотел!? Многого хочешь! Сена свежего не хочешь? Сейчас, шнурки поглажу, бегу — падаю! Дураков у нас нет! Поищи дураков в другой деревне. Всю жизнь мечтал (дать тебе просимое)! Спешу (бегу) — и падаю! Растопырь пальцы пошире! Держи карман шире! Поцелуй пробой и иди домой! Бывай здоров! Будь здоров, Капусткин! Будь здоров и не кашляй! Всего хорошего! Помаша тётке ручкой! Сделай дяде ручкой!* и др.

Если наглый попрошайка просит что-либо очень вкусное, ему говорят: *Больно жирен будешь! Облизнись, а то губы испачкал. Хватил горяченького до слёз? От меня тебе не отломится. Чёрта с два! Чёрта два-с! Иди изюм косить! Отряхни пыль с ушей!* и др.

Как показали наши наблюдения, подзадоривают шумно спорящих выражениями, которые мы можем называть присловиями или приговорами: *Что за шум, а драки нету? Что горло дерёте, что, у вас кулаков что ли нет?* К этому могут еще добавить: *Бей его, я его знаю! Бей своих, чтоб чужие боялись! Бей чужих, чтоб свои боялись!* Последние выражения больше относятся к дерущимся. По отношению к дерущимся к этому еще добавляют: *Так его! Так ему и надо! Покажи ему Кузькину мать!* и др.

Нами замечено из речевой практики, если человек принес радостную весть, ему говорят: *Собственным ушам не верю! Что ты говоришь?! Ты ли говоришь, я ли слышу? Не сон ли это? Ущипни меня! Твои бы слова да богу в уши! Твоими устами мёд бы пить!* и др.

Спорщику, который утверждает глупость: *Возьми его за рубль двадцать! Ему белое, а он — черное!* и др.

Если он соглашается, а потом снова твердит свое, то говорят:

Снова-здорово! Опять двадцать пять! Опять за рыбу гроши! Надоедливому человека гонят прочь словами: *Брысь под лавку! Брысь под печку! Отзынь на три лаптя! Уйди и не отсвечивай! Век бы тебя не видеть! Сделай, чтоб мы тебя искали!*

Требование молчать, не выдавать тайну: *Ни гу-гу! Ни мур-мур! Ни звука! Помалкивай в тряпочку* и др. Категорический отказ что-либо сделать характеризуется выражениями: *Ни в жизнь! Ни под каким соусом! Только через мой труп!* и др.

О чем-то таком, которое не совсем соответствует своему назначению, говорят: *Сойдёт и это. С горчичкой сойдёт. Сойдёт за милую душу. Зима не лето, сойдёт и это. Зимой и это над горсточкой съешь!*

Если покупка чем-то напоминает дорогую, то иронизируют: *И дешёво и сердито!*

В ответ на угрозу говорят с иронией: *Гроза да к ночи! Видали мы таких красивых! Откуда ты явился такой красивый? Ноль внимания, кило презрения. Не грози на грязи, сперва вывези. Я с твоих угроз велик возрос!*

Примечания

Даль В. И. Пословицы русского народа: в двух томах. М., 1984. С. 20.

Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2-е. Ростов н / Д.; М., 2005.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1978.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972.

Спириин А. С. Русские пословицы: сборник русских народных пословиц и поговорок, присловий, молвушек, приговорок, присказок. Ростов н / Д: Изд-во Рост. ун-та, 1985.

СЕКЦИЯ 1

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

О. М. Мысенко

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН

Проблема возникновения письменности у славян волнует и будет волновать не одно поколение исследователей: внимание ученых к этой проблеме понятно. Исследования, безусловно, ведутся и должны вестись.

Официальная наука дает однозначный ответ, что письменности у славян до миссии Константина и Мефодия не было. Были «черты» и «резы», о которых упоминает черноризец Храбр, используемые для счета и гаданий.

Но в последнее время активно публикуются альтернативные точки зрения. Наши рассуждения – попытка защитить официальную точку зрения и помочь студентам, особенно студентам-первокурсникам, не запутаться в информации.

В 2008 г. в московском издательстве «Вече» вышла книга И. Ю. Додонова «Истоки славянской письменности», в которой утверждается: «...письмо у славян до Кирилла было, даже нескольких типов, и было оно довольно развитым» [Додонов, с. 354]. Образцами докирилловского письма, написанных «протокириллицей», И. Ю. Додонов считает «Ватиканскую рукопись», «Софийскую азбуку», текст Живко Петровича. Именно один из вариантов протокириллицы, по мнению И. Ю. Додонова, послужил Константину образцом для создания кириллицы. «Скорее всего, «русское письмо» богослужбных книг, виденным младшим из солунских братьев в Херсонесе, было протоглаголицей» [Додонов, с. 354]. Нельзя сказать, что версия, изложенная И. Ю. Додоновым, новая. В течение и XVIII, и XIX вв. проблема про-

исхождения письма у славян волновала умы многих ученых, и поиски докирилловской письменности велись очень активно.

Гипотеза, которая на лекциях по старославянскому языку излагается студентам, была высказана в 1785 г. Добнером, позже такое же предположение сделали Б. Копитар, Шафарик, ее разделяли Н. С. Тихонравов, В. И. Григорович, И. В. Ягич, А. М. Селищев, Л. А. Якубинский, Ч. Лоукогга. Приведем эти аргументы по книге В. А. Истрина «1100 лет славянской азбуки» [Истрин, с. 146].

Письменности у славян до обращения моравского князя Ростислава к императору Византии не было. Освещая вопрос, какая азбука была изобретена раньше и какую создал Кирилл, приводятся следующие аргументы.

1. Древнейшие из дошедших до нас глаголических рукописей, «Киевские листки», принадлежат западным славянам. В более позднее время глаголица получила распространение тоже у западных (юго-западных) славян в Далмации, Хорватии и Истрии. Язык древнейших глаголических памятников изобилует моравизмами и латинизмами. А это свидетельствует о том, что глаголица была создана в Моравии Константином Философом.

2. Язык древнейших глаголических памятников более архаичен, чем язык древнейших памятников кириллицы. В палимпсестах более ранний текст — глаголический.

3. В рукописи новгородского священника Упыря Лихого (XI в.) кириллицей названо глаголическое письмо.

4. В «Кратком житии Климента Охридского» сообщается, что Климент изобрел знаки письмен, отличные от созданных Константином.

5. Если бы Константин создал кириллицу, его азбуку нельзя было бы назвать новой, т.к. кириллица лишь видоизменение византийского уставного письма. Между тем, в ряде источников того времени о письме, созданном Константином, говорится как о новом письме. Таким образом, глаголица была создана Кириллом, а кириллица его учениками чуть позже и названа в честь учителя, много давшего ученикам и безвременно умершего.

На наш взгляд, более чем убедительные доказательства. Но каждому исследователю хочется сказать что-то новое.

В книге И. Ю. Додонова излагается другая версия: Константин признается автором глаголицы, кириллица же считается дохристианским славянским письмом, возникшим из византийского устава в ре-

зультате длительного применения византийского письма славянами и постепенного приспособления его к звуковой системе славянской речи. Константин познакомился с образцами протокирилловского письма в Херсонесе (именно на нем были написаны найденные им там «Евангелие» и «Псалтырь», «писанные русскими письменами»). Но стремясь к созданию азбуки совершенно новой, не напоминающей ни одну из ранее существовавших, Константин будто бы использовал протокирилловское письмо лишь как материал для разработки глаголицы. Однако впоследствии, в конце IX – начале X вв., более простая и совершенная глаголица возродилась в Болгарии (может быть, доработанная Климентом). Такой вариант теории о создании Константином глаголицы впервые был выдвинут в конце XIX в. русскими учеными В. Ф. Миллером и П. В. Голубовским, в последние десятилетия развивался болгарским ученым Е. Георгиевым.

Имеется еще одна точка зрения, изложенная в книге В. А. Истрина и пересказанная И. Додоновым: кириллица могла возникнуть эволюционным путем, в то время как глаголица (в том виде, как она дошла до нас) явно представляет собой искусственное создание, продукт индивидуального творчества. В то время как глаголица настолько хорошо отражает фонетику славянского языка, что создать ее мог лишь такой образованный и ученый филолог, как Константин Философ [Истрин, с. 146].

Эволюционную теорию возникновения глаголицы поддерживал и археолог В. Л. Янин, проанализировавший буквы новгородских берестяных грамот: «...кирилловское письмо формируется постепенно на основе греческого алфавита, а не имеет единовременного искусственного происхождения. Иными совами, версия об изобретении Кириллом не кириллицы, а глаголицы представляется весьма основательной...» [Истрин, с. 146]. Спорить или возражать академику – дело неблагодарное, но азбука – не биологический организм и не может возникнуть эволюционным путем. У каждого алфавита, не только славянского, но и финикийского как первоисточника для всех современных фонографических форм письма, есть автор, другое дело, что он не известен: это жрецы, монахи, ученые-просветители. Эволюционным путем, возможно, возникли предметное письмо и пиктография, и то предметы должен был кто-то «наполнить смыслом», а изображение должен был кто-то выбить или нарисовать на скале. На наш взгляд, знаки, как и произведения искусства, не возникают сами по себе, их должен кто-то нарисовать, создать – они имеют авторов, но часто исто-

рия не сохраняет их имена: мы знаем авторов грузинского и армянского алфавитов (Месроп Маштоц, IV в. н. э.), двух славянских азбук. Православные ученые XIX в. считали Кирилла создателем кириллицы, а составителем глаголицы диакона Феодосия, хорвата по происхождению. Архимандрит Леонид Кавелин писал в конце XIX в., что глаголица была составлена из кириллицы и народных и условных знаков счетного или торгового значения [Додонов, с. 37].

Достоинство книги в том, что в ней собраны, как кажется, все версии и предположения о том, какую же азбуку создал Кирилл. В книге приведены точка зрения В. А. Истрина и Д. И. Иловайского о существовании у славян и протоглаголического, и протокириллического письма. «Глаголица представляла собой алфавит западнославянский, а кириллица – восточнославянский» [Иловайский, с. 271].

И. Ю. Додонов убежден в существовании как протокириллического, так и протоглаголического письма у славян. «И если уж считать Константина создателем какой-то азбуки, то под созданием надо понимать создание на основе уже имевшегося славянского письма сакральной, христианской азбуки, приспособленной для записи религиозных христианских текстов. То есть, другими словами, Константин Философ перерабатывал, дополнял, устраивал уже существующие азбуки» [Додонов, с. 44–45]. И. Ю. Додонов считает, что Константин перерабатывал обе азбуки, создав два вида сакрального письма – глаголицу и кириллицу. «Создавая глаголицу, он:

- усложнил графические начертания букв;
- расположил буквы в порядке, максимально близком к порядку букв в греческом алфавите;
- возможно, дал буквам название;
- подобно греческим буквам, выделил славянские цифровыми значениями;
- ввел ряд греческих букв в созданный им алфавит; они нужны были только для передачи церковных терминов и имен греческого происхождения;
- возможно, создал юсы.

Создавая кириллицу, Константин проделал то же самое и с протокириллической азбукой. Дополнительно азбучная цифирь была максимально приближена к греческой. Были добавлены новые греческие буквы. Начертание уже введенных в глаголицу «юсов» было изменено и приведено к общему графическому стилю кириллицы» [Додонов, с. 57].

Очевидно, что автора книги не смущает сочетание *христианских религиозных текстов*, забывая, вероятно, когда христианство распространилось среди славян. Более того, и трактат черноризца Храбра, и произведения восточных авторов И. Ю. Додонов считает подтверждением существования докирилловского письма. Цитируемый автором В. А. Чудинов вообще утверждает, что Кирилл не создавал ни кириллицы, ни тем более глаголицы, а сократил часть известной ему по Херсонесу славянской письменности до 14 графем, но увеличил до 24 графем греческую часть [цитата по Додонову, 55]. Аргумент, что для перевода христианских богослужебных книг не могли использовать языческие знаки, на наш взгляд, несостоятелен: греческая и латинская письменность были созданы язычниками и это обстоятельство не мешало делать переводы Библии на эти языки. Таким образом, если письменность была, почему было обращение моравского князя Ростислава к византийскому императору Михаилу с просьбой о переводе греческих богослужебных книг, почему «христианские религиозные тексты», по мнению И. Ю. Додонова, были, а богослужебных книг, используемых в церкви, не было? Автор книги не видит очевидных противоречий даже в приводимых им примерах: «Ибн Фадлан во время пребывания у волжских болгар, в 921 г., увидев обряд погребения одного руса, пишет: «Сначала они развели костер и сожгли на нем тело, а затем построили нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку тополя, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились...» [Додонов, с. 81]. Во-первых, в 921 г. славянская письменность существовала уже более полувека. Во-вторых, если исходить из того, что восточные славяне приняли христианство только в 988 г., то это может свидетельствовать только о широком распространении христианства среди восточных славян, но не о их знакомстве с письменностью, изобретенной Кириллом и Мефодием не ранее 988 г. Как пишет Л. П. Лукьянов, княгиня Ольга была православной и благодаря ее усилиям в Киеве была достаточно большая православная община задолго до 988 г., княжеские дети и внуки обучались в школах, организованных княгиней, а учителями, а также советниками великой княгини были все те же православные византийцы [Лукьянов, с. 206]. В-третьих, кого Ибн Фадлан называет *русами*?

С функционированием и возникновением этнонима *русь*, *рось* не все так прямолинейно. На восемьдесят первой странице своего сочинения И. Ю. Додонов цитирует Эль Масуди, Ибн эль-Недима, Фахр

ад Дина, утверждавших, что хазарское письмо происходит от *русского*. Возможно, что и Константин видел в Херсонесе сочинения, написанные «русскими письменами», и встретил человека, говорящего по-русски, у которого научился читать и говорить, и неизвестное науке хазарское письмо произошло от русского, но дело в том, что *русское* не значит *славянское*.

О происхождении этого этнонима высказана наша точка зрения, изложенная в статье О. М. Мысенко «К вопросу об отражении в лексике русской ментальности» [// Слава вам, братья, славян просветители. Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2008. С. 287–296]. Поэтому и договоры, которые Русь заключала с Византией в 907, 944 и 971 гг. до принятия христианства, о которых упоминает автор книги, не могут свидетельствовать о существовании именно славянской докирилловской письменности: русской — да, но не славянской. Были ли русы тавроскифами, как считает Стефан Ляшевский, которые пользовались «ивановым писанием» [Додонов, с. 84], или германцами, или каким-то другим племенем, которому славяне платили дань, или сословием, как пишет К. Г. Красухин, сплотившемся вокруг князя [Красухин, с. 98], *русский* и *славянский* в средневековый период — неравнозначные понятия.

Совсем уж диковинной выглядит точка зрения Г. С. Гриневича, считающего, что минойский язык — это и есть праславянский, на котором говорили пеласги, одно из крупнейших племен Древнего Крита. По мнению Г. С. Гриневича, пеласги и есть праславяне, а линейное письмо, считавшееся нерасшифрованным официальной наукой, расшифровано им именно исходя из предположения, что минойский язык — это язык праславянский [Гриневич, с. 53–55]. Фестский диск написан, по мнению Г. С. Гриневича, тоже минойским языком. Что это? Отсутствие понятия об индоевропейских языках; минойский язык, по последним выводам ученых, относится к иранским языкам, и родственник славянским в той же степени, что и другим языкам — балтийским, кельтским, романским. Если предположить, что, расселяясь, возможно, спасаясь с Крита, подверженного всяким природным катаклизмам, минойцы оказались на другой территории, все равно трудно представить, что народ, умевший строить дворцы, создавший такую систему организации общества, которую мы называем сейчас государством, пользовавшийся водопроводом и канализацией (археологические открытия на Крите подтвердили это), мог забыть обо всем, о письменности в том числе, и строить только простейшие примитивнейшие срубы из дерева или землянки.

К VII в. первые славянские государства только начали создаваться, в населенных пунктах сооружений, подобно критским, найдено не было.

И. Ю. Додонов, сожалея о гибели Иоакимовской летописи во время пожара 1812 г., летописи, которая старше «Повести временных лет» лет на сто, предполагает, что Иоаким Корсунский, ее автор и первый новгородский епископ, участник крещения новгородцев, пользовался некими письменными источниками, восходящими к дохристианским временам, которые после крещения всячески преследовались и уничтожались. Но кто был первыми епископами, священниками, писцами, даже монахами в стране, только что принявшей христианство? Ответ очевиден – выходцы из Византии, страны многонациональной, поэтому их называли просто греками. Именно они, византийские священнослужители, создали письменность и армянам, и грузинам, именно они знали разные системы письма, поэтому Иоаким мог делать записи, но вряд ли при этом он мог пользоваться славянской письменностью.

Кроме сообщений письменных источников, в которых автор, вслед за В. А. Чудиновым, видит свидетельства о наличии письменности у славян, в книге имеются ссылки на «образцы», найденные в результате археологических раскопок, которые официальная наука не игнорирует, а называет их «чертами и резами», каковыми они и являются. Наличие свидетельств начального этапа развития письма соответствует уровню экономического состояния славянских племен. Это тот этап, который прошли все народы. К высказываниям В. А. Чудинова, на мой взгляд, следует относиться с крайней осторожностью: чего только стоит его высказывание, что все языки произошли от русского и полное игнорирование понятий индоевропейские языки, индоевропейский праязык, праславянский язык.

И. Ю. Додонов приводит в качестве примеров и алекановскую надпись, нанесенную на глиняный сосуд X–XI вв., найденную во время раскопок под Рязанью, и свинцовые пломбы, найденные на Западном Буге у села Дрогичина, надписи на «старорусских календарях и пряслицах» X–XI вв. На предметах обихода существование надписей еще более понятно: книги писались писцами-монахами, выходцами из Византии, а горшки, печати, пряслица делали ремесленники или просто «пользователи», вероятно, видевшие буквы и пытавшиеся их воспроизвести на предметах быта, а возможно, что буквы пытаются видеть в обычных чертах и резах, надрезах, естественных у обществ, не создавших письменность. Такие «надписи» можно считать орнамен-

том, свидетельствовавшем о том, что славяне видели и интересовались письменными знаками.

Воспроизведение на предметах быта букв не свидетельствует о наличии письменности. Письменность используется для передачи следующим поколениям знаний, культурного опыта, создания литературных произведений: у славян подобных свидетельств не было. К тому же, и греческий, и латинский, и еврейский алфавиты восходят к финикийскому, поэтому и в различных надписях, о которых говорит автор, имеющих весьма сомнительную датировку, потому что методы весьма условны, имеется сходство. К тому же, «трудный» писчий материал и средства написания не предполагают абсолютного совпадения в начертании букв, а лишь некоторую угадывающуюся схожесть.

Комментировать высказывания автора книги, опирающиеся на мнение археолога С. Высоцкого по поводу Софийской азбуки, появившейся в Киевском Софийском соборе, построенном в XI в., что на Руси до 863 г. существовала упорядоченная документация и литература, представляется излишним. Появление азбуки на стенах собора ведь может просто свидетельствовать о неких упражнениях строителей в запоминании алфавитных знаков.

На наш взгляд, письменности до Кирилла и Мефодия у славян не могло быть еще и потому, что, по мнению Л. П. Лукьянова, «...славяне в конце V— начале VI вв. еще не развились до земледелия и скотоводства; они находились на более ранней стадии своего общественного развития ... В начале VI в. анты — это искусные охотники и собиратели, примитивные земледельцы и примитивные скотоводы ... Род и родовая община — основные формы организации их жизни» [Лукьянов, с. 11–12], только к «VII и в VIII вв. становятся скотоводами и земледельцами» [Лукьянов, с. 64]. Более того, славяне VII–VIII вв., по мнению Л. П. Лукьянова, находясь в союзе с обрами (аварами) и участвуя с ними в военных походах, имели рабов, которые и были основной «мозговой», интеллектуальной, силой. «У них анты и славяне учатся скотоводству и земледелию, через них повышают уровень родового ремесла — обработка металла, дерева, кожи, прядения, ткачества; развивают навыки по строительству жилищ, амбаров, скотных дворов, учатся использовать в земледелии навоз от домашних животных. И если у грамотных греков рабы это просто рабочая сила, то в родовых общинах у антов и славян рабы в VI–VIII вв. — это «обучающая рабочая сила» [Лукьянов, с. 64–65]. Если предположить, что изображения букв (надписи) относятся к периоду до IX в., то объяснение может быть только

одно: среди славянского населения были представители иной, не славянской культуры, знакомые с письменностью, выполняя какую-то работу, они могли делать надписи.

Экономическая составляющая жизни древних славян такова, что они общались с народами разного культурного уровня: византийцами, германцами, кочевыми народами, знакомясь с их особенностями быта, могли видеть письменные знаки. Но знакомство с письменностью не предполагает владение ею. По мнению Л. П. Лукьянова, к которому мы присоединяемся, только к концу VIII в. восточные славяне ушли от потребительского способа воспроизводства жизни и пришли к производительному [Лукьянов, с. 84]. «К моменту, когда франки и болгары в начале IX в. уничтожают аварский каганат, в Восточной Европе, на месте антов и славян мы обнаруживаем 12 народов, называемых по именам доминирующих кланов, народов, остановившихся в VIII в. в организационном развитии. Эти народы: древляне, поляне, уличи, волыняне, хорваты, тиверцы, словене, кривичи, дреговичи, радимичи, северяне, вятичи — не самоопределились и их не определили, они не имеют собственной завершенной государственности и связанной с ней атрибутики, они приспособлены выполнять и выполняют «вспомогательные» функции младших партнеров в аварском каганате [Лукьянов, с. 84].

Славяне не могли иметь письменности, потому что уровень их экономического состояния, социального и культурного развития не позволял ее иметь. Как бы ни хотелось удреветить историю славян вообще и восточных в особенности, нельзя не считаться с очевидными фактами. И еще, занимаясь такими фундаментальными вопросами, как история славянской письменности, нельзя сделать правильных выводов только в пределах одной науки — истории или языка, необходимо анализировать и исторические, и лингвистические, и экономические, и психологические данные.

Примечания

1. Додонов И. Ю. Истоки славянской письменности. М.: Вече, 2008. 384 с.
2. Иловайский Д. И. Начало Руси. М.: Алгоритм, 1996.
3. Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М.: Наука, 1988. 192 с.
4. Красухин К. Г. Откуда есть пошло слово. М.: Наука, 2008. 187 с.
5. Лукьянов Л. П. Восточные славяне: разве это мы? Эволюция VI—X вв. М.: Крафт. 2004. 224 с.

«ЗЕАЮ, ЧТО ОБО МНЕ ДЕТИ ОТЕЧЕСТВА ПОЖАЛЕЮТ»

(к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова)

За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра I, чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство... За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве.

М. В. Ломоносов

*Разве-де нам десять Ломоносовых надобно?
И один-де нам в тягость.*

(Из «Записки о необходимости преобразования Академии наук»)

Есть многие признаки, которые отличают человека от животного. Но самым главным является память. Слово это глубоко древнее, имеющее широкий круг родственников, которые соединяют память с *мыслью, разумом, мудростью* и даже с самим понятием *человек*. Человечество движется и теми, кто сохраняет эту память для поколений. 300-летняя дата — достойный повод вспомнить об одном из трёх, определённых ЮНЕСКО гениев цивилизации — Аристотеле, Леонардо да Винчи и Ломоносове. Их объединяют не только физическая мощь и многогранность деятельности, позволившей заложить основы новых знаний, ставших поворотным моментом в жизни цивилизации, прорывом в будущее, но и загадка их личности, которую будут разгадывать до тех пор, пока человечество жаждет знаний.

М. В. Ломоносов ближе к нам по времени, но если Леонардо да Винчи стал раскрученным «брендом», то к жизни и творчеству Ломоносова приложима русская пословица «Что имеем не храним...» Практически утрачена библиотека, архив и часть трудов М. В. Ломоносова, и подлинный, исполинский размах его личности ещё не оценён.

Не оценили и в 2011 г. Для России 300-летняя дата устроителя просвещения и наук оказалась простой формальностью, которую уж ни-

как не обойдёшь, что и вылилось в несколько привычных юбилейных фраз и небольшой научно-популярный фильм ... Не обошлось и без так любимых нашими СМИ «жареных фактов» – и вот готов портрет Ломоносова, любителя кутежей, растратчика казённых денег, пьяницы, скандалиста и драчуна, притеснителя немецких «учёных». После этого начинаешь сомневаться – а был ли «наш первый университет»? Когда ж ему, дебоширу и алкоголику, наукой заниматься и устраивать российское просвещение? Но и здесь у вездесущих СМИ есть объяснения: Ломоносов – внебрачный сын Петра I, отсюда и все столь любезные им подробности обстоятельств не только рождения Михайлы скорее Петровича, но и его научного взлёта – папаша поспособствовал, хотя и умер в 1725 г., но «сынка» своего в Славяно-греко-латинскую академию в 1730 г. пристроил, а затем перевёл из Москвы в столицу своего имени, а в 1736 г. отправил вместе с двумя другими студентами на учёбу в Германию, и уж, конечно, не как исключительно способного молодого человека... Поистине для России нет пророка в своём отечестве!

То, что в других странах является национальной гордостью и достоянием, для нас – предмет глумления. То, что другие народы пытаются исправить, восстановив историческую справедливость, воздать дань своим в своё время не оценённым соотечественникам, мы забываем, черним с неизбывной энергией и неистребимой радостью. Мы присвоили себе отношение иноземцев к своей истории и славе, которое «основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов, отказать нам в этом праве они не могут, но и смириться с тем – тоже» [1, с. 6].

В своё время о таких иноземцах писал А. С. Пушкин: «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории её, ни славы её. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших рукописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцов» [7, с. 214]. Однако сейчас уже и соотечественники в этом преуспели. Мы потеряли «первый признак ума просвещенного» – «уважение к именам, освящённым славою» [7, с. 215], а вместо этого получили растёкшиеся в информационном пространстве «дикость, подлость и невежество», которые «не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» [7, с. 191]. В случае с М. В. Ломоносовым всё усугубляется его мужицким

происхождением, его великим и свободолюбивым нравом, жаждой служить великим целям, неудобством его грандиозной личности, неспособной притворяться, льстить, прогибаться под так называемых «сильных мира»... И это остро чувствовали во все времена – и в политическом XVIII в., и в пролетарском государстве, и в век научно-технической революции. Ломоносов так и остался «мужиком в парике».

После смерти гениев, так много сделавшего для русской науки и русского просвещения, был отмечен только одним панегириком, и то напечатанным во Франции на французском языке в журнале *L'Annee litteraire*, где покровитель М. В. Ломоносова граф А. П. Шувалов пишет о гениальном одиночке в дикой стране, великом поэте – преемнике германских поэтов, обласканном императрицами и меценатами. В конце, правда, было добавлено, что «к славе великого поэта он присоединяет звание удачного прозаика», указывая его бессмертное похвальное слово Петру I [5, с. 139–140].

Только в семидесятые годы XVIII в., благодаря статьям Н. М. Новикова и особенно «Слову похвальному Михайле Васильевичу Ломоносову» М. Н. Муравьева, заговорили о великом учёном, поэте и человеке. В 80-е гг. даже Екатерина II для доказательства того, что благоденствие народа, его культура и язык зависят от государей, прибегла к авторитету Ломоносова.

Не случайно А. Н. Радищев заканчивает своё «Путешествие из Петербурга в Москву» «Словом о Ломоносове», где даётся биография того, «кто жил во славу России», но где он прославляется как придворный – Елисаветинский, иногда Шувалова певец. При этом Радищев отвергает Ломоносова как деэписателя (историка) и естествоиспытателя – «он скитался путями проложенными, и в бесчисленном богатстве Природы не нашёл ни былинки», за исключением «преследования электрической силы», но и тут, в отличие от иноземных зодчих, Ломоносов был «рукодел» [6, с. 329].

Однако великую личность может оценить только достойный сын Отечества. Таким был великий поэт А. С. Пушкин. Пронзённый величием российского гения, он собирал материалы для его биографии, читал его письма И. И. Шувалову, М. И. Воронцову, отчёты и другие документы, близко знал правнучку Ломоносова – Марию Николаевну Волконскую, жену декабриста С. Г. Волконского, дочь героя Отечественной войны 1812 г. генерала Н. Н. Раевского. И Пушкин был уверен, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» [7, с. 90].

А. С. Пушкин, купивший за 200 рублей экземпляр запрещённой радищевской книги (как свидетельствуют современные исследователи, принадлежащий самой Екатерине II с её пометками), создаёт своё «Путешествие из Москвы в Петербурга» (1934 г.), а в 1936 г. пишет статью «Александр Радищев», которую заканчивает приговором: «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» [7, с. 327].

Неприятие взглядов А. Н. Радищева во многом было обусловлено и полемикой в оценке М. В. Ломоносова.

По мнению А. С. Пушкина, А. Н. Радищев нанёс «удар неприкосновенной славе русского Пиндара», но «прикрыл это уловками уважения» и безумно «дерзко обошёлся со славою Ломоносова»: «Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматiku, чтоб в конце своего слова поместить следующие строки: «И мы не почтём Ломоносова, для того, что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпосе, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда был проникателен в суждениях, что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей» [7, с. 270].

А. С. Пушкин оценивает М. В. Ломоносова как величайшего гения, отказываясь, как и его великий предшественник в «Слове похвальном Петру I», от сравнений с кем бы то ни было. К чему эти прозвища? Пушкин возмущён, что А. Н. Радищев видит в М. В. Ломоносове «лорда Бекона»: «Такое странное понятие имел 18-й век о величайшем уме новейших времён, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давший им то направление, по которому текут они ныне. Ломоносов есть русский Ломоносов — этого с него, право, довольно» [7, с. 279].

А. С. Пушкина не только поражал тот жар, с которым М. В. Ломоносов говорил о науках и просвещении [7, с. 271], но он уже знал цену «великому человеку» и защищал его от всех «изворотов» и нападков, в том числе в своеобразной полемике с А. Н. Радищевым. В доказательство величия учёного и поэта А. С. Пушкин приводит многостраничный рапорт М. В. Ломоносова графу И. И. Шувалову о своей работе с 1751 по 1757 гг. [7, с. 271–275], следуя уже указанному М. В. Ломоносовым направлению: «великий сей муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислил, есть ли бы только исчислить возможно было» [4, с. 262].

А. С. Пушкин высоко ценил энциклопедический характер интeресов, познаний и свершений М. В. Ломоносова, универсальность его

неистошимых талантов, проникающие и обогащающие друг друга знания, неразделимость его трудов по химии, физике, географии, экономике, истории, литературе, языку.

Деятельно сострадательный М. В. Ломоносов близок А. С. Пушкину: «Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!» [7, с. 275]. 26 июля 1953 г., в день смерти профессора Рихмана, М. В. Ломоносов обращается к графу И. И. Шувалову с просьбой выдачи денег его вдове и детям: «за такое благодеяние господь вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое» [3, с. 112], а затем, через месяц (30 августа), М. В. Ломоносов пишет М. И. Воронцову, уже с укорами и обвинениями: денег не выделили, хотя другие незаслуженно их получали, а у «Рихмановой вдовы и за этот день жалованье вычтено, несмотря на то, что он поутру был в Собрании» [3, с. 114].

Для А. С. Пушкина М. В. Ломоносов — «великий сподвижник Петра I» [7, с. 137]. Он, «к счастью, явился», когда в нём нуждался язык, литература, отечество: «Ломоносов великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [7, с. 270].

К этому одному из самых сильных определений феномена М. В. Ломоносова А. С. Пушкин добавляет своё восприятие великого человека: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник» [7, с. 137].

А. Н. Пушкин, полемизируя с А. Н. Радищевым, объясняет и своеобразие поэзии М. В. Ломоносова. Для А. С. Пушкин он, несомненно, «росский Пиндар», «один истинно классический» стихотворец и прозаик, хотя «у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта ... ныне вошло в обыкновение хвалить в нём мужа учёного, унижая стихотворца» [7, с. 343]. Безусловен вклад М. В. Ломоносова и в филологию — русистика и литературоведение начинаются с М. В. Ломоносова. Он «первый открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» [7, с. 137], но «науки точные были главным и любимым его занятием, стихотворство иногда забавою, но чаще должностным упражнением» [7, с. 138].

Возмущён А. С. Пушкин и радищевским укором М. В. Ломоносова в лести [7, с. 276], тем более что проблема достоинства и подлости им

затрагивается постоянно в статьях и письмах. Для А. С. Пушкина оды М. В. Ломоносова — продолжение традиции, идущей от знаменитого «Слова о Законе и Благодати» (1037–1043 гг.) митрополита Илариона: прославление не власти предрежащих, а великих дел и людей, поучение царей.

А. С. Пушкину очевидно, что дело не в том, что М. В. Ломоносов называет графа Шувалова своим благодетелем, графа К. Разумовского величает Полидором, а «его сиятельство граф М. Л. Воронцов, по своей высокой ко мне милости, изволил взять от меня мозаических составов для показания её величеству» [7, с. 276]. Он подробнейшим образом разъясняет современникам подобный феномен соединения у М. В. Ломоносова благодарности и чинопочитания, свойственных XVIII в., и необыкновенно развитого чувства достоинства: «Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния. Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, представителю мус, высокому своему патрону, который вздумал было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но неже у Господа моего бога дураком быть не хочу».

В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» «Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий! [7, с. 276].

А. С. Пушкин хорошо понимает, что Михайло Ломоносов был «ино-го покроя», нежели Сумароков, Державин и другие, «он везде был тот же: дома, ... во дворце, ... в Академии» [7, с. 275]. И многим было трудно находиться с ним рядом, а тем более соответствовать высокой планке требований великой личности, которая своим притеснителям открыто пишет: «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю» [3, с. 331].

Сам М. В. Ломоносов в предлагаемом им регламенте Академии наук требует «дружбы и согласия», «пристойного почтения и законного почтения», считая, что это приведёт к «беспрепятственному приращению наук» [3, с. 43]. Но при этом о себе писал: «Говорю как думаю, а не как кошки, которые спереди лизнут, а сзади царапают. Никогда

по чистой своей совести не останусь лживым человеком» [4, с. 137]. Более того, М. В. Ломоносов не только ставит диагноз российской ментальности – феномен неистребимой зависти ничтожных достойным и самодостаточным, но и открыто в письме графу И. И. Шувалову пишет: «Я все свои силы употреблю, чтобы те, которые от усердия велют быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своём неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать можно» [4, с. 324].

Чувство достоинства великого М. В. Ломоносова поддерживало и А. С. Пушкина в трудную минуту, и уже А. С. Пушкин пишет жене: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом, неже у господ» [7, с. 626].

Поведение М. В. Ломоносова со своими покровителями не в пример более достойно, чем современное А. С. Пушкину ханжество: «Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете» [7, с. 277].

Низкое происхождение Михайлы Ломоносова для А. С. Пушкина, дворянина с богатой родословной, не вызывает никакого отторжения. Это реальность европейских государств, о которой мечтал Ломоносов: «Там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды» [3, с. 346]. И теперь А. С. Пушкин убеждённо заявляет: «Имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят, может быть, все наши старинные родословные» [7, с. 216].

Изнанчив из глубин России, Ломоносов чудесным образом сумел приобщиться к образованию в век просвещения, куда допускались только дворяне. Это был последний рывок Петровской эпохи, где не сан, а природное дарование и усердие открывали двери к науке. И символично, что именно заступничество сподвижника Петра I Феофана Прокоповича спасло исключительно способного и прилежного Ломоносова от кары за дачу ложных показаний о своём происхождении.

Действительно, «великий муж может родить великого мужа» (А. Н. Радищев). И в оценке великого Петра I два великих сына России оказались весьма близки, в том числе и текстологически: «Основатель и строитель, весь в поте, в пыли, в дыме, в плавании» – «на троне вечный был работник»; «тогда отворились широкие ворота» – «в Европу прорубил окно».

Идея служения русскому просвещению поддерживалась богатырским физическим и нравственным здоровьем М. В. Ломоносова, верой во «всемогущий промысел, который не лишил меня дарования и прилежания в учении, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дорого» [4, с. 330]. В обличительном письме к Г. Н. Теплову в 1759 г., когда вместо «расширения наук в России» «злодеи ободряются, а добрые унижаются», М. В. Ломоносов объясняет, почему он не может сделать «неправое дело» — взять в адъюнкты двух нерадивых студентов, родственников Г. Н. Теплова: «Поверьте, ваше высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведенное слёзными опытами академическое несчастье. Я спрашивал и испытывал свою совесть. Она мне ни в чём не зазрит. Я бы охотно молчал и жил в покое, но боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла» [4, с. 330].

Поэтому М. В. Ломоносов стучал во все двери, взывал, доказывал, умолял — и без устали, неистово работал. Но и «упражнения в пользу отечества» нужно было вымалывать: у императрица часы «в покое и в уединении от хлопот, бывающих по должности», а у бога — «часы, свободные от болезни» [4, с. 442]. Как величайшую милость выпрашивает М. В. Ломоносов у графа И. И. Шувалова соизволения на совмещение описания «древности российского народа» с несколькими часами для физических и химических опытов, которых покинуть нет «ни нужды, ниже возможности». Он пытается объяснить интеллектуальному вельможе, что «всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами», но Ломоносов в этом не находит «ничего, кроме скуки», поэтому вместо «бильярду» просит позволения на занятие наукой [4, с. 322].

Многочисленные записки об исправлении, установлении, об устройстве и уставе Академии наук, о служебных преступлениях и упущениях, об учреждении лабораторий, об обязанностях журналистов — вот ещё одна стезя М. В. Ломоносова. Он не мог себе позволить спокойно размышлять и трудиться в тиши кабинетов и дворцов, его страсть к наукам нередко восполнялась в ночные часы, после битв с Таубергами, Миллерами, Шумахерами и Тепловыми, которые «подсовывали взамен самой науки её призрак» [3, с. 55]. Но ещё страшнее — ему, несправедливо оклеветанному врагами, приходилось оправдываться перед своими друзьями и скрывать от них своё служение делу, чтобы

не оскорбить их личные чувства (см., например, письма к Л. Эйлеру [4; с. 332–333] и Г. Ф. Миллеру [3; 117–118]).

Даже в служебных документах М. В. Ломоносова, естественных как дыхание, отзвуки страсти, надежды, разочарования, гнева, радости, скорби. Всё одушевлено его мощной энергией: «За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра I, чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство... За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве» [3, с. 160].

И читать их больно — притеснение таланта, посягание на истину, честь, свободу, отторжение всего русского и российского, царствование надменности, бездарности, иноземного высокомерия и безразличия. Действительно, когда «злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всему добру вред чинится ... всё отечество страждет» [4, с. 329],

И это было знакомо А. С. Пушкину. В статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830 г.) А. С. Пушкин, не отказываясь совершенно от права самозащиты» [7, с. 205], называет две причины, почему он не отвечал своим критикам: их голословные утверждения, откуда «их никак не выманишь», и лень, но из-за «несносных часов карантинного заключения» он берётся за перо, однако «глупее сего занятия отроду ничего я выдумать не мог» [7, с. 207]. А. С. Пушкин мог встать над суетою толпы, уединиться в Болдино, бродить по полям и лесам в Михайловском, пировать с друзьями. Он понимал, что будущим его читателям и почитателям неважно, «ползаю ли я в ногах сильных или я с ними даже не кланяюсь» [7, с. 220]. Он был поэт и знал: *«хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца»*.

Но М. В. Ломоносову надобно было оспаривать, ибо отступить было некуда — за ним было российское просвещение. Он понимает, что «главные причины худого академического состояния: первая — искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало учёных, вторая — недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении» [4, с. 349]. Они могут быть устранены только им, «страшной колючкой в глазу» [4, с. 333] противников российского образования. Поэтому М. В. Ломоносову должно было доказывать свою правоту и отвечать даже таким, как Тауберг и Теплов — опасным «противоборникам», ратующим за «освобождение Академии от Ломоносова». Ему надобно было сражаться с «шумахершиной», потому как знал все её последствия для русского просвещения и с горечью понимал, что «один в поле не воин»: «иногда Ломоносов до слёз доходил», когда видел разо-

рение просвещения [3, с. 397], и «на словах не могу за слезами донести» [3, с. 55] того, как «виновный оправдан, правый обвинён, Ломоносов осуждён!» [3, с. 129]. И уже А. С. Пушкин ставит диагноз «шумахершине»: «В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти учёных произведениях, отсутствие труда. Ныне так называемые учёные принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приноровлением модных понятий к старым, давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые в некотором смысле можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий дух сомнения и отрицания в умах незрелых и слабых и печалят людей истинно учёных и здравомыслящих» [7, с. 389].

Ростки неустроения Академии наук дали свои всходы в XIX в., и А. С. Пушкин наблюдает, как «дружина учёных и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах на просвещение, на всех приступах образованности» [7, с. 220].

При М. В. Ломоносове в нарождающемся российском просвещении со всей очевидностью проступали изъяны — нищета учёных и учителей, их неравенство перед другими профессиями, перспективы чиновнической карьеры и безысходность научной стези, преклонение пред всем иноземным, обогащение за счёт просвещения народа отдельных чиновников от науки, травля и утеснение достойных посредственностью ... «Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессору. И недавно зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении российских студентов: разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость» [4, с. 342].

«Исполин страсти к науке» на стезе служения отечеству и российскому просвещению испытывал и горечь поражения: «Итак, все мои будущие и бывшие речения тщетны. Бороться больше не могу: будет с меня и одного неприятеля, то есть недужной старости» [3, с. 145].

Щемящей безысходностью проникнуты «Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф, когда я в 1761 г. ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же» [4, с. 297]. Такое название одного из лучших лирических творений М. В. Ломоносова не случайно: глубина философского восприятия смысла человеческой жизни произрастает из унижительной необходимости отстаивать великое дело российского просвещения великим человеком:

Кузнечик дорогой, коль ты блажен,
Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истинне ты перед ними царь:
Ты ангел во плоти иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен;
Что видишь, всё твоё; везде в своём дому;
Не просишь ни о чём, не должен никому.

В июле 1762 г. М. В. Ломоносов пишет Екатерине II прошение об отставке, где кратко характеризует свою деятельность за 31 год, но «невзирая на ревностную и беспорочную службу для приращения наук в отечестве близ 12 лет в одном чину оставлен я и обойден многими, меня младшими в светских чинах, и тем приведен в великое уныние, которое болезнь мою сильно умножает» [3, с. 147].

Однако всегда, даже в «недужной старости», М. В. Ломоносов не сдаётся: «Но я себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь 20 лет; стоял за них смолода, на старость не покину» [4, с. 332], потому как «врождённая моя любовь и ревность к отечеству и наукам ... всего чувствительнее в моём сердце» [4, с. 329].

Доказательством тому служит составленный М. В. Ломоносовым за месяц до смерти «План беседы с Екатериной II» (26 февраля — 4 марта).

1. Видеть Г [осударыню]. 2. Показать свои труды. 3. Может быть, понадобится. 4. Беречь нечего. Всё открыто Шлёцеру сумасброднему. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у которого нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев. 5. Приносил его выс [очеству] декларацию. Да всё! и места нет. 6. Нет нигде места и в чужих краях. 7. Все любят, да шумахершина. 8. *Multa tacui, multa pertuli, multa concyssi* [многое принял молча, многое снёс, во многом уступил]. 9. За то терплю, что стараюсь защитить труды П [етра] В [еликого]. Чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство *pro aris est* [за алтари]. 10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют. 11. Ежели не пресечете, великая буря восстанет [3, с. 160].

Достойный сын отечества, А. С. Пушкин не только пожалел о М. В. Ломоносове и продолжил великое дело совершенствования

языка и литературы, но и защищал его как поэта, учёного, личность, уважал как великого человека.

Примечания

1. Колесов В. В. Домострой без домостроевщины // Домострой. М.: Советская Россия, 1990. С. 5–24.
2. Кулакова Л. И., В. А. Западов. А. Н. Радишев «Путешествие из Петербурга в Москву»: комментарий. Пособие для учителя. Л.: «Просвещение», 1974. 256 с.
3. Ломоносов М. В. Избранная проза. М.; Сов. Россия, 1980. 519 с., илл.
4. Ломоносов М. В. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. История. Филология. Поэзия. М.: Наука, 1986. 496 с.
5. М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников // сост. Г. Е. Павлова М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 342 с.
6. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Радищева: факсим. изд. М., Наука, 1984. 176 с.
7. Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. 708 с.

О. Н. Семенова

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СПЛОЧЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

В XX в., закономерно развиваясь по пути тысячелетнего восхождения, predetermined исторической судьбой, русский язык достиг своей функциональной вершины в качестве уникального и универсального средства общения между народами на обширном евразийском пространстве (СССР) и в качестве одного из мировых языков.

«Век XXI он встретил не только настороженно, но и не без потерь. Евразийское пространство, которому он служил веками, скрепляя и возвышая его, перестало быть единым и общим. Более того, в некоторых частях его русский язык объявлен нежелательным, чуждым и вредным» [1, с. 48].

Языковая политика относится к категориям, связанным с сознательным воздействием общества на язык. Она основывается на тех или иных социальных и идеологических принципах.

Известно, что от общих принципов национальной политики зависит языковая политика. Так, основные принципы национальной поли-

тики царизма преследовали цели подавления свободы, независимости, культуры народов дореволюционной России. Соответственно проводилась и политика притеснения национальных языков. Идеологи царизма противодействовали созданию письменности, организации обучения на родных языках, опасаясь развития соответствующих национальностей, их культур и языков.

Такое многообразие языков, как в России, их генетические и психологические различия делают языковую ситуацию в любой стране очень сложной.

Поскольку многие народы дореволюционной России не имели своей письменности, была развернута деятельность по созданию новых письменных языков — младописьменных языков. Из 127 языков народов нашей страны лишь 20 имели более или менее разработанную письменность. Своей оригинальной графикой письма пользовались только русские, украинцы, грузины и армяне, создавшие развитые литературные языки.

До Октябрьской революции в той или иной степени русским алфавитом пользовались представители нескольких народов (мордва, осетины, чуваша, коми, удмурты, якуты), исповедовавшие христианскую религию. Эстонцы, латыши и литовцы пользовались латинской графикой. Буряты и калмыки, исповедовавшие ламаизм, строили свое письмо на основе разновидности древнеуйгурско-монгольской письменности Караимы. Среди многочисленных мусульманских народностей Средней Азии и Кавказа использовалась письменность на основе арабского алфавита. Арабскую графику в разной степени приспособляли к своим языкам 16 различных народностей. Однако следует отметить, что эта письменность, как и другие, была недоступна широким массам трудящихся. Ее применение ограничивалось в основном сферой религии, а письмом пользовалось главным образом духовенство. Вся книжная продукция на некоторых языках состояла лишь из букваря да двух-трех церковных книжек. Поэтому неудивительно, что как у бесписьменных, так и у «письменных» народов процент грамотности был весьма низок.

В 20-х гг. XX столетия у многих народов нашей страны произошел переход на латинизированный алфавит. Этот переход сопровождался острой идеологической борьбой. Следует подчеркнуть, что латинизация сыграла определенную роль в развитии письменностей народов СССР, в их культурном и социальном развитии. Замена письменности, по мнению официального руководства, означала превращение ее

из орудия религиозной пропаганды в орудие социального прогресса. Позже, как известно, эти народы, заменив латинский алфавит, перешли на русскую графическую систему.

Мир, в котором мы живем, сложен, противоречив и многообразен. К тому же он, весьма динамично развиваясь, динамично видоизменяется: меняются расстановка и соотношение противоборствующих сил, меняются социальные приоритеты, происходит переоценка этнокультурных ценностей. Вместе с политической картой мира меняется его лингвистическая палитра. Так случилось исторически, что именно период функционального ослабления русского языка совпал с периодом активного продвижения процессов глобализации. Опорный язык глобализации – английский. В это же самое время русский язык, принимая на себя роль главной опоры, важнейшего фактора сплочения народов и культур исторической России, не может не быть препятствием на пути подобной тенденции. В современной России и Российской Федерации русский язык предстает в качестве чуть ли не единственным фактором сплочения общества и народов.

Примечание

1. Тарланов З. Русский язык – фактор сплочения России // Русская речь. 2003. № 6.

Е. А. Шапилова

О ПОЭТИЧЕСКОМ ПРЕДПОЧТЕНИИ ГЕНЕТИЧЕСКИ ПОЛНОГЛАСНЫХ И НЕПОЛНОГЛАСНЫХ ЛЕКСЕМ В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ

Наряду с повседневно-бытовой формой языка, которую принято называть диалектом, в глубокой древности начинают появляться формы, обслуживающие «высшие формы» человеческой коммуникации – язык фольклора и религии, на первых этапах своего существования тесно связанных между собой. Являясь наддиалектными формами языка, они стоят над диалектами, сочетают разнодиалектные признаки и характеризуются особым лексическим составом, специальной фразеологией, чуждыми разговорной речи синтаксическими конструкциями, а также шаблонами и формулами, то есть определённым уровнем обработанности языка.

До появления литературного языка язык устного поэтического творчества (язык фольклора) занимает высшую позицию в иерархии парадигмы языка. Ограничиваясь сферой словесного искусства, народно-поэтический язык сохраняет связь с тем или иным диалектным ареалом, что реализуется прежде всего через сказителей. Однако диалектные черты ограничиваются обработанностью языка фольклора, выражающейся в сосуществовании архаичной лексики и грамматических форм с более поздними единицами; наличием определённого стилистического стандарта, унаследованного из традиций прошлого; особой функции отдельных выразительно-образительных средств (например, постоянного эпитета); влиянием стихотворного размера на отбор лексических единиц и вариантов грамматических форм. Считается, что данная наддиалектная форма языка, как, впрочем, и другие, за исключением литературного языка, обладает гомогенностью, то есть неприятием чуждых по происхождению элементов.

Литературная страта вообще может быть генетически чуждой другим компонентам языка, что, например, наблюдается в бывших колониях, где в качестве официального государственного языка в конечном итоге утверждаются языки колонизаторов – французский, английский, испанский. Даже в случае исконности языковой природы литературного языка ему свойственна большая открытость его системы в связи с контактами языков и народов. Являясь в основном средством интеллектуального общения, литературные языки сближаются друг с другом, например, в сфере обслуживания науки и техники, и заимствуют чаще всего лексические единицы вместе с теми предметами и понятиями, которые они обозначают в других языках. Нередко литературные языки возникали, наследуя определённую сумму знаний, зафиксированных другими литературными языками. Таковы обстоятельства появления древнейшего литературно-письменного языка славян – старославянского языка, который является переводами текстов Библии с греческого языка, имеющего ко времени деятельности Константина Философа (Кирилла) и Мефодия в 863 г. тысячелетнюю историю своего литературного развития. Несмотря на чрезвычайно высокое качество переводов, в старославянских текстах появилось большое количество необходимых для передачи сакрального содержания слов, как правило, греческого происхождения, а в процессе своего бытования на разных славянских территориях тексты пропитывались элементами сербского, болгарского, русского и т. д. происхождения.

Подобный полигенез свойственен языкам классическим, которые усваивают, перерабатывают и передают общечеловеческие знания. По справедливому утверждению В. В. Виноградова, статус старославянского языка в древней Руси был обусловлен не только тем, что этот язык, «восприняв идеологическое богатство греческого и латинского языков, усвоив сложные формы синтаксического построения, отчасти созданные нормами византийской риторики, вступил в ранг культурных международных языков Восточной Европы» [Виноградов, а; с. 17], но и «некоторыми общими свойствами средневекового религиозно-мистического мировоззрения, обращённого к миру вечных сущностей и потусторонних символов» [Виноградов, б; с. 101].

Именно эти обстоятельства и обусловили его влияние на становление и развитие собственных славянских языков, особенно восточнославянского, а затем и старорусского литературных языков. Однако в обществе, где богослужение велось на родственном, а главное — понятном языке (в «Повести временных лет», статья 898 г.) утверждается, что «**словеньский язык и русский одно есть**» [Повесть временных лет, с. 16]), элементы старославянского происхождения проникают в том числе и в обыденную речь.

Среди генетически достоверных показателей южнославянского (старославянского) происхождения выделяется неполногласие, которое соответствует восточнославянскому полногласию. История сосуществования и взаимодействия лексем с данными рефлексами праславянских сочетаний представляет одну из самых интересных страниц исследований генезиса русского литературного языка, поскольку с самого начала их столкновения на русской почве до сегодняшнего дня они в той или иной степени были представлены в системе русского литературного языка. Достаточно назвать современные стилистически и семантически различающиеся пары типа *порох — прах, порожний — праздный, во-лость — власть, хоромы — храм, норв — нрав, город — град, ворог — враг*.

Считается, что в другие наддиалектные формы существования языка не должны были проникать старославянские по происхождению элементы, тем более те, которые в определённой степени дублируют исконные. Однако уже с момента первых записей былинного эпоса стало очевидно наличие неполногласных лексем, которые нельзя объяснить ни ошибками тех, кто записывал, ни оговорками сказителей [Бекасова, а; с. 123–130; Бекасова, б; с. 14–20].

Неполногласие было реальностью языка былин, в частности, об этом свидетельствуют наши исследования текстов наиболее зна-

чимого и распространенного былинного сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Анализ соотношения полногласной и неполногласной лексики в 8 вариантах данной былины, пропетой сказителями на разных территориях и в разное время (сборники Кириши Данилова (КД) и Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом (ОБ), показывает, что практически все полноценные лексемы представлены в коррелирующем виде, но с разной степенью предпочтительности того или иного коррелята. Исключение представляет только приставка-предлог *через*, что лишь подчёркивает значимость реализации неполногласных, как правило, дублетов, являющихся маркированными и выполняющих, по всей видимости, особую поэтическую функцию.

Гетерогенность элементов, особенно в былинах Кириши Данилова, настолько высока, что они, как правило, выступают в паре. При этом наибольший интерес представляют морфологические дублеты типа *город/град*, *молод/млад*, *голова/глава*, *золото/злато* [Шапилова, с. 663–670].

Однако даже среди указанных пар выделяется функционирование корнесловов *город/град*, что определяет необходимость исследования особенностей отбора данных лексем в структуре былинного текста.

Следует подчеркнуть, что все сказители (Кириша Данилов или сказитель, которого он записывал; Феопанов Иван; Сарафанов Андрей Васильевич; Никитин Федор; Федулов Павел Антонович; Мешников Петр Яковлевич; Калинин Петр Лукич; Дьяков Александр), независимо от возраста, опыта и таланта, используют полногласие и неполногласие в указанных корнесловах, при этом могли их употреблять в пределах находящихся рядом контекстах типа: *Да поехал ко **городу** ко Киеву Поспеть к обедне ко Христоской* [КД: 80, 81] – *Приехал он во Киев **град*** [КД: 82]; *Ай ко славному ко **городу** ко Киеву* [ОБ: 18] – *Подъезжает тут он под Чернигов **град*** [ОБ: 18].

Типична для общих мест былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» формула распределения гетерогенных дублетов *город + топоним/топоним + град* (обычно в конце строки), ср.: *Как из (с)лавного **города** из Мурома* [КД: 1] – *Не вози соловья во Киев-**град**!* [КД: 95]; *Того ли **города** он Муромля* [ОБ: 1] – *Ай во стольный во славный во Киев **град*** [ОБ: 6].

Наиболее употребительными при полногласной лексеме оказываются предлоги *от*, *ко*, *во*, *из*, *к*, *до*, *с*: *К стольному **городу** ко Киеву* [КД: 5]; *Еду от **города** Чернигова* [ОБ: 240]; *Ехать к **городу** к Чернигову* [ОБ: 10];

Я есте из города из Муромля [ОБ: 220]; *Заезжает он во город во Бекешовец* [ОБ: 76]; *А до города Чернигова* [ОБ: 15].

Такие же разночтения наблюдаются и в тексте былины «Илья Муромец и Калин царь», исполненной выдающимся сказителем онежских былин Т. Г. Рябининым, однако неполногласная огласовка *град* здесь встречается в три раза чаще, чем соответствующий полногласный вариант. Такое преобладание южнославянского по происхождения рефлекса праславянского сочетания, в целом не свойственное былинам, наблюдается на фоне и количественного, и качественного предпочтения полногласных сочетаний в тексте указанной былины, что требует особого исследования причин и условий выбора полногласных и неполногласных сочетаний в указанной паре.

На первый взгляд, в тексте былины «Илья Муромец и Калин царь» Т. Г. Рябина наблюдает та же типичная формула распределения гетерогенных дублетов *город + топоним* (обычно с двойными предлогами)/*топоним + град* (обычно в конце строки), ср.:

По всему-то *городу* по Киеву [здесь и далее ссылки на Р] (25);

Во твоём во *городе* во Киеве (25);

Да и наставить по всему-то *городу* по Киеву (26);

И доехал он из *города* из Киева (28);

Мог бы постоять один за Киев *град* (24);

Обошел собака Калин царь наш Киев *град* (27);

И постой-ко ты за славный Киев *град* (27).

Однако анализ версификационных особенностей строк былины сказителя Т. Г. Рябина показывает, что, несмотря на разброс в количестве слогов – от 9 до 16, типичным является «русский силлабический 13-сложник» (М. Б. Гаспаров) с двумя конечными безударными слогами, который достаточно редко разрывается 11-сложником (около 15%) с двумя конечными безударными слогами или редким для былин конечным ударным слогом.

По мнению Н. С. Трубецкого, именно количество слогов первоначально играло решающую роль в метрике былины [Трубецкой, с. 356]. Однако после падения редуцированных, когда произошла перестройка слогов, в том числе и их сокращение (XII–XIII вв.), появилась необходимость в определённой степени сохранить музыкальную фразу былины за счёт осложнения «совершенно ненужными частицами и словечками» [там же]. Видимо тогда особо востребованными стали полногласные и неполногласные корнесловы типа *город/град, молод/млад*, являющиеся полными дублетами, но различающиеся только

гласным, что в версификации ещё со времён Аристотеля было особо значимым.

Сочетания *Киев град* и *город Киев* различались не только одним слогом, что было важно не только для чёткой выдержки 13 или – реже – 11 строк, но и, в крайнем случае, обеспечивало соблюдение минимальных или максимальных рамок строки, например:

И воспылал-то тут собака Калин царь на Киев *град* (16 слогов);

И хотит ён розорить да стольний Киев *град* (13 слогов) (24);

По всему-то *городу* по Киеву (11 слогов) (25);

И доехал он из *города* из Киева (13 слогов) (28).

Однако чаще всего ударный неполногласный корнеслов заканчивает 11-сложник, при этом среди достаточно ограниченного числа конечных ударных слов (*коня, слова, себя, царь, мог* и др.) в 29 % всех случаев встречается *град*. Его замена на полногласный эквивалент привели бы к 12-сложной строке, что в данной былине не встречается, и хореической клаузуле (предпоследнему ударному слогу), что отчётливо избегается на протяжении всего текста былины.

Как утверждал Н. С. Трубецкой, после падения сверхкратких произошла «реформа версификации русской песни и былины», выразившаяся в том, что на смену неизменности безударных слогов в строке пришёл «новый метр с постоянным числом ударений и переменным числом слогов» [Трубецкой, с. 356]. При этом «собственно былинный стих» начинался с двусложной анакрузой и заканчивался двусложной клаузулой, а строка содержала 3 главных ударения [там же], при этом ритм и рифма нередко задаётся равным количеством слогов между ударными, повтором слогов, слов или словосочетаний, например:

Да смотри, что в грамоте написано (11 слогов),

Да гляди, что в грамоте да напечатано (13 слогов);

Очишай-ко ты все улички стрелецкии (13 слогов),

Все великие дворы да княженецкии (13 слогов) (25);

Подходи-ко ты ко столику к дубовому,

Становись-ко супротив князя Владимира,

Полагай-тко грамоту на золот стол,

Говори-тко князю ты Владимиру (25).

Запись А. Ф. Гильфердинга былины «Илья Муромец и Калин царь» в исполнении Т. Г. Рябинина наглядно показывает избегание ударения на предпоследнем слоге за счёт его искусственного переноса, например:

Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не рвутся (28);

Буду тебе платить дани веки по веку (37);

Й он спустил как эту тетивочку шелковую (35);

Й он попал в подкопы-ты во другии (33);

Он как видит, что дело ему не по любви (31).

Искусственность подобного переноса ударения подтверждается акцентологическими конечными вариациями, обусловленными сохранением двусложной клаузулы:

Хорошо держал моего коня ты богатырского! (27)

В том белом шатри двенадцать-то богатырей (29),

И у него есте сильные богатыри (32).

Важно подчеркнуть, что под такой сдвиг ударного слога подпадают устойчивые сочетания с постоянным эпитетом, например:

Да он ехал по раздольицу чисту полю (28),

Поезжайте-тко да во роздольицу чисто поле (29),

Да во славном раздольице чистом поли (32);

Вы седлайте-тко добрых коней

И садитесь-ко вы на добрых коней (31),

Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней,

Да садитесь-тко вы на добрых коней! (36);

И берет он плётку шелкову в белы руки (32),

Брал свой тугой лук разрывчатой в белы ручки (35);

Она сцапиночку сделала да на белой груди (36).

Версификационные причины отбора полногласия и неполногласия в паре *город/град* также подтверждаются единственным случаем совмещения морфонологических дублетов в контактирующих фразах:

А й под тот под славный стольний Киев *град* (11 строк);

Как под нашим-то под *городом* под Киевом (13 строк) (29),

где наблюдаются чёткие предпочтения в построении «некоей музыкальной схемы» «собственно былинного стиха (то есть трёхударного стиха, не допускающего хорейских клаузул)» [Трубецкой, с. 353].

В связи с этим версификационно могут быть объяснены и случаи отступлений от указанной закономерности сочетания генетически соотносительных корнесловов с топонимом, встреченные у известного онежского сказителя Федулова Павла Антоновича:

Через то ли *через град* *через* Черниговский (13 слогов) [ОБ: 6],

Уж как в том ли *гради* во Чернигови (11 слогов) [ОБ: 28].

Уж он едет *через град* *через* Черниговский (13 слогов) [ОБ: 27].

С одной стороны, в этих случаях наблюдается 4-сложный топоним с двумя последними безударными слогами, что позволяет использовать его в конце строки, с другой стороны, типичные 13-сложники

с 11-сложником, которые будут разрушены полногласным дублетом. Однако в случае реализации топонима без окончания и суффиксов нарушается двухсложная клаузула, и неполногласная форма становится востребованной:

Подъезжает тут он под Чернигов *град* [ОБ: 18].

Всё это доказывает первичность версификационных причин и вторичность выбора полногласных и неполногласных лексем в зависимости от места сочетания с топонимом, что наблюдается в памятниках древнерусской письменности, где не было музыкальной организации фразы. Неполногласие таким образом пополнило арсенал поэтических средств и стало использоваться как версификационное средство там, где язык готов был жертвовать гласным для сохранения былинного стиха.

Примечания

КД – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подг. изд. А. П. Евгеньевой, Б. Н. Путилова. М.; Л., 1958.

ОБ – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. III / подгот. текста и комментарий А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1951.

Р – Илья Муромец и Калин царь // «Гой еси вы, добры молодцы». Русское народно-поэтическое творчество. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 24–37.

Бекасова Е. Н. а) Генетический фон древнерусского текста: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.

Бекасова Е. Н. б) О закономерностях генетической организации летописного и былинного текстов // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010.

Виноградов В. В. а) Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1987.

Виноградов В. В. б) Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1987.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр., доп. СПб.: Наука, 1996.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): около 10000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1999. 843 с.

Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русских былин // Избранные труды по филологии / сост. Виноградов В. А. и Нерознак В. П. М.: Прогресс, 1987.

Шапилова Е. А. Генетическая характеристика языкового пространства былинного текста // Языковые измерения: пространство, время, концепт: материалы IV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 2 июля 2010 г. Т. I. М.: Книга и бизнес, 2010.

О ЯЗЫКЕ ЧЕЛОБИТНЫХ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПРОТОПОПА АВВАКУМА И ИГНАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО

Правление «тишайшего» царя Алексея Михайловича ознаменовалось одной из самых трагических страниц русской истории – расколом русской православной церкви и разразившейся вслед за этим гражданской войной, связанной с преследованием старообрядцев.

Слепая напористость «двух рогов антихриста» – патриарха Никона и царя Алексея Михайловича – коснулась прежде всего церковного обряда, укоренившегося в традициях русского общества. Тесная связь религии с письменностью в этом случае сыграла свою трагическую роль, так как церковная реформа прежде всего начиналась на Печатном дворе, где происходило, по мнению светских и церковных властей, исправление, а по мнению старообрядцев, искривление веры. Правка книг насильно вмешалась в церковную, а для того времени и в обыденную жизнь.

Трагическим событиям – падению Соловецкого монастыря, сожжению идеологов старообрядчества и вспыхнувшей эпидемии самосожжений, где, по некоторым подсчетам, погибло более 20000 человек, – предшествовала длительная и бурная дискуссия сторонников реформатора Никона и ревнителей древнего благочестия.

«Общинность» устройства государства, когда каждый член общества принадлежал к одной – истинной, православной христианской общине, давала право старообрядцам разговаривать с церковными и светскими иерархами на «ты» и надежду предотвратить конец света и пришествие Сатаны. Однако «тандем» Никона и Алексея Михайловича базировался на необходимости укрепления абсолютизма с его недоступностью и неподотчётностью «власть предержащих» народу, с его полным отрывом «верхов» и «низов». Впервые правящая «элита» показала свою неприступность и не прислушалась к предупреждениям, при этом обвинила в разрушении русского общества их защитников, назвав их раскольниками.

Интуитивно или сознательно светская власть жонглировала словами, и именно со слов и начинается раскол. Являясь в основном яркими личностями, защитники древнего благочестия, как это часто бывает в русском обществе, были недостаточно сплочёнными и нередко вступали в полемику и друг с другом. В частности, достаточно извест-

ны расхождения во взглядах «пустозерских сидельцев» – протопопа Аввакума и дьякона Федора Иванова, – ссора Игнатия Соловецкого со своею «братию».

Литературная манера признанных духовных руководителей старообрядческого движения также существенно отличалась. Данное обстоятельство является важным в плане того, что писатели-староверы отстаивали дониконовскую письменность, то есть религиозные, идеологические и политические аспекты церковной реформы в конечном итоге упирались в языковые проблемы. Все это дает основание определить изменения не только церковнославянского языка в период его кодификации в печатных текстах, но и русского литературного языка, на который в данный период было велико влияние сакральных текстов.

В связи с этим нами был предпринят сравнительный анализ двух челобитных царю Федору Алексеевичу выдающихся идеологов старообрядчества – протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого. Челобитные имеют один адресат и составлены в 1676 г.: челобитная Аввакума, видимо, вскоре после вступления Федора Алексеевича на престол после смерти его отца 30 января, челобитная Игнатия – 5 октября.

Главное событие для староверов уже произошло – один из «рогов антихриста» умер, о чем и сообщает его сыну Аввакум: *«Бог судит между мною и царем Алексеем, в муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду»* [Ав., с. 146], – что в дальнейшем стало причиной резкого ужесточения режима пустозерских узников. В отличие от Аввакума, Игнатий Соловецкий пишет об умертвии [нехорошей смерти] царя высоким слогом: *«от жития сего посекаем безвременно»* [Игн., с. 67]. Стилистически по-разному представлены и оценка деятельности царя Алексея Михайловича, ср.: *«иноземцы-то что знают? Что велено им, то и творили, своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддержали»* [Ав., с. 146] – *«царь же мимо преступ [ни]ков и разорителей закону Христову... люто и яро на нас, бедных, възъярился и, аки люты зверь, неукротимо възлютися. И аки свирепый зверь лев сыроядец, възреве жестокосердно и страшно, еретичество злое яве... И сие суровое и жестокое дело гневно начинает. И яряся совершая, и своему цареву вечное безчестие и упор сим делом сотворяет...»* [Игн., с. 67].

Для Аввакума важно теперь и отпадение «первого рога антихриста» – патриарха Никона – победителя святой веры, поэтому сразу же после уничижительных фраз о себе, челобитчике, следует совет

«Алексеевичу, дитятке красному, церковному»: *«А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час. Не оскверния бы рук своих, но и освятил, чаю... Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никонян»* [Ав., с. 146]. Игнатий Соловецкий уже знал о бесславном конце патриарха Никона, осужденного и сосланного в Кириллов монастырь, и не счел нужным даже упоминать об этом из *«мучительской власти»* и *«сатанинского воинства»* [Игн., с. 67].

Для идеологов старообрядчества воцарение Федора Алексеевича — надежда на избавление от последствий церковной реформы, на перемену государственной политики в отношении к приверженцам «древнего благочестия» от всяческих «лют» [Ав., с. 146, Игн., с. 67].

Однако для Игнатия Соловецкого обращение к новоявленному царю лишь повод вспомнить о самом страшном для него событии — взятии его родного Соловецкого монастыря — олицетворения Нового Иерусалима, последнего оплота благочестия. Царь Федор Алексеевич для него последняя надежда отменить приход антихриста, поэтому в самом тексте челобитной нет обращения к нему, что дает основание исследователям считать послание Игнатия Соловецкого челобитной только по форме, возможно и не отсылавшейся царю [Памятники, с. 29]. Абстрактность обращений исключительно только к «царю своему самодержцу» [Игн., 65, с. 66] лишь подчеркивает данное предположение. «Помышляя обрести пристанище тихо и покров крепок», Игнатий Соловецкий обращается от лица «бедных», но «никакой вины не знающих» соловецких монахов [Игн., с. 65].

Челобитная Аввакума реальна в каждой строке и проникнута его самобытной личностью. Помимо официальных обращений к царю, сопровождающихся многочисленными цитатами из священных книг, Аввакум вначале текст выстраивает по контрасту: *«свето-светило», «о тебе люди божия расточенныя радуются», «отрасль царская» — «ей, пес есмь аз, но желаю крупяны твою милости», «ты помазан елеем радости, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз в юдоли плачевной плачюся»* [Ав., с. 145]. Аввакум настаивает на своем праве проповедовать *«сыну Давыдову»*, чтоб услышал молитву его *«не во устнех льстивых»*, ибо только Федор Алексеевич *«един нашему спасению повинен. Аще не ты по господне без, кто нам поможет?»* [Ав., с. 146].

Однако здесь появляются и другие адресаты — князь Юрий Алексеевич Долгорукий, опекун юного царя, которого уже благослов-

ляет опальный протопоп: *«Помнишь, и дважды благослови ты да и ныне так же»* [Ав., с. 146]. Постоянное напоминание этим «верхним» людям о личных встречах — *«Князь Юрий Алексеевич, помнишь, ты мне жаловал и говорил... Прости, батюшко Якимушко! Спаси бы за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми»* [Ав., с. 146] — дает право Аввакуму поучать их, которых *«заслепил диявол»*, а они, *«отеческое откиня, странное богоборство возлюбивша, извратишася»* [Ав., с. 147].

Извиняясь, если в чем *«согрубил тебе, свету»*, Аввакум настаивает на своем: *«Не я своим умыслом, скверный, затеваю, ни, ни, никакo же, но время открыет»*; *«имей уши слышати, да слышит!»* [Ав., с. 147]. Здесь и намек на божественный промысел — скоропостижную мучительную смерть и муки в аду Алексея Михайловича, о чем узнал Аввакум от самого Спаса, и уверенность, что его слова сбудутся, *«яко чаша в руце господни»* [Ав., с. 147]. Дерзость Аввакума, судя по всему, была тут же оценена царской властью.

Иная тональность в челобитной Игнатия Соловецкого — в ней не поучение и программа «работы над ошибками», а плач по *«отцам моим светам»*, которые *«пожати быша яко доброзрелая пшевица сурвою жатвою, ругательно и безчестно»*... [Игн., с. 68]. Недаром Игнатий Соловецкий оговаривается и называет свою челобитную повестью — *«Аз же тако начну повесть объявляти: больных же отцов святых... спинами вместе связавши и за нозе вервьми, тако вмечаху на лютом морозе на море и лед»* [Игн., с. 69]. Перечисление мук — *от оружнова стреляния и мечнова сурова и безчеловечьного посещения, за ребра повешаны, в иордани утоплены, к конскому хвосту привязавше ногами, влачаху скончевахуся, пытками мучаща до смерти* — создаёт новый мартиролог мученикам Соловецким, *«новых исповедников соловецким в лето 7184. месяце генваря в 20 день, коликство же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот»*: *«земля растленна люто же есть»* [Игн., с. 71]. *«Вечная и небесная житница»* наполнена *«доброплодной жатвы»*, но не *«воздрстет и не укоренится волчец лютого ласкосердства, страстей подстрекатель, и терние от еретик»* [Игн., с. 71–72].

Две челобитные видных ревнителей древнего благочестия наглядно показывают различие в их стилистической манере и языковом воплощении сходных мыслей и идей — от знаменитого «вяканья» Аввакума до высокого стиля слова о великих страдальцах Игнатия Соловецкого.

Примечания

1. *Ав.* — Челобитная царю Федору Алексеевичу // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979.

2. *Игн.* — Челобитная царю Федору Алексеевичу // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998.

3. Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998.

Е. А. Ляхта

ИНВЕКТИВА В ЯЗЫКЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО

Иван Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. Это был поразительно талантливый человек. Казалось, ничто не затрудняло его в создании текста. Речь его текла совершенно свободно, соединяя высокое и низкое, просторечие с цитатами из Священного писания, перемешивая разные стили и жанры. Можно с полным правом утверждать, что разнообразие стиля Грозного полностью соответствует сыгранным им ролям и надетым личинам, столкновениям его диаметрально противоположных сторон характера: великого князя всея Руси, стремящегося стать царём, помазанником Божиим; отца подданным Иоанна, и безжалостного, хитроумного, «зlobесного» Ивана Грозного, «игумена» собственного «монастыря», предводителя лютого воинства, играющего в свои страшные и кровавые игры.

Произведения Грозного принадлежат эпохе, когда индивидуальный стиль писателей еще не был развит и проявлялся очень слабо. Исключение составляет стиль произведений Грозного. Чем это можно объяснить? Индивидуальный стиль произведений Грозного есть прежде всего отражение его индивидуального поведения — властно заявленной им его жизненной позиции [2, с. 21]. Фактически Грозный не осознает себя литератором: все его произведения носят сугубо деловой и политический характер, и тем не менее, имеют очень много черт истинных литературных произведений. Грозный пользуется многими стилистическими приемами, показывает собственную эрудицию, торжественность слога, но лишь для того, чтобы сильнее подействовать на собеседника, убедить его. Как только ему требуется — он немедленно ломает все рамки этикета.

Источники неоднократно говорят о том, что Грозный действительно бранился. Брань, включаемая им в его сочинения, была простым

перенесением в литературу его поведения в жизни. Характерно при этом, что, как это часто бывает, брань его была трафаретной, а бранные выражения часто повторяются [2, с. 22].

На основании одного только Первого послания Грозного Курбскому можно составить довольно полный список его излюбленных ругательств: *бес* [3, с. 14], *бесовский* [3, с. 28], *бесовское злохитрие* [3, с. 16], *бешеная собака* [3, с. 32], *злбесное умышление* [3, с. 48], *злбесовские советники* [3, с. 69], *злбесное хотение* [3, с. 45], *злбесовский* [3, с. 30], *злбесный разум* [3, с. 24], *окаянный, паче кала смердяй* [3, с. 11], *пес* [3, с. 12], *пес смердящий* [3, с. 53], *прокаженный* [3, с. 41], *псоволаяние* [3, с. 34], *собака* [3, с. 31], *собацкий* [3, с. 53], *собацкое умышление* [3, с. 59], *собацкое собрание* [3, с. 66], *совесть прокаженная* [3, с. 17] и пр. Многие из этих выражений встречаются и в других посланиях Грозного, например, в его Послании в Кирилло-Белозерский монастырь: *окаянный* [4, с. 162], *скверный* [4, с. 162], *пес смердящий* [4, с. 181], *пес злбесный* [4, с. 188], *бес* [4, с. 168] и др. В целом ругательства составляют в языке Грозного наиболее устойчивую и характерную для его языка лексическую группу, которая находится в кругу типичных для христианства асакральных вещей: *пес, собака, бес, скверна, проказа, зло*. Однако имеются и «дополнительные» инвективы: *батожник* [3, с. 11], *бедник* [3, с. 56], *упырь* [4, с. 175], *дурак* [4, с. 175], но все они употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность.

В посланиях, особенно написанных на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словесы» со «многую яростию и лютостию» как бы наплаиваются одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» смысла [1, с. 261]. Слово *бес* привлекается Грозным обычно для характеристики «государевых изменников» (Андрей Курбский, Иоанн Шереметев, Хабаров). Его излюбленный прием — использование сложных прилагательных, состоящих из слов *зло* и *бес*: *злбесный, злбесовский*. Многократно употребляются Грозным и слово *собака*, и различные словообразования, с ним связанные. Слово *собака* в значении ‘изменник’ перешло в литературу из устного эпоса, значительно дальше от просторечия и фольклора слово *пес* в иносказательном смысле ‘дурной человек’, встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени. Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для прида-

ния желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом.

Стиль Грозного сохранял следы как бы устного мышления. Он писал, как говорил. Возможно, он диктовал свои послания. Грозный ведет себя в своих посланиях совершенно так, как в жизни. Резко выраженные особенности стиля Грозного, его эмоциональность и возбудимость, резкие переходы от пышной церковнославянской речи к грубому просторечию идут не столько от усвоенной им литературной школы, литературной традиции, сколько от его характера и являются частью его поведения. Они несут в себе не столько элементы литературной традиции, сколько традиции скоморошества. В его посланиях отчётливо слышится голос грозного царя с его многочисленными вопросами: *«отдыху нет, таки Собакин и Шереметев! А я им отец ли духовный, или начальник? Но доколе молвы и шептания...? И чего ради? — злобесного ради пса Василья Собакина... Или бесова сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова?»* [4, с. 175]. Чеканная отповедь нашкодившим чернецам, которые *живут хульно и проклято*, и поэтому *погани поношают* [4, с. 185], заканчивается нежеланием царя заниматься монастырскими *безлепицами*, в том числе и теми, которые он сам видел — *по четкам матерны лают* [4, с. 194]. Но Иоанн Грозный делает последнее предупреждение и велит писание своё *по слогиам разуметь* [4, с. 194].

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 г.), мастер «кусательного» стиля, самодержец всея Руси, любивший игру в смирение, изображавший себя обиженным или принижённым, пренебрегавший многими литературными традициями ради единой цели: убедить и высмеять своего противника, — таков Грозный в своих произведениях. Однако, с точки зрения современного носителя русского языка, один из самых кровавых и неадекватных правителей России ругается не так, как привыкли сейчас. Ругань его более убедительна, изощрённа, действенна и во многом литературна, и не только потому, что привычная для нас «чёртова дюжина» срамных слов не была тогда в ходу, но и прежде всего потому, что опирается на устную (во многом скоромошью) и книжную (чаще всего христианскую) традицию и сдвигается языковым талантом противоречивого Иоанна IV Грозного.

Примечания

1. Шмидт С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV.

2. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение. Л.: Наука, 1984. С. 7–25

3. Первое послание Курбскому //Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). Санкт-Петербург: Наука, 2005.

4. Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). Санкт-Петербург: Наука, 2005.

И. В. Лавкова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ДУХОВНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святости, либо с угрюмым упорством вцепиться в обломки гниющего старого здания жизни и с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуть-ся в себя.

С. Л. Франк [4, с. 127]

Каждая эпоха пронизана особыми духовными интуициями, которые определяют направление духовного развития общества, его интеллектуальную составляющую. Современный человек остро ощутил бездуховность своей эпохи, утрату исходных положительных установок духовности, смысла жизни и основ веры. К определению понятия *духовность* в науке нет единого мнения. Понятие *духовность* всегда имело в философии важное значение и играет выдающуюся роль в ключевых проблемах: человек, его место и предназначение в мире, смысл его бытия, культура, общественная жизнь.

Духовное пронизывает все формы социальной жизни, облагораживая и привнося высший смысл, нравственность, чувство любви, понимание свободы в политику, в национальные и межнациональные отношения, в правовую практику, в труд и хозяйство. Таким образом, духовность складывается из явлений, которые не ограничены лишь рамками искусства, религии, науки и т. п., но затрагивают все аспекты жизнедеятельности общества, социальных групп, конкретного человека [2, с. 45].

К сфере духовности относится и национальная идея, представление народа о самом себе, его менталитет, а значит, и русский язык, который

является исторической памятью, воплощённой в слове. Совокупность слов в русском языке, образующих определенное понятие, в широком смысле образует семантическое поле.

Семантическое поле – термин применяется в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) семантическим признаком. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова, позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения.

Примером минимального семантического поля парадигматического типа может служить синонимическая группа, например, некоторая группа существительных или глаголов. Общий семантический признак, объединяющий элементы конкретного семантического поля, в других семантических полях того же языка может выступать как дифференциальный. Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей.

Русский литературный язык постоянно претерпевает социальные, психологические и структурные изменения, что не всегда благоприятно сказывается на его семантике, а значит, изменяется и лексико-семантическое поле в русском языке [3, с. 78]. Словарный запас русского языка может обогащаться разными способами, один из самых распространенных – заимствование слов из других языков, которые в свою очередь могут постепенно вытеснить традиционные слова, то есть сместить ментальные характеристики русского слова в область а) субъективно окрашенной; б) обобщенной; в) семантически неопределенной семантики. Например, *уважаемый* – *респектабельный* – *респект* и *уважуха*; *милосердие* – *благотворительность* – *меценатство* – *спонсорство*; *торжество* – *фестиваль* – *пати*; *честь* – *престиж*; *терпимость* – *толерантность*; *соборность* – *коллектив*; *любовь* – *секс* и др.

Данные группы слов образуют лексико-семантическое поле, т.к. они составляют синонимическую группу, в основе которой лежит общий семантический признак. Для того чтобы проследить за формированием ядра лексико-семантического поля в русском языке, мы использовали концептуальный анализ, который включал в себя ряд вполне определённых способов, направленных на выявление и описание отдельных признаков лексико-семантического поля: а) систем-

ный способ, состоящий в сравнении значения слова со значениями других слов, содержательно близких ему (анализ синонимов, которые представляют собой множественность средств выражения одного и того же содержания); б) способ анализа и сопоставления словарных дефиниций.

Материал нашего исследования выстраивался на основе данных различных словарей. Они представлены следующими типами: толковые словари (В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой); этимологические словари (П. Я. Черныха, М. Фасмера); исторические словари («Словарь старославянского языка», «Словарь русского языка XVIII века»); «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой, «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньева; «Философский энциклопедический словарь» под редакцией Е. Ф. Губского.

Для того чтобы проследить за изменением ядра лексико-семантического поля в русском языке, нами было проведено анкетирование студентов Бузулукского колледжа промышленности и транспорта. Респондентам необходимо было дать определения словам и указать частотность употребления слова в речи (от одного до трёх) и слово-доминант, которое, по их мнению, является главенствующим в данной цепи. 91 % (48 студентов) справились с заданием. Респонденты указали лексическое значение слов и частоту употребления. Однако участники анкетирования не осознают семантического различия между словами и считают их синонимами, а значит, они не видят семантических особенностей исконно русских слов и заимствований. Важно отметить, из 56 респондентов 45 (88 %) указали, что в речи они используют чаще иноязычную лексику, а такие слова, как *соборность*, *уважаемый*, *милосердие* респонденты не употребляют. Большинство участников отметили, что слово-доминант в каждой из цепочек слов является заимствованным. Своеобразие данной синонимии состоит в том, что доминанта, на основе которой строится синонимичный ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному образу или представлению, которое создавалось в течение столетий, отражая развитие национальной культуры. Носитель современного русского языка свободен в выборе слов и форм, он обязан умело пользоваться обилием лексических вариантов, для того чтобы сохранить красоту и семантическое богатство русского литературного языка, например, *терпимость* – *толерантность* – *снисходительность* – *мягкость* – *нетребовательность* – *невзыскательность* – *либеральность* [1, с. 239–240].

Однако в определённой коммуникации носитель языка должен избирать единственно нужный и верный вариант, чтобы сохранить практическую и семантическую значимость слов. Принятие огромного количества заимствованных слов как своего рода эталонного стандарта в формально организованном узусе приводит к созданию сложной сети однозначно неопределённых терминов, которые постепенно могут вытеснить традиционные слова, разрушая ядро лексико-семантического поля «духовность» в русском языке.

Примечания

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / под ред./ Л.А. Чешко. М., 1975.
2. Ильин И.А. Философия как духовное делание. Русская философия. Конец XIX – начало XX в.: антология. СПб., 1993.
3. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб, 1999.
4. Франк С.Л. Крушение кумиров. В кн.: Духовные основы общества. М., Республика, 1992.

СЕКЦИЯ 2

СОВРЕМЕННАЯ РУСИСТИКА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Л. С. Панина

ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ) НА БАЗЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Для глубокого анализа особенностей образования и функционирования ФЕ важно выяснить, «на базе какого материала и под влиянием каких причин возникает новая ФЕ» [1, с. 42]. Материал языка или речи, на основе которого возникает ФЕ, Ю. А. Гвоздарев определяет термином «деривационная база» [1, с. 43]. Для ФЕ русского языка он называет пять основных типов деривационной базы: 1) отдельные слова, 2) переменные сочетания русской речи, 3) пословицы русского народа, 4) фразеологические единицы русского языка, 5) иноязычный материал [1, с. 174].

Вопросы возникновения ФЕ в русском языке давно интересуют исследователей. Известны работы языковедов А. А. Потебни, И. М. Снегирева, Б. А. Ларина, В. В. Виноградова, Б. Л. Богородского и других, в которых глубоко и обстоятельно исследуется этимология отдельных ФЕ русского народа. Но лишь в 70-е гг. стали появляться работы, посвященные системному подходу к фразообразованию, в них прослеживаются закономерности фразообразования в русском языке. Это труды общетеоретического характера (Ю. А. Гвоздарев, В. М. Мокиенко, З. К. Тарланов, Ю. А. Бурмистров, В. И. Коваль и др.) или работы, исследующие процессы образования ФЕ на основе определенных типов деривационных баз (Л. Б. Савенкова, Т. А. Прокудина, Т. В. Ренская и др.).

В кругу проблем русского фразообразования оказывается актуальным аспект возникновения ФЕ из русских пословиц, который недостаточно изучен, хотя уже отмечался неоднократно и факт возникновения ФЕ на базе пословиц (А. А. Потебня, М. А. Рыбникова, А. М. Бабкин, И. В. Абрамец, Ю. А. Гвоздарев).

Известно, что интерес к русским пословицам возник давно. В XVII в. появляются в России первые сборники пословиц и поговорок русского народа, первые издания их относятся к 70-м годам XVIII в.: сборники А. А. Барсова, А. Г. Курганова и др. В XIX в. созданы сборники И. М. Снегирева, П. К. Симони и др. Исключительно большую роль в собирании и публикации русских народных пословиц и поговорок сыграл В. И. Даль.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить закономерности в образовании ФЕ на базе русских пословиц, а это значит, что необходимо изучить и описать процессы образования ФЕ на базе пословиц.

Материалом исследования послужили пословицы русского народа, представленные в сборнике В. И. Даля, и ФЕ русского языка, соотношенные лексически и семантически с этими пословицами.

Под фразеологическими единицами (ФЕ) в работе понимаются, вслед за Ю. А. Гвоздаревым, устойчивые в языке и воспроизводимые в речи составные языковые знаки, имеющие самостоятельное значение, соотношенное с понятием, состоящие из двух или более слов, из которых хотя бы одно имеет фразеологически связанное значение [1, с. 18].

Материал для изучения функционирования пословиц и ФЕ выбран из произведений русской классической и советской художественной литературы, поскольку именно в художественном тексте наиболее полно реализуются возможности варьирования, в отличие от закрепленных лексикографическими источниками вариантов.

В качестве дополнительного материала использован иллюстративный материал существующих фразеологических и толковых словарей русского языка.

При изучении ФЕ, образованных на базе русских пословиц, ведущим методом исследования являлся описательный метод. При этом применялись такие приемы, как наблюдение, сопоставление, метод семантического анализа. Особенности структуры ФЕ, образованных на базе пословиц, выявлялись методом структурно-семантического соотношения языковых элементов сравниваемых деривационных пар.

Изучение русского фразеобразования показало, что фразеологические единицы (ФЕ) могут возникать на базе пословиц русского народа. Однако исследование этого вопроса в значительной мере затрудняется из-за ряда причин. До сих пор нет единого понимания, что такое пословица, чем пословица отличается от ФЕ, от поговорки, и в целом, какие единицы необходимо относить к паремиологии и т. д., хотя попытки определить эти понятия делались уже неоднократно.

Неизученность пословиц порождает множество споров о том, в каком разделе языкознания их рассматривать.

Интерес к пословицам в отечественном языкознании зародился давно.

В работах прошлых лет наблюдается смешение пословиц и поговорок, к ним относятся также так называемые присловья, приговорки и т. п. Более подробно специфика пословиц описана В. И. Далем: «Пословица – коротенькая притча... Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица – обиняк с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [2, с. 18].

Кроме народности, авторитетности пословиц, их образности и полезности, В. И. Даль указал и на такой признак, как логическая форма мысли («суждение» и «обиняк»), которая делает возможным применение пословиц в переносном значении и отличает их от других малых форм. Его определение пословицы вошло в учебные пособия и курсы лекций по фольклору всех дореволюционных и советских фольклористов.

В. И. Даль различал собственно пословицу, пословичные изречения, поговорки, приговорки или пустоговорки, присловия, скороговорки или чистоговорки, загадки, прибаутки или пустобайки, приметы, но все эти разновидности включил в сборник пословиц. Объединение всего перечисленного одним обобщающим термином «пословица» говорит о расширительном понимании В. И. Далема жанра пословиц.

Следует отметить также наблюдения В. И. Далема над формой пословиц. Он отметил, что пословица чаще всего состоит из двух частей: «из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [2, с. 18].

Поговорка В. И. Далема определялась как «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [2, с. 20].

Особый интерес представляют исследования А. А. Потебни. В известной работе «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица, Поговорка» он разграничивает образные и безобразные пословицы. Первые представляют иносказание, вторые – изречения нравственного содержания без иносказания.

А. А. Потебня рассматривает генезис пословиц и определяет пути их возникновения. В частности, он указывает на «сокращение» басни до пословицы. «В пословице, — пишет А. А. Потебня, — содержание басни может быть представлено как намек:

а) или таким способом, что от басни останется одно конечное изречение, чему предшествует объясненное прошлый раз извращение порядка басни,

б) или таким образом, что все содержание басни составляет пословицу» [3, с. 89].

И далее: «Другой вид сокращения в пословицу — сокращение не самого образа басни, а вывода, житейского правила, добытого при помощи образа, заключенного в басне или другом поэтическом произведении (сказке, романе, комедии), нужно, чтобы в самом обобщении оставался след образа» [3, с. 89].

Басня, пословица, поговорка, отмечает А. А. Потебня, в силу своей образности способны быть «постоянным сказуемым к переменным подлежащим, взятым из области человеческой жизни». И далее, развивая эту мысль, ученый приходит к очень важному положению об алгебраичности пословиц: «Басня и другие поэтические произведения разъясняют нам... частный случай, сводят множество разнообразных черт, заключенных в нем, к небольшому количеству. То же самое, только в большей мере, т. е. с большей краткостью, делает пословица... Поэтический образ дает нам только возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами.

...Это можно сравнить с тем, что делает алгебра по отношению к конкретным величинам. Кто имеет алгебраическое решение задачи или может его получить, когда захочет, тот подставит под алгебраическими знаками определенные величины и получит нужное ему арифметическое решение. Этот процесс можно назвать процессом сгущения мысли...» [3, с. 91].

Вопросы преобразования пословицы во фразеологическую единицу рассматривает Б. А. Ларин в статье «Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)». Он пишет: «Едва ли можно оспаривать тезис, что все «неразложимые словосочетания» (идиомы, фразеологические сращения) явились результатом ряда деформаций словесного выражения мысли, когда-то вполне ясного, недвусмысленного и конкретного, отвечавшего нормам живого языка и по грамматическому строению, и по лексическому составу, и по семантическому содержанию» [4, с. 137].

Важным условием для решения поставленных в работе задач оказывается необходимость четкого определения понятия пословицы, которое позволяло бы отграничить пословицу от «поговорок», с одной стороны, и от ФЕ — с другой.

Вопрос о разграничении пословиц и поговорок позволяет решить точка зрения, высказанная В. П. Жуковым в ряде его работ [5; 6, с. 7].

В. П. Жуков дает такие определения: «Под пословицами в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение. Так, пословица «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» отличается двойным планом — буквальным и иносказательным. Напротив, пословица «Горбатого могила исправит» имеет только образный план [5, с. 11].

Поговорка определяется так: «Под поговорками понимаются краткие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение: «Деньги — дело наживное», «Коса — девичья краса» [5, с. 11].

Сопоставление двух определений показывает, что структурно-грамматические признаки этих понятий общие. По сути дела разграничивает их только семантический признак — образность пословиц. Однако известно, что семантические признаки нередко создают трудности в разграничении сходных внешне явлений. В. П. Жуков учитывает это и вводит в свою теорию еще понятие «пословично-поговорочных выражений», «которые сочетают в себе признаки пословиц и поговорок» [5, с. 11].

Признаком этих выражений автор считает то, «что часть слов в их составе сближается или совпадает со словами свободного употребления, а другая часть (нередко реальные или потенциальные фразеологизмы), имеют фигуральное переносное значение. Например, в выражении «пьяному море по колено» первое слово имеет буквальное значение, а сочетание «море по колено» имеет фигуральный смысл [5, с. 12];

Сопоставляя признаки данного определения ФЕ с пословично-поговорочным выражением «пьяному море по колено», можно установить, что это выражение не является языковым знаком, виртуальным знаком, т.е. «мыслимый как элемент языковой системы, независимо от реализации, или актуализации в речи» [8, с. 9]. Если и можно при-

знать это выражение «знаком», то реальный смысл выражения (в силу алгебраичности пословиц) обнаруживается только в контексте.

С точки зрения приведенного определения ФЕ, из ряда рассматриваемых явлений необходимо сразу исключить «поговорки» в понимании В. П. Жукова, поскольку они не содержат слов с фразеологически связанными значениями, или «образных слов», по В. П. Жукову.

Глубокие различия между фразеологизмом, включая и поговорку, и пословицей еще сильнее бросаются в глаза при рассмотрении их с точки зрения исторического взаимодействия в них формы и соответствующего ей содержания.

Анализ соотношенности пословиц и ФЕ обнаружил у них общие черты: стабильность лексического состава, значения, воспроизводимость в речи. Основное различие заключается в том, что пословица выражает суждение, а ФЕ — понятие, что формально подтверждается и синтаксической функцией.

Изучение процесса образования ФЕ на базе пословиц требует выявления соотношенности этих единиц как в семантическом, так и в формальном плане.

Сопоставим, например, пословицу «Близок локоть, да не укусишь» и ФЕ «кусать локти».

В. П. Жуков в «Словаре русских пословиц и поговорок» определяет два значения этой пословицы.

1. Казалось бы, и легко осуществить что-либо, да нет возможности достичь желаемого.

2. Все могло бы сложиться иначе, но теперь уже поздно (выражение сожаления, досады по поводу чего-либо неосуществленного). Значение ФЕ «кусать локти» определяется проще: досадовать, сожалеть о неправом, упущенном, утерянном.

— Спокаешься, да уж поздно: близок локоть-то, а не укусишь... (С. Подъячев. Среди рабочих);

— Бился, бился, так приписался в торгаши. Что сделаешь? Близко локоть, да не укусишь. (Н. Успенский. Хорошее житье);

— Смейся! Я пришел сюда, потому что я готов локти себе кусать, потому что отчаяние меня грызет, досада, ревность (И. Тургенев. Накануне) и др.

Как видим, существует определенная соотношенность между содержанием пословицы и понятием, заключенным во ФЕ. Однако семантика ФЕ значительно проще, что обнаруживается, например, возможностью ее идентификации одним словом — сожалеть. Определенным

образом это проявляется и в грамматических функциях сопоставляемых единиц. ФЕ «кусать локти» выступает в рассмотренных примерах в качестве сказуемого простого предложения, тогда как пословица представляет собой простое предложение в составе сложного или самостоятельное предложение.

С формальной точки зрения, сопоставляемые единицы также соотнесены, но не тождественны. ФЕ состоит из слов, входящих в пословицу, но эти слова выступают в ней в иных грамматических формах.

В этой связи представляется целесообразным ввести два термина: фрагмент пословицы и часть пословицы. Под фрагментом пословицы понимается такая ее часть, которая сохраняет полностью грамматические формы слов, например: На голом, что на святом, – взятки гладки – взятки гладки. Часть пословицы – ФЕ, которая состоит из отдельных слов, входящих в эту пословицу, но в иных формах или даже в иной комбинации. Например: С одного вола две шкуры не дерут – драть две шкуры (с кого-то); Кто тонет, тот и за соломинку хватается – хвататься за соломинку. Чаще всего безличные формы глагола у пословиц заменяются личными формами во ФЕ в силу их функционального отличия.

Сказанное подводит к необходимости установить типологию соотнесенности ФЕ и связанных с ними пословиц, которые можно рассматривать как деривационную базу этих ФЕ. Эта типология должна иметь в качестве основания и семантические признаки, и формальные. Представляется целесообразным их объединить, хотя ведущим признаком окажется семантический, поскольку основанием для установления сопоставляемых пар (пословица и ФЕ) оказывается все-таки лексическая соотнесенность.

Выделяется три основных типа соотнесенности пословиц и ФЕ с точки зрения их семантики.

1) ФЕ совпадает лексически с компонентами пословицы (либо является ее фрагментом, либо частью пословицы) и полностью передает содержание пословицы): Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает → собака на сене; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву → пожалел волк кобылу; Дело не медведь, в лес не уйдет → дело не медведь; Грязь не сало, помял (потер), она и отстала → грязь не сало; С легкой руки все сойдет → с легкой руки; Упрямый, что лукавый: ни богу свечка, ни черту кочерга → ни богу свечка, ни черту кочерга.

2) ФЕ совпадает лексически с компонентами пословицы (ее фрагмент или часть пословицы), но передает лишь часть ее содержания, например: Старого воробья на мякине не проведешь → старый воробей;

Пьяному море по колено, а лужа по уши → море по колено; Чем черт не шутит, когда бог спит → чем черт не шутит; От чужих ворот легок поворот → от ворот поворот; Белую ворону и свои заклюют → белая ворона.

3) ФЕ совпадает лексически с компонентами пословицы (ее фрагмент или часть пословицы), но имеет особое значение, лишь соотношенное с элементами значения или всем значением пословицы, например: Мелко плавать – дно задевать → мелко плавать; Свой ум – царь в голове → без царя в голове; Против рожна не попрешь → переть на рожон; ни рожна; Погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймашь → гнаться за двумя зайцами; убить двух зайцев.

Как показал анализ, во всех трех выделенных типах общей является лексическая соотношенность компонентов ФЕ и пословиц. Это объясняется тем, что именно лексическая соотношенность является показателем деривационной связи пословицы и ФЕ. Причем таким показателем выступает, естественно, не одно слово, а синтагма, хотя, как было отмечено, такая синтагма может быть идентичной (фрагмент) или лишь соотношенной в грамматическом плане (часть пословицы).

Рассмотрим каждый из выделенных типов более подробно. Первый тип составляют сопоставляемые пары, совпадающие по семантике, но разные по своей структуре. По сути дела мы имеем здесь явление формального эллипсиса. Как было указано, с формальной точки зрения это бывают либо фрагменты пословицы, либо части пословиц: Пустив козла в огород, яблонь страхом не огородишь – пускать козла в огород.

Чаще всего в этом типе выступают именно фрагменты пословиц, сохраняющие полностью грамматические формы слов. Фрагментом пословицы может быть начальная часть пословицы, а также и конечная.

Подобный тип соотношенности наблюдается и при сопоставлении пословицы «Губа не дура, знает, что горько, что сладко» и образованной на ее базе ФЕ «губа не дура».

ФЕ – «губа не дура (у кого-то)» очень близка в формальном отношении к пословице, являясь фрагментом ее и сохраняя предикативную структуру. Но это уже ФЕ, т. к. это просто понятие, и она способна вступать в синтаксические отношения с другими членами предложения, являясь также членом предложения:

– Артемьев, положив руку на холку коня, при общем внимании легко бросил в седло свое тяжелое тело. – Однако у вас губа не дура, с ко-

нем не ошиблись, – сказал Данилов (К. Симонов. Товарищи по оружию); – А у тебя, Миша, губа не дура. Прекрасное место выбрал ты себе для работы (А. Чехов. Леший).

Приведенные примеры доказывают, что при образовании фразеологической единицы «губа не дура» наблюдается явление грамматического эллипсиса, когда опускается сопоставительная часть пословицы, а общий смысл пословицы «Губа не дура: знает, что горько, что сладко» – т. е. выбор чего-то хорошего, лучшего в сравнении с чем-то сохраняется в образованной на ее базе ФЕ «губа не дура», соответствующей значению: кто-либо имеет неплохой вкус, умеет выбрать самое лучшее.

Сопоставим пословицу «Чужими руками жар загребать легко» со сходными с ней в формальном плане ФЕ «чужими руками жар загребать» и ФЕ «чужими руками».

Пословица «Чужими руками жар загребать легко» представляет собой образно-метафорическое выражение, синонимическое словам: используя чужой труд, усилия, энергию, делать что-либо в своих корыстных целях.

Слово «жар» употребляется в конкретном значении горящие уголья (загребать которые из печи для хозяйки было делом нелегким). То же значение слово «жар» имеет и в фольклорной формуле «как жар горит (блестит)», и в составном названии птицы русских сказок Жар-птицы, а возможно, и в диалектном наименовании клюквы – жаровинка (ср.: жаровый, огненный, багряный, красный), которую также нелегко сорвать на болоте.

Слово «чужой» оказывается семантическим центром и в других ФЕ: жить чужим умом, с чужих слов, петь с чужого голоса, с чужого плеча, есть чужой хлеб, на чужой счет, в чужом пиру похмелье.

ФЕ «чужими руками жар загребать» в формальном отношении является фрагментом пословицы, т. е. той частью пословицы, которая сохраняет полностью грамматические формы слов. В семантическом плане ФЕ передает суть пословицы, т. к. идентифицируется выражением: пользоваться результатами труда других в своих корыстных целях (ФСРЯ). В синтаксическом плане ФЕ выступает в качестве члена предложения, в частности, является частью составного глагольного сказуемого:

– Как это вы сюда попали?

– По делу, сынок, по делу... Хочу отведать, как деньги из банка берут.

– Что же вы мне не писали раньше? Я устроил бы все вперед.

– Спасибо, сынок... Не привык я чужими руками жар загребать (Мамин-Сибиряк. Хлеб);

– Надумали открыть второй фронт, когда увидели, что мы вот-вот победим.

– Привыкли чужими руками жар загребать? (Б. Изюмский. Алые погоны);

– Чужими руками хотите жар загребать? Мы будем строить дом, а вы туда жить приедете на готовенькое? (Г. Николаева. Жатва).

– А то приучили их жар-то чужими руками загребать...

– Кого их? – Ну, к примеру, этого главного лодыря Аникушку Елизарова (А. Иванов. Вечный зов).

ФЕ «чужими руками» передает значение: не самостоятельно, используя труд, усилия, энергию других, делать что-либо (ФСРЯ). Как показывают наблюдения, эта ФЕ, как и предыдущая, в семантическом отношении соотносится с указанной пословицей, являясь также фрагментом ее:

– Англичане решили теперь задушить нас чужими руками... Черчилль напускает на нас своих вассалов – Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву (А. Н. Толстой. Путь к победе);

– Говорилось в них (стихах) о том, как с фронта вернутся солдаты и потребуют к ответу тех, кто воевал чужими руками и наживался на этом (Кремлев. Большевики);

– А, здесь он. Устроил цирк себе и хотел театр. И все сделал это чужими руками, Витькиными руками (А. Рыбаков. Выстрел).

Это дает возможность судить о том, что эти две ФЕ восходят к одной пословице «Чужими руками жар загребать легко». Об этом говорит их семантическая близость, т. к. смысловой центр и пословицы, и образованных на ее базе ФЕ совпадает в словах «чужими руками», т. е. не самостоятельное, не свое, принадлежащее другим и т. д.

Сопоставив известную пословицу *Чтобы узнать человека – надо с ним пуд соли съесть* с общим значением: немало нужно времени, чтобы хорошо узнать человека и образованную на ее базе ФЕ «пуд соли съесть (с кем-то)», т. е. прожить долгое время вместе, часто общаться (ФСРЯ), можно заметить определенную соотнесенность в формальном, структурном плане.

ФЕ «съесть пуд соли» является фрагментом пословицы, не меняя грамматических форм, сохраняя при этом семантическую информацию всего выражения. В свою очередь, ФЕ «пуд соли съесть» как фрагмент пословицы в синтаксическом плане выступает как член предложения, тогда как вся пословица употребляется как в качестве самостоятельного предложения или части сложного предложения.

Обратимся к примерам употребления пословицы и ФЕ:

– Видя бессмысленность спора, отец отмалчивался вроде того, что он-де вообще скептик, что для того, чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть (Е. Драбкина. Черные сухари); В старину говорили: пуд соли надо с человеком съесть, чтобы узнать его, постичь его характер. Весьма вероятно. Но только и люди бывают разные: на иного молодца посмотришь... и сразу видно, гневается он или радуется, доволен или озабочен (Ю. Лаптев. Угоды Непокорной).

– Крестьянин страшный рутинер. Много надо с ним соли съесть, пока вы убедите его в чем-нибудь (Гарин-Михайловский. Несколько лет в деревне);

– Тебе я могу сказать все. Мы с тобой пуд соли съели (Б. Галин. Встреча).

– Мы здесь прежде... узнаем, 'что за человек, пуд соли съедим с ним, тогда и отдаем (девушку) за него (И. Гончаров. Обрыв).

В рассмотренных примерах вычленившаяся часть пословицы приобрела признаки фразеологической единицы, в том числе и синтаксическую самостоятельность и активность, ФЕ способна вступать в синтаксические отношения с другими членами предложения и сама является членом предложения.

Сам процесс формирования ФЕ на базе пословиц связан с семантическими и структурными преобразованиями. По сути дела любой факт образования ФЕ от пословицы ведет к изменению грамматической и лексической формы пословицы.

Как показало наблюдение, образование фразеологических единиц на базе пословиц русского языка следует отмечать от употребления пословиц в речи в сокращенном виде, от различного варьирования пословиц в процессе употребления.

Образование ФЕ на базе пословиц не является единообразным процессом, поэтому в работе установлена типология различных видов этого процесса: усечение части пословиц, когда оставшаяся часть пословицы становится ФЕ, и процесс образования новой синтагмы с учетом слов, входящих в состав пословицы, который определяется терминем стяжение, распадение, когда из одной пословицы могут возникать и две ФЕ, каждая из которых сейчас, большей частью, употребляется самостоятельно.

Процесс формирования ФЕ на базе пословиц характеризуется семантическими и структурными преобразованиями.

Примечания

1. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Л.: Изд-во РГУ, 1977.
2. Даль В. И. Напутное. В кн.: «Пословицы русского народа». М., 1957.
3. Потехина А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Изд. 3-е. Харьков, 1930.
4. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ученые записки Ленинградского университета. № 198. Серия филологич. наука. Вып. 24. 1956. С. 200–224.
5. Жуков А. В. К вопросу о фразеологической переходности. Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983.
6. Жуков В. П. О смысловом центре фразеологизмов. В кн.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.–Л., 1964. С. 140–150.
7. Жуков В. П. Внутренняя форма и целостное значение фразеологизма // Ученые записки Новгородского пединститута. Новгород, 1967. Т. 12.
8. Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от ФЕ // Труды института языкознания АН СССР. М., 1954.

С. В. Постников

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Русский язык в XX в. в СССР был поистине языком межнационального общения. Народы всех 15 национальных республик, составляющих его, могли на нем изъясняться, общаться на нем между собой. Мало того, большинство народов Советского Союза постепенно переводили на кириллическую основу родной письменный язык. Это значительно упрощало не только межъязыковые отношения, но и ощутило влияние на интеграцию экономик, культур, отношений в политико-правовой и моральной сферах. Одним из языков, получивших новую грамматику в советский период, был узбекский язык.

Еще задолго до экспансии арабской культуры в Средней Азии существовала своя развитая письменность, в частности, хорезмийская и согдийская. Вместе с исламом, арабы, пришедшие на Средний Восток, стали внедрять и свой алфавит. Местные письменности постепенно вытеснялись. Официальным книжным языком постепенно стал арабский. Число букв в нем было 32.

Ослабление арабского политического влияния положило начало многочисленным реформам литературного староузбекского языка. В реформировании языка принимали участие виднейшие мыслители,

ученые Средней Азии. Среди них великий поэт Алишер Навои (1441–1501) и знаменитый писатель и военачальник Захиреддин Мухаммед Бабур (1483–1530). Однако череда политических деформаций не позволила им закончить начатые реформы.

Уже во II половине XIX в. предпринимались попытки коренным образом реформировать арабскую письменность во всех тюркоязычных областях Российской империи. Одним из виднейших реформаторов в этой области был азербайджанский мыслитель и писатель Мирза-Фатали Ахундов (1812–1878).

Ведя свою реформаторскую работу в области письменности под влиянием нарождающегося джадидского движения, М.-Ф. Ахундов скоро пришел к мысли о необходимости полностью заменить арабский алфавит. В 1871 г. в своем письме к другому реформатору арабского алфавита – Мальком-хану он писал: «Если весь мир вооружится против перемены мусульманского алфавита на новый и будет действовать против этой перемены, я буду еще настойчивее действовать и доказывать необходимость перемены алфавита, ибо вопрос о перемене – истина» [1].

Ахундов предложил новый, своеобразный алфавит на базе русского и латинского. В основу он положил русский алфавит, пополнив его некоторыми знаками латинского.

В Узбекистане с начала XX в. усилиями джадидов (Фитрат, Ниязи и др.) создается литературный язык на основе ферганского диалекта.

После Октябрьской революции в России и образования Узбекской ССР проблема реформирования узбекского алфавита поднималась несколько раз.

В соответствии с ленинской национальной политикой работы по созданию новых систем письма народов СССР были начаты уже с 20-х гг., т.е. почти сразу же после окончания Гражданской войны. «Новые системы письма создавались для всех народов СССР, совсем не имевших письменности или же имевших письменность, построенную на чуждой их языкам арабской основе» [2].

В первую очередь следовало разобраться, какой из диалектов следовало принять как основной, а от какого отказаться вовсе: до 1921 г. «узбекский» и «сартский» языки рассматривались как два диалекта одного языка. В основу орфографии обоих диалектов был положен принцип сингармонизма (соблюдение в основах и суффиксах чередования твердых и мягких гласных).

После 1921 г. советская власть заклеимила само понятие «сарты» как уничижительное и было декретивно объявлено, что отныне всё

население Туркестана должно именоваться «узбеками». Тем не менее, в 1924 г. стандартной литературной нормой был избран именно сартский иранизированный диалект.

Какаясь проблемы написания нового узбекского языка, обосновывалась идея перехода на латинизированный алфавит.

В 1926 г. IV сессия ЦИК Советов Узбекской ССР приняла решение образовать Центральный комитет нового узбекского алфавита. Работой этого комитета руководил председатель ЦИК Советов УзССР Ю. Ахунбабаев. Одновременно такие же комитеты были созданы при местных исполкомах. В 1927 г. эта работа приняла государственное значение: был организован Всесоюзный центральный комитет нового алфавита.

В 1928 г. ЦИК Узбекской ССР постановил: «1) Окончательным сроком перехода в пределах УзССР узбекской письменности с арабского на новый латинизированный алфавит установить 7 ноября 1930 г.; 2) Делопроизводство узбекской части во всех центральных и окружных советских учреждениях и общественных организациях перевести на новый латинизированный алфавит с 1 декабря 1929 г.» [3]. В дальнейших постановлениях давались конкретные указания, обеспечивающие полный переход к новой письменности.

Латинизированный узбекский алфавит имел девять букв для обозначения гласных звуков.

По ряду объективных причин латинизированный алфавит не удовлетворял ни требованиям советского государства, ни запросам узбекского народа. Среди этих причин можно назвать:

1. Ускоренное развитие национальной культуры и развернувшееся культурное строительство в СССР;

2. Влияние русской культуры на развитие культур народов СССР, их взаимообогащение;

3. Постоянное общение этих народов с русским народом;

4. Требования в области делопроизводства и т. д.

В конце 30-х гг. в ряде национальных республик, в том числе и в Узбекистане, началось широкое движение, направленное к переходу с латинизированного на русский алфавит. Разработкой вопросов узбекской письменности и орфографии занимался будущий академик АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов. Объясняя свое участие в этом деле, он пишет: «Дело в том, что, во-первых, вопрос о замене узбекской письменности новой, удовлетворяющей запросам культурной революции, я считал настолько важным, что никак не мог стоять в стороне, ког-

да началось его обсуждение; во-вторых, выступая по этому вопросу на страницах печати, а также с серией докладов перед интеллигенцией, я так увлекся, что не мог остановить себя, пока вопрос не получил надлежащего разрешения» [4].

Среди главных недостатков алфавита на латинице реформаторами 30-х гг. приводится целый ряд причин, доказывающих его несовершенство.

«В частности, — вспоминал о своей работе академик Т. Н. Кары-Ниязов, — фонемы *a* и *o* являются основными в узбекском языке, а в латинизированном узбекском алфавите этот факт игнорируется. Одна и та же буква *a* без всяких правил произносилась и как *a*, и как *o*. Например, в слове *дона* (штука), которое писалось как *dana*, первая гласная произносилась близко к русскому *o*, а вторая — примерно как русское *a*, между тем обе эти гласные обозначались через *a*. Слово *доно* (мудрый) также писалось *dana*, и, следовательно, обе буквы *a* в нем произносились уже одинаково (близко к русскому *o*). Слово *сабаб* (причина) писалось *sabab*, т. е. в этом случае обе буквы *a* произносились примерно как русское *a*. Напротив, в слове *озод* (свободный), которое писалось *azad*, обе буквы *a* произносились близко к русскому *o* и т. д. Буква *o* в новом алфавите служила также для передачи фонемы *ö*. Например, *boldi*, *oldi*, *ot* и т. д.» [5].

Таким образом, чтобы правильно прочесть нужное слово, необходимо было без всякого правила знать, как оно произносится. В тех же случаях, когда слово содержало в себе две буквы *a* или более, число догадок удваивалось. Это вносило большую путаницу и значительно затрудняло изучение узбекского языка лицами неузбекской национальности, в особенности славянами.

Отмечался и тот факт, что «...латинский алфавит беднее русского по звуковому составу. Латинский алфавит состоит из 26 букв, многие из которых в западноевропейских системах письма часто дублируют друг друга. Русский алфавит включает 33 буквы, т. е. на 25 % больше латинского, причем ни одна из букв не дублирует другую» [6].

Указывалось также на то, что после Октябрьской революции узбекский язык впитал в себя много политических терминов (конституция, партия, революция, конференция, конгресс, кооперация, митинг и т. п.), не требующих перевода. Новые слова обогатили узбекский язык не только в лексическом, но и в фонетическом отношении. Обогащение узбекской лексики словами советского происхождения сопровождается новыми словообразованиями, появлением новых морфологических

форм узбекского языка. Эти явления рассмотрены А. А. Боровковым в его работе «Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики)» [7]. Например, при помощи суффиксов *ci (чи)*, *ca (ча)*, *lik (лик)*, *las (лас)* получают такие новообразования, как *kolhoz – kolhozci* (колхозник); *pulemet – pulemetci* (пулеметчик); *bolsevik – bolshevikca* (по-большевистски); *aktiv – aktivlik* (активность); *agent – agentlik* (агентство); *differensial – differensiallas* (дифференцирование); *integral – integrallas* (интегрирование) и т. д.

В дальнейшем в советском языкознании неоднократно подчеркивались эти особенности тюркских языков.

«... Можно отметить и известный ряд постоянных признаков – признаков литературных языков современной эпохи у нерусских народностей Союза. К ним будет относиться стремление приблизить новый литературный язык к образцам массовой разговорной речи, т. е. ввести разговорную речь в литературный обиход – в противовес тому искусственному характеру письменного языка, который воспитывался литературной традицией и таит в себе зачастую наследие иной, отличной от современных народных масс диалектической среды (так, в письменном языке и у узбеков, и у туркмен, и у казахов наблюдались черты, вполне чуждые их живой речи и являющиеся наследием старого литературного языка – чжагатайского)» [8].

«В литературных языках народов Средней Азии значительное количество новых научных и общественно-политических терминов заимствовано из русского языка и через его посредство – из других языков. Узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы и другие тюркские народы усвоили ряд русских звуков, ранее отсутствовавших в их языках, что свидетельствует о глубоких процессах воздействия русского языка на эти языки. В тюркских языках народов Средней Азии с проникновением русских и советско-интернациональных слов появились новые типы слогов, изменяется природа ударения (наряду с фиксированным ударением на последнем слоге появилось разноместное ударение); расширились словообразовательные возможности и появились новые словообразовательные модели, ранее отсутствовавшие в этих национальных языках. В них изменились типы синтаксических конструкций в сторону развития сложных конструкций, характерных для русского литературного языка. Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Все это свидетельствует о сложных процессах взаимодействия языков народов СССР и особой роли русского языка в этих процессах» [9].

Позднее, уже после создания одного из первых «Узбекско-русских словарей» на основе кириллицы, его авторы отмечали: «После перевода узбекской письменности на новый алфавит, построенный на основе русской графики, отпала необходимость в включении в словарь большого количества слов, общих для русского и узбекского языков и понятных всем и каждому (*телефон, совет, большевик, радио, трактор* и т. п.). Из таких слов в словарь включены только производные (*большевик, радиолаштирмоқ, тракторчи* и т. п.) и отличающиеся по форме или смысловому значению от соответствующих русских слов (*патнис, самовар* и т. д.)»[10].

Неопределенность с орфографией, созданной предыдущим алфавитом, во многом была разрешена. «В данном словаре слова, имеющие различные диалектологические варианты (напр., *супурмоқ, шупурмоқ, сипирмоқ, шипирмоқ*) и включавшиеся ранее в словари во всех вариантах как равноправные, даны по возможности только в одном варианте, а именно в том, который указан в существующих официальных орфографических словарях как обязательный для узбекского литературного языка (напр., *супурмоқ*)»[11].

Следовательно, интеграция языков на тот момент была неизбежна. Становилось проще подвести под существующее написание русских слов их новых форм, чем придумывать и обосновывать звучание в незнакомом варианте.

В «Новом проекте единой орфографии узбекского литературного языка» уже констатировалась тенденция «развития узбекского языка в сторону изживания сингармонизма, а также то обстоятельство, что этот процесс изживания сингармонизма играет прогрессивную роль» [12]. Это было подчеркнуто и в резолюции состоявшегося в 1934 г. I научного съезда по вопросу орфографии узбекского языка. Съезд внес некоторые коррективы и в алфавит, а именно: было решено уменьшить число гласных с девяти до шести, но и это полностью не решало проблемы приближения орфографии к произношению.

В мае 1940 г. III сессия Верховного Совета Узбекской ССР первого созыва приняла закон о новом узбекском алфавите.

«С принятием этого закона, — пишет Т. Н. Кары-Ниязов, — узбекская письменность вступила в новую, высшую стадию своего развития, отвечающую вопросам социалистической культуры узбекского народа на данном историческом этапе» [13].

Русский алфавит был использован по максимуму: кроме букв *щ* и *ы* все его буквы были сохранены в том виде и в том порядке, в каком они

в нем существуют. Новый узбекский алфавит состоял из 35 букв. Для обозначения специфических звуков узбекского литературного языка были введены 4 дополнительных знака: *ў* (по звучанию между *о* и *у*), *қ* (твердое *к*), *ғ* (между *г* и *х*), *ҳ* (твердое *х*), определено, что звучание буквы *ж* должно быть двойным *дж*, дополнительную твердость звуков (как согласных, так и гласных) создавало применение буквы *ъ* и т.д. Примером специфичности звучания могут являться слова: *ўзбек, ёқ, баги, ҳозир, жуда, меъёрлаштирилган*.

Споры о правильном звучании букв и отдельных слогов велись вплоть до середины 50-х гг. В мае 1952 г. для размежевания спорных вопросов в Ташкенте состоялась конференция, посвященная вопросам дальнейшего развития узбекского языкознания. Она во многом расставила точки в этой дискуссии [14].

В работе конференции приняли участие педагоги, языковеды, переводчики, издатели, выступили ведущие специалисты в области узбекского языкознания: А. К. Боровков (доклад «Очередные задачи узбекского языкознания в свете трудов И. В. Сталина»), Ф. К. Камалов («Проект новой орфографии узбекского языка»), Х. К. Камилова и М. А. Аскарлова («Объем и содержание вузовского курса современного узбекского языка»), И. Р. Расулов («Некоторые вопросы развития узбекской научно-технической терминологии»), В. В. Решетов («Состояние и задачи узбекской диалектологии»), Г. Д. Санжеев («Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка»), Р. С. Сахибаев («Произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и вопросы социально-политической терминологии узбекского языка»), Б. А. Серебренников («Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи языковедов Узбекистана») и др.

Новый алфавит вполне оправдал себя на практике и сделался достоянием узбекского народа. На нем издавались книги, словари, учебники и учебные пособия.

Для поддержки нового алфавита и изменившегося узбекского литературного языка издается целый ряд словарей. Среди них «Русско-узбекский словарь» под ред. проф. Т. Н. Кары-Ниязова и проф. А. К. Боровкова; 5-томный «Русско-узбекский словарь», созданный в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР; одно-томный «Русско-узбекский словарь», созданный совместными усилиями лексикографов Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР и Государственного издательства иностранных и национальных словарей.

Для педагогов поступает огромное количество учебников и учебных пособий с использованием новой грамматики. Так, в 40–50-е гг. студенты пединститутов Узбекистана изучают русский язык по учебнику, составленному профессором А. В. Миртовым. Большое признание получает и выпущенная им в 1938 г. «Методика русского языка в узбекской школе», которая в переработанном виде снова издается в 1962 г.[15]

Еще в 40-е гг. начинается массовое издание художественных произведений на основе нового узбекского алфавита: образцы народного творчества «Ботирлар», «Гүрүгли», книги Х. Алимджана, М. Шейхзаде, Г. Гуляма, Зульфийи, Уйгуна, А. Умари и др. Все это в значительной мере обогатило узбекскую национальную культуру.

Узбекский алфавит на кириллической основе просуществовал вплоть до 1992 г., когда был вновь переведен на латиницу. Несмотря на проведенную реформу, фактически в настоящее время продолжается параллельное использование и кириллицы, и латиницы.

Примечания

1. Кары-Ниязов Т. Н. Размышления о пройденном пути. М.: Политиздат, 1970. С. 178.
2. Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху // Вопросы языкознания. 1957. № 5.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-деканского правительства УзССР. Ташкент, 1928. С. 1151.
4. Кары-Ниязов Т. Н. Указ. соч. С. 175.
5. Там же. С. 181.
6. См.: Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред Л. П. Жуковская. М.: «Наука», 1988. С. 179.
7. См.: Боровков А. К. Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики) // Известия УзФАН СССР. Ташкент, 1940. № 7.
8. Поливанов Е. Д. Революция и литературные языки Союза ССР / История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия / сост. Ф. М. Березин: учеб. пособие для филол. спец. вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1988. С. 139.
9. Виноградов В. В., Дешериев Ю. Д., Решетов В. В., Серебренников Б. А. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. Там же. С. 502.
10. Узбекско-русский словарь / под ред. проф. Т. Н. Кары-Ниязова и проф. А. К. Боровкова. Ташкент: Изд-во УзФАН СССР, 1941. С. V–VI.
11. Там же. С. VI.
12. Новый проект единой орфографии узбекского литературного языка. Ташкент, 1933.

13. Кары-Ниязов Т. Н. Указ. соч. С. 185.
14. См. подр.: Сепортян Э. В. Языкознание в Узбекистане // Вопросы языкознания. 1952. № 5. С. 116–121.
15. См.: Русский язык за рубежом. М., 1975. Вып. 4. С. 61.

Т. А. Слухай

СТРОЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ (сопоставительный аспект)

Русский, украинский и чешский языки относятся к славянской группе языков, что во многом роднит названные языки. Но русский и украинский языки – это восточнославянская ветвь (или подгруппа), а чешский – западнославянская. Это обстоятельство позволяет говорить о тех различиях, которые существуют в родственных языках.

Синтаксические системы названных языков во многом близки. В них есть простые и сложные предложения, двусоставные и односоставные; состоящие приблизительно из одних и тех же членов предложения, которые нередко выражаются одинаковыми частями речи и соединяются по одним и тем же грамматическим правилам. В предложениях свободный, но не произвольный порядок слов; прямую речь можно перевести в косвенную и многое другое. Сравним три текста.

Комната

Здесь (находится) большая комната. 2. Впереди стоит стол и стул – оба коричневого цвета. 3. На стуле сидит молодой мужчина/человек. 4. Налево находится кровать. 5. Она белого цвета. 6. Наверху висит картина. 7. На картине изображена женщина. 8. Направо стоит столик. 9. На столе стоит цветной телевизор и цветок. 10. Сзади (в задней части комнаты) стоит большой шкаф и белая лампа. 11. В шкафу лежит книга и словарь. 12. На шкафу стоит радио. 13. Оно черного цвета. 14. Рядом с ним окно. 15. Наверху висит лампа, внизу лежит ковер. 16. Посреди комнаты стоит кресло красного цвета.

КІМНАТА

1. Тут знаходиться велика кімната. 2. Спереду стоїть стіл і стілець – оба коричневого кольору. 3. На стільці сидить молодий чоловік. 4. Ліворуч стоїть ліжко (постіль). 5. Воно (вона) білого кольору. 6. На стіні наверху висить картина. 7. На ній малюнок жінки. 8. Праворуч стоїть столик. 9. На ньому (столику) стоїть кольоровий телевізор і одна квітка. 10. Ззаду стоїть велика шафа та біла лампа. 11. У шафі лежить

книжка й словник. 12. На шафі стоїть радіо (приймач). 13. Воно (він) чорного кольору. 14. Поруч із шафою знаходиться вікно. 15. Наверху висить лампа, унизу лежить килим. 16. Посередині кімнати стоїть крісла червоного кольору.

РОКОЈ

Tady je velké pokoj. 2. Vepředu stojn hnmdě stůl a hnmdě hidle. 3. Na hidli sedn mladě muř. 4. Nalevo je postel. 5. Ta postel je vnlb. 6. Nahoše vnřn obraz. 7. Na obraze je řena. 8. Napravo stojn malě stůl. 9. Na stoie je barevn televize a kvmtina. 10. Vzadu stojn velkě skřnř a vnlb lampa. 11. Ve skřnřni leřn kniha a slovnik. 12. Na skřnřn stojn iernř řbdio. 13. Vedle je modernn okno. 14. Nahoše viřn lampa, dole leřn koberec. 15. Uprostřed stojn iervenř křeslo.

Тексты на русском и украинском языках на одно предложение длиннее, т.к. в чешском тексте информация, данная в предложениях №№ 12 и 13 на русском и украинском языках, содержится в одном предложении (№ 12).

Даже такой примитивный текст на трёх языках позволяет сделать несколько выводов.

1. В чешском языке глагол-связка **být** имеет спрягаемые формы и употребляется во всех временах, лицах и числах. В русском и украинском языках настоящее время глагола **быть** используется редко, например, в научной речи, но обязательным является употребление личных местоимений. Именно поэтому глагол-связка **быть** может быть опущена в настоящем времени. В будущем и прошедшем временах она присутствует. Глаголу **byt** в чешском языке может соответствовать целый ряд русских глаголов: *считаться, числиться, являться, состоять, находиться, иметься* и т.д.

2. Во всех трёх языках в повествовательных предложениях употребляется обычно прямой порядок слов, при котором подлежащее стоит в начале предложения, предшествуя сказуемому. В повествовательном предложении может быть также употреблен такой порядок слов, при котором сказуемое предшествует подлежащему. Часто это бывает в том случае, когда предложение начинается детерминантным второстепенным членом.

В чешском языке, как и в русском и в украинском, порядок слов в предложении относительно свободный. Поэтому такие члены предложения, как подлежащее, сказуемое, дополнение и обстоятельство, могут часто менять своё место в предложении, но такие перемещения имеют ряд ограничений. Порядок слов в предложении определяется прежде всего смысловой стороной. В предложении мы различаем новую информа-

цию, старую информацию и то, что образует ядро высказывания. В обычных повествовательных предложениях, в спокойном, не эмоциональном высказывании, ядро высказывания находится в конце предложения. Такой же порядок слов употребляется при подчёркивании чего-либо.

3. Сказуемое предшествует подлежащему также и в авторской речи, которая находится внутри прямой речи или после нее.

«**Ты отчего такой задумчивый?**» – спросил мальчик.

«**Ти чому такой замислений?**» – запитав хлопчик.

«**Ty jsou dšuvodem, proi tak zamuŕleně?**» – zepťal se chlapec.

4. В чешском языке реже, чем в русском и украинском, употребляются односоставные предложения. Объясняется это тем, что в русском языке, например, в отличие от чешского родительный падеж (а иногда и другие падежи) могут обозначать субъект: **Helena není doma. Елены нет дома.**

Тем не менее, многие типы односоставных предложений есть во всех названных языках. **Мне жаль. Мені (дуже) жаль (шкода, смуток). Je mi líto.**

5. Предложения, как уже было сказано, просты и примитивно построены. Но даже столь незамысловатый текст позволяет увидеть:

– что в украинском и чешском текстах есть предметы, называющиеся и интернациональным словом, и «родным» (**радіо – приймач; kompjuter – роїітаи**). Слова оказываются разного рода, что требует дальнейшего согласования;

– что в украинском языке есть предметы, называющиеся двумя словами (**ліжко – постіль**), а также многозначные слова (**чоловік – мужчина и муж**).

6. На порядок слов влияет и ударение в предложении. Ударение, как правило, падает на первый ударный член предложения; в придаточных предложениях такое ударение стоит сразу за соединительным предложением, за относительным местоимением или за наречием как связывающим членом.

Особый интерес для исследования представляют односоставные (по наличию главных членов) и вопросительные (по цели высказывания) предложения, а также грамматическая структура предложения.

Примечания

1. Лесная Г.М. Учебник украинского языка. М: МГИМО–Университет, 2010. 120 с.

2. Обухова Е.С. Чешский язык: справочник по грамматике. М: Живой язык, 2010. 224 с.

РАЗМЕР АБЗАЦА КАК ПАРАМЕТР МОДЕЛИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ДИНАМИКИ ТЕКСТА

Форматы лингвистических единиц и единств изучены недостаточно. Так, в 70–90-е гг. появился ряд интересных исследований по размеру предложения в русских текстах [1]. Понятия формат текста и его компонентов очень востребованы современной действительностью (тексты СМИ, сетевые, учебные тексты и т.п.). Существует потребность теоретически осмыслить форматы целых отдельных текстов, те размерные ниши, в которых реализуются тексты различных жанров и различного целевого назначения. С этой точки зрения выделяются малоформатные (до 50 слов), среднеформатные (от 50 до 150 слов) и крупноформатные (свыше 150 слов) тексты; прослеживается также связь симметричности/асимметричности структуры текста с его форматом [2].

Абзац является единицей письменного текста, и его квалификация в литературе весьма неопределенна: от композиционно-стилистической и графической единицы текста [3], до смысловой и структурооформляющей. Интересна трактовка абзацного отступа как знака препинания, имеющего пространственно-композиционную природу [4]. Размер абзаца служит комплексным показателем меры дробности композиционного решения писателя, он организует скорость чтения и восприятия текста читателем, вскрывает внутритекстовые объемные ритмы.

С точки зрения композиционно-графического оформления письменного текста, важно отметить, что абзац делит целое на конечное число порций различной протяженности, являясь тем самым интегральным показателем различных речемыслительных операций пишущего. Рассмотрим основные качества абзаца как единицы текста.

Абзац отражает некую меру дискретности целого, его пропорциональную от размера целого соотносительность с текстом как результатом, он является единицей безостаточного деления текста, отражает ритмическую долю целого, т.е. выводит на возможность построения ритмических моделей текста.

Поскольку абзац является иерархически организованной информационной структурой, он обладает информативным ядром (ключевая фраза как обязательная часть) и поясняющими компонентами (зачин,

комментирующая часть, концовка), представленными факультативно. Абзац как единство отдельных завершенных предложений отражает информационную иерархичность фрагмента текста, так как в нем выделяются компоненты с различной информационной ценностью (зачин – ключевая фраза – комментирующая часть – концовка). Данное качество позволяет моделирование информационного поля текста через структуры абзацев с неравноценной информативностью, построение ритмических моделей целого и его частей через категорию размера абзаца в целых предложениях.

Абзац как композиционная единица текста, обладающая протяженностью в пространстве-времени текста, на странице имеет объемные характеристики как графический объект. Абзац служит внешне выраженной мерой оптимальности авторской организации информации для читателя, воплощаемой в определенном графико-композиционном (пространственном) формате. Ритм объемов в сочетании с другими показателями (мера абстрактности/конкретности, мера синтаксической сложности предложений и др.) позволяет моделировать комфортность восприятия информации в тексте. Объем абзаца связан со скоростью чтения.

Методика построения модели

1. Подсчет количества предложений в абзацах текста проводится в целых предложениях независимо от их размера и синтаксической сложности. Понятие цельного предложения, простирающегося от одного конечного знака препинания до другого конечного знака, теоретически обосновано в работах В. Г. Адмони и Г. Н. Акимовой [4]. Такое решение принимается для рандомизации синтаксической ткани текста при переходе от словесно-предложенческих уровней структурной организации целого на уровни композиционно-структурной графической организации письменного текста.

Единицей деления письменного текста признается текст, который безостаточно делится на отдельные порции мысли (предложения и их сочетания). Наиболее сложными являются случаи квалификации прямой речи в текстовой ткани, некоторые случаи оборванных (как справа, так и слева) предложений. Мы ограничиваем задачу рассмотрением абзаца в авторской речи. Формальным показателем границ предложения служит стандартный набор конечных знаков препинания [5].

2. Далее подсчитывается количество единиц определенной длины в тексте: абзацев, состоящих из 1, 2, 4 и т. д. предложений. Определяется средний размер абзаца в данном тексте (в выборке), при этом важ-

ной характеристикой служит мера стандартного для данной выборки отклонения от средней величины (σ) [6].

Абзацы, укладываемые в диапазон стандартных отклонений от среднего размера ($\pm \sigma$), полагаются средними по размеру, то есть фоновыми (Φ). Такой подход позволяет выделить сверхкраткие (СК) и сверхдлинные (СД) абзацы, то есть такие, размер которых соответственно меньше или больше величины стандартного (фоновое) отклонения. Теоретически важно, что в диапазон стандартного варьирования размера абзаца (средний размер $\pm \sigma$) теоретически укладывается 96% всех абзацев изучаемой выборки, следовательно, рассматривая сверхкраткие и сверхдлинные абзацы как флуктуации, выводящие систему из квазистабильного состояния, можно строить модели внутритекстовой динамики, моделировать поиск системой устойчивого состояния через флуктуации размеров входящих в нее единиц и единств [7].

Покажем некоторые возможности моделирования на примере авторской речи произведений русских писателей XIX–XX вв. В произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. П. Астафьева с помощью компьютера подсчитывался размер абзацев, вычислялись их средние величины, определялся качественный статус абзацев как фоновых, сверхкратких и сверхдлинных. Разумеется, что для произведений каждого автора указанные величины индивидуальны. Затем определялся характер взаимных переходов из одной размерной ниши в другие, иными словами, каково соседство абзацев данного размера справа. Понятие о размерных переходах вводится для отражения внутритекстовой композиционно-графической статики и/или динамики. СК, СД и Φ составляют и собственные ансамбли взаимодействия, и обеспечивают контакты с другими ансамблями, иными словами, все комбинаторные возможности системы размеров, все 9 возможных моделей взаимопереходов в системе: 1) $\Phi \rightarrow \Phi$, 2) $\Phi \rightarrow \text{СК}$, 3) $\Phi \rightarrow \text{СД}$, 4) $\text{СК} \rightarrow \Phi$, 5) $\text{СК} \rightarrow \text{СК}$, 6) $\text{СК} \rightarrow \text{СД}$, 7) $\text{СД} \rightarrow \text{СК}$, 8) $\text{СД} \rightarrow \text{СД}$, 9) $\text{СД} \rightarrow \Phi$. Далее на схемах стрелками и цифрами при них указаны направленность взаимодействий и число таких взаимодействий.

В цикле А. С. Пушкина «Повести Белкина» были рассмотрены только абзацы с авторской речью (148 абзацев). Средний размер абзаца в цикле А. С. Пушкина составляет 8,61 предложения ($\sigma = 7,51$ предложения), отсюда: размер фоновых абзацев с учетом округления до целого числа составляет от 2 до 16 предложений, сверхкраткие абзацы состоят из 1 предложения, а сверхдлинные – от 17 до 70 предложений

(рис. 1). Диапазон варьирования размера абзаца от 1 до 70 предложений. Мера экспрессивности размера абзаца у А. С. Пушкина весьма невелика: 0,264, т. е. (соотношение количества СК + СД к общему числу абзацев). Для сравнения приведем данные по стилю произведений В. М. Шукшина. Так, в авторской речи рассказов мера экспрессивности составляет 0,99, а в публицистике – 0,87 [7].

Ф 9↓ ↑6	91 →	Ф 14↓ ↑15
СК	1 ←	3 СД→СД

Рис. 1 – Модель размерных переходов в цикле А. С. Пушкина «Повести И. П. Белкина»

Анализ отдельных частей цикла показывает хорошую различительность внутритекстовых взаимодействий размера абзаца в каждой из маленьких повестей А. С. Пушкина, а также отражает их структурное разнообразие (рис. 2).

«От издателя»:

Ф 3↓ ↑2	6 →	Ф
СК		

«Выстрел»:

Ф 1↓ ↑1	16 →	Ф 3↓ ↑3
СК		3 СД→СД

«Метель»:

Ф 2↓ ↑2	28 →	Ф 1↓ ↑2
СК 1↓ СК	1 ←	СД

«Гробовщик»:

Ф 1↓↑2	5 →	Ф 2↓↑2
СК		СД

«Станционный смотритель»:

Ф 1↓↑2	17 →	Ф 2↓↑3
СК		СД→СД

«Барышня-крестьянка»:

Ф 1↓	19 →	Ф 6↓↑5
СК 1↓ СК		СД

Рис. 2 – Взаимодействие размера абзацев в отдельных частях цикла «Повести Белкина»

В текстах А. С. Пушкина ядерными являются фоновые абзацы, они организуют внутритекстовую меру, как в цикле, так и в отдельных его частях (рис. 2). Это классический вариант стиля, ядром которого является нейтральное, а экспрессивные по размеру абзацы (СК и СД) выделяются на фоне нейтрального, контрастируют с ним. Реализованы 7 типов размерных переходов, что делает стиль более композиционно однородным.

Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» обнаруживает иную модель размерных переходов и внутреннюю динамику самоорганизации объемов, где лидируют по числу взаимодействий сверхкраткие и сверхдлинные абзацы, а фоновые служат скорее периферией системы (рис. 3). Иными словами, графическая композиция у Н. В. Гоголя построена на размерных контрастах в большей степени, нежели в цикле А. С. Пушкина.

Ф 11↑ ↓14	З →	Ф 5↓ ↑8
СК ↓139	→ 63 ← 61	СД ↓ 41
СК		СД

Рис. 3 – Модель размерных переходов в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики»

В цикле «Затеси» В. П. Астафьева именно сверхкраткие абзацы, их взаимодействия друг с другом и с другими размерными нишами организуют единство цикла (рис. 4). Роль фоновых размеров в данном цикле периферийна. Объяснить это можно глубинной ориентацией авторской речи на разговорность, а не на литературность, как у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Другой причиной может быть жанровое различие: повесть рассматривается как большая форма и рассказ как малая форма прозы.

Ф ↓151	52 →	Ф ↓ 95
СК ↓530	→256 ←252	СД
СК		

Рис. 4 – Модель размерных переходов в цикле В. П. Астафьева «Затеси»

На примере некоторых произведений русской классической и современной прозы были показаны возможности построения внутри-текстовых интегральных ритмических взаимодействий, вскрываемые с помощью категории размера абзаца. Предлагаемая методика анализа позволяет в единых параметрах оценивать особенности внутреннего бытия как отдельного произведения (Н. В. Гоголь), так и построение цикла (А. С. Пушкин, В. П. Астафьев).

Примечания

1. В работах В. Г. Адмони «Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики» (Л., 1988. С. 177–194); Г. А. Лескиса «О зависимости между размером предложения и характером текста» (// Вопросы языкознания. 1963. № 3); В. А. Карпова

«Язык как система» (М., 2004) и др. указываются основные параметры русского предложения, рассматриваются связи размера предложения с содержанием текста, с типом речи, с параметрами стиля и т.п.

2. Корбут А. Ю. Текстосимметрика. Иркутск, 2004. С. 58–59.

3. Левковская Н. А. В чем различие между СФЕ и абзацем? // Филологические науки. 1980. № 1. С. 75–78; Москальчук Г. Г. Размер предложения и абзаца как фактор структурной организации текста // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 1998. Т. 2. С. 27–37; Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2003.

4. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. С. 177–194; Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М., 1990.

5. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.

6. Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

7. Москальчук Г. Г. Размер предложения и абзаца как фактор структурной организации текста // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 1998. Т. 2. С. 29.

Н. А. Колкова

СТАТИСТИЧЕСКИЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Понятие «смерть» содержит в себе информацию о знаниях относительно фрагментов невидимого мира. Тайна смерти человеком не разгадана, однако стремление познать ее велико. Желание носителей языка зафиксировать опытное, конкретное знание о последней точке в жизни человека отражается в большом числе фразеологических и паремиологических единиц, связанных с темой смерти.

Исследование устойчивых выражений показало, что в русском языке есть ряд единиц, представляющих понятие «смерть» в динамическом и статическом аспектах. К ним относятся следующие обороты: *окончить свои дни; отдать Богу душу; сложить голову; отдать концы; отойти в вечность; заснуть вечным сном; закрыть глаза; надеть деревянный тулуп; откинуть коньки (копыта, лапы); с копыльев (с копыт)*

долгой; карачун пришел; кондрашка хватил; протянуть ноги; смежить очи; сыграть в ящик; уйти из жизни; песенка спета; душа с телом расстаётся; он уже под святыми лежит. Данные выражения являются экспликаторами понятия «смерть как свершившееся действие».

Следует отметить, что когнитивный уровень рассматриваемых фразеологизмов и паремий включает представление о смерти как результате, как данности свершившегося, что в языке вербализировано глаголами совершенного вида (*окончить, отдать, отойти, протянуть, сыграть, смежить* и т. д.). Ряд фразеологических единиц (*отдать концы; отойти в вечность; заснуть вечным сном; сложить голову; надеть деревянный тулуп; протянуть ноги* и т. д.) передают понятие «смерть» через поступки, поведение человека. Другие выражают то же значение благодаря номинации проявлений деятельности души как субъекта (*душа вон*), действий с душой как объекта воздействия (*отдать Богу душу*), номинации поступков, совершаемых каким-либо субъектом действия (*карачун пришел; кондрашка хватил*).

Исследование языкового материала с позиции когнитивной лингвистики показало, что понятие «смерть» на ментальном уровне представлено не только как одномоментное совершенное действие, но и как процесс умирания, протяженный во времени. В качестве примеров речевой реализации данного видения смерти выступают следующие фразеологизмы и паремии: *душа с телом расстаётся; не дает Бог ни смерти, ни живота; ни протянуться, ни души испустить*.

В устойчивом обороте *душа с телом расстаётся* динамическое проявление смерти создается благодаря глаголу несовершенного вида «расставаться». Смерть как прощание души с телом – фрагмент христианского мировидения, выраженный в сознании носителей языка в форме процесса, длящегося во времени.

Пословичные изречения *не дает Бог ни смерти, ни живота; ни протянуться, ни души испустить* означают «тяжелые муки перед смертью». Согласно народным представлениям, «долгая» смерть – признак того, что «грехи его [человека] велики, и не миновать ему ада» [Забылин, с. 203]. Понятие «умирание» в языке выражено отсутствием действий, символизирующих смерть (*протянуться*, ср. с фразеологизмом *протянуть ноги*). Семантика паремии *Не дает Бог ни смерти, ни живота* передает промежуточное состояние человека между жизнью и смертью, что выражается антонимическими лексемами «смерть» и «живот». Пристальное изучение устойчивых единиц, отражающих процесс умирания, показывает, что в их семантической структуре содержится зна-

чение «предсмертное состояние». Как отмечает Л. Г. Бабенко, «Процесс умирания может быть достаточно длительным, а может быть скоропостижным» [Бабенко, с. 73]. В первом случае он отражается в языке в динамическом аспекте (*душа с телом растается*), во втором – в статическом аспекте или как номинация одномоментного действия (*откинуть коньки (копыта, лапы); с копыльев (с копыт) долгой; песенка спета*).

Анализ примеров речевой реализации понятия «смерть как свершившееся действие» показал, что оно может выражаться в устойчивых единицах со значением «первые обрядовые действия с покойным». Фразеологизм *закрывать глаза (кому-то)*, означающий «находиться рядом с умирающим в последние минуты его жизни» [Федоров, с. 229], восходит к языческому мировоззрению и связан с ситуацией, когда человек умирал с открытыми глазами. То же смысловое содержание заключено и в семантике поговорки *Покойник еще кого-то выглядывает*, т. е. «умер с открытыми глазами». Из научных источников известно, что по народным представлениям «закрывать покойнику глаза, если они не закрылись сами, нужно, чтобы он не «высмотрел» кого-нибудь и не увел за собой» [Байбурин, с. 211]. Данный обычай отражает первобытный страх людей перед явлением смерти, которую они не могли объяснить. Буквальное прочтение фразеологизма *закрывать глаза (кому-то)* раскрывает суть совершаемых после смерти ритуальных действий, обозначение которых стало мотивационным признаком устойчивого словосочетания.

В поговорке *Он уже под святыми лежит* понятие «свершившейся» смерти передается наименованием осуществляемых после нее действий с покойным. Причиной возникновения данного изречения послужила денотативная ситуация, связанная с существовавшим обычаем, когда «после смерти человека клали на лавку ногами к иконам, лицо его было обращено к образам, он как бы смотрел на них» [Забылин, с. 199]. Субстантивированное прилагательное «святые» в составе оборота выступает в качестве синонима лексем «икона», «образ». На основе рассматриваемого изречения образовался фразеологизм *лежать под святыми*, т. е. «умереть» [Федоров, с. 566]. Паремии *Уж он под святыми лежал, а все жив; он из-под святых встал* означают «ожил от тяжелой болезни». Наречие «уже» в составе поговорки актуализирует значение «имеет место, сделано, осуществлено» [Ожегов, Шведова, с. 828], благодаря чему выражается понятие спасение от, казалось бы, наступившей смерти. Речь идет о том случае, когда «...появляются все признаки смерти, но процесс разрушения человеческого организма не разви-

вается и человека удается спасти» [Бабенко, с. 73]. Рассматриваемый устойчивый оборот интересен тем, что в нем понятие «едва не наступившая смерть» передается через ритуальный акт. Семантика исследуемого выражения позволяет восстановить информацию о существовавших обычаях.

По нашему мнению, наличие в семантической структуре фразеологизмов и паремий, обозначающих понятие «наступившая смерть» (*закрывать глаза (кому-то); он уже под святыми лежит*), составляющей «обрядовое действие», выражает всю степень значимости обрядов, совершаемых в первые минуты после кончины человека.

Итак, понятие «смерть как свершившееся действие» репрезент в русском языке устойчивыми единицами со следующими значениями: 1) поступки человека; 2) совершаемые с умершим ритуалы; 3) действия души; 4) действия некоего субъекта. Понятие «смерть» в русском языковом сознании представлено в статическом и динамическом аспектах.

Примечания

1. Байбурин Л. К. Ритуал в традиционной культуре [Текст]: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов /СПб.: Наука, 1993. 237 с.

2. Даль В. И. Пословицы русского народа [Текст]: в 3 т. / М.: АСТ, 1996. 3 т.

3. Забылин М. Русский народ [Текст]: обычаи, обряды, предания, суеверия / М.: Рус. книга, 1996.

4. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа [Текст]: большой объяснительный словарь. Ростов н / Д.: Феникс, 2006. 544 с.

5. Концептосфера русского языка [Текст]: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст]. М.: Азбуковник, 2002. 944 с.

7. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. [Текст] / под ред. А. И. Федорова. М.: Топиал, 1995. 608 с.

В. В. Катермина

НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Обозначения лица занимают важное место в системе языка. Это естественно, поскольку человек образует одну из центральных систем объективной действительности. Язык, являясь продуктом человеческого мышления и познания, в свою очередь направлен на отражение объективной действительности, и потому в нем находят свое опосредо-

ванное выражение знания человека об окружающем нас мире, в частности, знания о самом человеке.

Под *единицей номинации/номинантом* в данной статье понимаются коннотативно осложненные лексические и фразеологические единицы, называющие человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам, а также свободные сочетания с функционирующими в них словами-номинациями, обеспечивающие синтагматические приращения номинантов.

Мы разделяем сложившееся в лингвистике мнение, что в силу абсолютной антропоцентричности содержания художественного текста (основным предметом изображения чаще всего выступает человек), обозначения лиц (персонажей) в авторской речевой структуре создают особые тематические поля. В тексте номинации персонажей участвуют в формировании смыслового аспекта художественного произведения.

Говоря о некоторых категориальных свойствах художественного текста (ХТ), мы, вслед за Л. А. Исаевой, выделяем следующие: обязательное наличие скрытого смыслового пласта (категория подтекста), выраженного как собственно лингвистическими, так и несобственно лингвистическими средствами; эстетическая функция таких скрытых смыслов; множественность смысловых интерпретаций художественного текста при тождестве его «инвариантного» содержания [Исаева, 1996].

Считаем также возможным выделить модальность как важный смысловой параметр ХТ, определяющий взаимоотношения читателя и автора, ведущие к более глубокому пониманию произведения.

Язык художественного текста, как свидетельствуют лингвисты, занимающиеся проблемами его анализа, характеризуется неоднозначностью семантики, множественностью интерпретаций. Мы присоединяемся к мнению современных лингвистов, которые полагают, что эта указанная множественность возможных толкований зависит от ряда причин: это и многогранность художественного образа, и различие кодов читателя и писателя, и те социально-исторические, культурные и языковые изменения, через которые проходит литературное произведение на пути к читателю.

Не вызывает сомнений, что понимание ХТ зависит от способности читателя воспринимать произведение, опираясь на знание языка, совокупности «всех литературных, художественных и культурных представлений, моральных, этических и эстетических ценностей», способов

языкового выражения, которые являются «указателями на то, что лежит за пределами текста и тесно связано с его пониманием» [Назарова, с. 133].

В художественном тексте, как и во всяком другом сложном образовании, единицы вступают в отношения синтагматические и парадигматические. Лингвисты, занимающиеся вопросами анализа текстов литературных произведений, пришли к выводу, что в художественном тексте каждое слово вступает не только в связи и отношения чисто грамматического характера, но и в другие, обусловленные его художественной природой. Вследствие существования этих специфических связей слово в поэтическом тексте как бы реализует сразу несколько своих валентностей, то есть предстает не только как компонент нормативной синтаксической синтагмы, но и как часть ассоциативно-авторской парадигмы. Наличие парадигматических, наряду с синтагматическими, отношений является, по мнению языковедов, одной из существеннейших предпосылок для реализации многозначности слова в художественном тексте, тем самым — многозначности и переменчивости художественного образа, бесконечно семантической перспективы, информационной открытости [Болотнова]. Ассоциативно-смысловая парадигматическая сопряженность слов формируется как на основе стандартных отношений (синонимических, антонимических, гипогиперонимических), так и на основе нестандартных, принадлежащих только к сфере художественного текста отношений (тематических, ситуативных, ассоциативных), отражающих разную глубину смысловой связи слов на основе дифференциальных, категориальных, потенциальных сем [Болотнова].

Необходимо также отметить, что художественный текст одновременно предполагает расширение возможной сочетаемости языковых единиц, то есть для него обычным становится «соединение несоединимого». В необычных сочетаниях заложена будущая неоднозначность текста, поскольку при таком соединении развиваются дополнительные смыслы входящих в них единиц при сохранении «исходных» (словарных, регулярных) их значений [Исаева, 1999].

Художественные тексты демонстрируют два вида концептуализации: общекультурную, которая включает межнациональный и национально-специфический компонент, и индивидуально-авторскую, то есть модально-концептуальные смыслы конкретного текста или всего творчества данного автора.

Общекультурная концептуализация составляет концептуальный фон, а индивидуально-авторские концептуальные смыслы – концептосферу конкретного текста или данного автора.

Способы передачи национально-культурной информации универсальны для текстов, созданных разными языковыми личностями, поскольку каждый носитель языка, используя возможности, предоставляемые языковой и концептуальной системами, вольно (а скорее невольно) вносит в текст национальные ментальные стереотипы.

Концептуальное пространство текста отражает национальную и авторскую картины мира. Своеобразие художественного текста как объекта исследования заключается в том, что он, имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности, пропущенные через языковую личность писателя.

В систему именовании персонажа традиционно включаются имена собственные и имена-апеллятивы (нами не рассматриваются местоимения, т. к. морфологическую основу номинантов все-таки составляют имена существительные). Имя существительное, как свидетельствует анализ его семантической природы и специфики употребления, полифункционально. Оно может выступать не только в качестве предметной номинации, но и быть средством характеристики, выступать не только в функции субъекта (объекта) речи/мысли, но и в роли предиката. Выполняя свою предикативную функцию, субстантив сохраняет свое категориальное значение предметности. Не случайно предикаты–имена существительные являются именной частью составного именного сказуемого, выражающей лексическое значение и не содержащей собственно предикативной характеристики. Модально-временной план раскрывают глаголы-связки.

Как демонстрируют результаты лингвистических исследований, предикация и номинация – не два взаимоисключающих явления, но разноуровневые понятия. На основе актуализации признака объекта именованного (то есть предикации) происходит процесс их номинации (то есть называния). В художественном тексте предметная и характеризующая номинации начинают выполнять задачи, обусловленные его эстетической функцией.

Имена собственные (ИС), использованные в художественных произведениях, помогают реализовывать все названные категории литературного текста. В литературном произведении ИС выполняют ведущую роль в создании «семантической композиции» художественного текста наряду с другими средствами стиля. В этом плане ИС являются объ-

ектом комплексной науки ономастики, которая включает в себя методы лексикологии, семиотики, стилистики, поэтики и лингвистики текста в широком смысле.

Давая персонажу имя, писатель учитывает характер, внешний и внутренний мир своего героя. Имя собственное входит в художественное произведение с уже определенными свойствами персонажа и задачами произведения. Иногда автор не всегда осознанно вводит то или иное имя, но оно может сказать «больше, чем задумал писатель» [Магазаник, с. 145].

Как уже было сказано, ИС в художественном произведении изучаются ономастикой и, следовательно, основной функцией личных имен собственных становится стилистическая (в отличие от дифференциальной, являющейся доминирующей для ИС в речи). Художественная ономастика прежде всего не различает, а «говорит» [Карпенко, с. 36].

Следует выделить две разновидности стилистической функции: *информационно-стилистическую* (выразителем является внутренняя форма имени) и *эмоционально-стилистическую* (фонетическая и словообразовательная формы: несоответствие имени и фамилии, имени и образа).

ИС может приобретать независимое употребление, становясь символом (*Гамлет, Обломов*). Информационно-стилистическая функция увеличивается, и подобные ИС приближаются к нарицательным словам.

ИС обладают определенной актуализацией в любом художественном тексте, то есть они всегда что-то «говорят». Как справедливо заметил Ю. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [Тынянов, с. 127]. Передачей коннотативных смыслов они выполняют свои *художественные функции*. Имя может сравниваться с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общеязыковые и культурно-психологические коннотации ЛИС в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции).

Создание реалистичных и художественно убедительных образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики.

Результаты исследования имен собственных в художественном тексте подтверждают имеющиеся в науке следующие данные.

1. Отбор имен собственных для персонажей в художественном тексте всегда произволен (исключение составляют исторические и хроникально-документальные произведения, хотя и в них возможно существование вымышленных имен), то есть свидетельствует об определенных пристрастиях: языковых, несобственно языковых и неязыковых – автора.

2. Имя в художественном тексте, в силу антропоцентричности последнего, значимая деталь в создании образа, который творится в целом тексте и составляет основное его содержание. Поэтому речевое воплощение художественного образа является текстообразующим фактором, лингвистическое изучение которого в настоящее время может стать одной из новых и чрезвычайно важных задач лингвистического анализа художественного произведения.

3. Имя собственное выполняет не только функции номинативную, аппеллятивную, но и функцию социальной маркировки, отражает характерные для данного времени нормы межличностных взаимоотношений, то есть выбор имени позволяет говорить о целом комплексе национально-специфических, общекультурных, групповых и индивидуально-специфических свойств языковой личности «номинатора».

4. В художественном тексте, кроме собственного его ономастико-на, входят и имена из других текстов, а также имена-знаки культурного «вертикального контекста», концептуализировавшиеся в истории мировой и/или национальной культуры либо в данном тексте, причем автор может использовать как «концепты-штампы», так и «видоизмененные» концепты, вступающие в сложные отношения с привычно существующими в сознании массы носителей языка концептуальными представлениями о данных личностях.

5. Сам отбор, частотность использования тех или иных имен-концептов косвенно служит характеристикой тезаурусного фонда, находящегося в сознании автора.

Не вызывает сомнения тот факт, что любой текст является результатом речевого акта, непосредственно связанного с действительностью. Поэтому, по мнению лингвистов, слово в сообщении приобретает более богатое содержание, складывающееся из образа предмета или представления о нем; эмоциональных оттенков, которые выражают переживания, чувства участников речевой деятельности; социальных

коннотаций, передающих социальную принадлежность говорящего. Значение слова на уровне индивидуальной речи может быть только сопережито в момент сообщения [Лукошкова].

Как свидетельствуют исследования в области специфики смысловой структуры художественного текста, языковая семантика имен нарицательных в тексте указанного типа претерпевает изменения: формируется особое, художественное значение апеллятивной лексики. Это связано с тем, что на основе языкового значения у нарицательного слова появляется новый семантический план – авторский. Одновременно в этой связи оживляются и объединяются признаки разных значений, свойственных общенародному языку. Такое осложнение концептуальной части значения слова обусловлено контекстом его употребления. Как известно, апеллятивные именованья часто являются оценочными, что вызвано наличием коннотативных сем в составе их лексического значения. Благодаря этому нарицательное имя участвует в создании экспрессивно-образительного плана образа персонажа, его именика.

Таким образом, анализ номинативных единиц в художественном тексте приводит, во-первых, к рассмотрению прямой номинации, в которой исследуются основные параметры человека и выводятся общие, универсальные признаки языковой личности и, во-вторых, способствует выявлению специфических признаков, позволяющих показать особенности взаимоотношений человека и общества, служащих основой для создания номинации в контексте (контекстных приращенных значений).

В результате исследования прямого и контекстного видов номинации выявляются особенности видения отдельной языковой личностью (писателем) типичных и специфических особенностей своего народа; извлекается национально-культурная информация, заложенная писателем в устойчивых и свободных сочетаниях, номинирующих человека.

Примечания

1. Болотнова Н. С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция. СПб., 1992.

2. Исаева Л. А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1996.

3. Исаева Л. А. Лингвистический анализ художественного текста: проблемы интерпретации скрытых смыслов. Краснодар, 1999.

4. Карпенко Ю. А. Имена собственные в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4.

5. Лукошкова О. И. Система именованй персонажей в русской народной и литературной сказках в первой половине XIX в. (на материале произведений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, П. П. Ершова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2000.

6. Магазаник Э. Б. Ономапозтика или «говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978.

7. Назарова Т. Б. Филология и семиотика. М., 1994.

8. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. М., 1929.

Л. С. Фомина

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОРЕНБУРГСКОГО ПИСАТЕЛЯ В. КАРПОВА

Фразеологизмы — яркие и выразительные средства языка. Они придают речи живость, образность. Фразеология русского языка очень богата и обладает значительным синонимическим потенциалом, что создает возможности для широкого стилистического применения фразеологических средств.

В. В. Бабайцева дает такое определение фразеологизмам: «Фразеологизмы — устойчивые сочетания слов, близкие по лексическому значению одному слову. Поэтому фразеологизмы часто можно заменить одним словом, менее выразительным». Бабайцева предлагает сравнить следующие выражения: на краю света (земли) — далеко; намылить шею — проучить, наказать; пешком ходит под стол — маленький; зуб на зуб не попадает — замёрз; зарубить на носу — запомнить; как в воду глядеть — предвидеть и т. д. [1, с. 213].

Выделяется три типа фразеологизмов:

— фразеологические сращения — устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов, т. е. не мотивировано ими с точки зрения современного состояния лексики: попасть впросак, бить баклуши и т. д. Мы не знаем, что такое «просак» (так в старину называли станок для плетения сетей), не понимаем слова баклуши (деревянные заготовки для ложек, изготовление которых не требовало квалифицированного труда). Таким образом, фразеологические сращения могут включать в свой состав устаревшие слова и грамматические формы: шутка ска-

зять (не шутку!), сыр-бор разгорелся (не сырой!), что также способствует семантической неразложимости оборотов;

– фразеологические единства – устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых отчасти связано с семантикой составляющих их компонентов, употребленных в образном значении: зайти в тупик, бить ключом, плыть по течению, держать камень за пазухой, брать в свои руки, прикусить язык. В отличие от фразеологических сращений, утративших в языке свое образное значение, фразеологические единства всегда воспринимаются как метафоры или другие тропы. Так, среди них можно выделить устойчивые сравнения (как банный лист, как на иголках, как корова языком слизала, как корове седло), метафорические эпитеты (луженая глотка, железная хватка), гиперболы (золотые горы, море удовольствия, насколько хватает глаз), литоты (с маковое зернышко, хвататься за соломинку). Есть и фразеологические единства, которые представляют собой перифразы, то есть описательные образные выражения, заменяющие одно слово: за тридевять земель – далеко, косая сажень в плечах – могучий, сильный;

– фразеологические сочетания – устойчивые обороты, значение которых мотивировано семантикой составляющих их компонентов, один из которых имеет фразеологически связанное значение: потупить взор, то есть опустить голову.

Эту классификацию фразеологизмов часто дополняют, выделяя вслед за Н. М. Шанским так называемые фразеологические выражения, которые также устойчивы, однако состоят из слов со свободными значениями, т. е. отличаются семантической членимостью: счастливые часов не наблюдают; быть или не быть; свежо придание, а верится с трудом. В эту группу фразеологизмов относят крылатые выражения, пословицы, поговорки. К тому же многие фразеологические выражения имеют принципиально важную синтаксическую особенность: представляют собой не словосочетания, а целые предложения [5, с. 82].

Мы исследовали употребление фразеологизмов на примере сборника «Се ля ви... Такова жизнь» оренбургского писателя В. Карпова, которого справедливо можно назвать мастером создания художественного слова. Карпов Владимир Васильевич родился в Оренбурге. Он является Героем Советского Союза, участником Великой Отечественной войны. Печатается с 1945 года. Известен как автор многих сборников рассказов и повестей.

В рассказе «Полино счастье» мы встречаем фразу: «Жизнь вошла в прежнюю колею» [2, с. 88], которая основана на глагольном фразеологизме «войти в колею», означающем возвращение к прежнему.

Здесь же, описывая семейную пару, Карпов скажет: «Жили они душа в душу» [2, с. 89]. Целостное значение этого фразеологизма соотносится со словом дружно.

А в рассказе «Стать солдатом нелегко», мы видим фразеологизм «через пень-колоду» [2, с. 147]. Существует две версии происхождения этого выражения:

1) выражение возникло в среде лесорубов. Первоначально фразеологизм употреблялся в форме сравнения – [делать что-либо] как через пень колоду валить, то есть, так же неудобно, как тащить через пень толстое бревно; 2) связано с хождением по буреломам, где идешь «через пень в колоду», то есть перешагнув через очередной пень, можешь попасть ногой в трухлявую колоду. Современное значение – «делать как попало, плохо».

В этом же рассказе о нерадивом солдате говорят: «Надо брать его за жабры», то есть оказывать давление, принуждать к чему-либо.

На все последующие действия этот же солдат отвечает, что запомнит всех «до гробовой доски» [2, с. 165]. Это определение выражено фразеологическим сочетанием до гробовой доски, то есть до конца жизни.

Но все же «Лехе свернули рога в армии» [2, с. 165], – скажет Карпов. Значение фразеологизма ясно – автор имел в виду, что солдата перевоспитали, приучили к порядку и дисциплине, что подтверждается следующим фразеологизмом – солдат понял, что ему надо браться за ум-разум [2, с. 165].

Следующий фразеологизм мы встречаем в рассказе «Генеральша». Женщина, вспоминая прошлое, так описывает эпизод, связанный с ожиданием: «Сижу, жду, ни живая, ни мертвая» [2, с. 199]. Выразительность этого фразеологизма строится на игре антонимов: ни жив, ни мертв.

В рассказе «Иван», принимая главного героя на работу, советуют: «Начинай плясать от печки» [2, с. 221]. Фразеологизм плясать (танцевать) от печки – значит делать что-то, начиная с привычного места, с начала. оборот попал в литературный русский язык из неоконченного романа В. А. Слепцова «Хороший человек» (1871). Но его нельзя считать автором оборота, так как обычай учиться танцевать от печки был распространен в России XIX в. в дворянских семьях. Благодаря извест-

ности этого обычая вошло в обиход выражение «танцевать от печки» в переносном значении.

В произведениях Карпова фразеологизмы употреблены как средство языковой характеристики персонажей; для стилизации авторской речи, которая воспринимается как непринужденная беседа условного рассказчика с читателем, и в этом случае фразеологизмы воссоздают картину живого общения. При этом измененные фразеологизмы сохраняют художественные достоинства — образность и афористичность.

Примечания

1. Бабайцева В. В. Русский язык. Теория. 5–11 классы: учебник для школ и классов с углубл. изуч. рус. яз. М., 2000

2. Карпов В. В. Се ля ви... Такова жизнь. Оренбург, 2009.

3. Кулебякина М. Ю. Изобразительно-выразительные средства языка // Русский язык в школе, 2006, № 3.

4. Шабрин В. В. Прикоснуться сердцем к жизни писателя. Памяти Владимира Васильевича Карпова. М., 2010.

5. Шанский Н. М. Лингвистический анализ и лингвистическое комментирование текста // Русский язык в школе. 1983. № 3. С. 24–29.

М. А. Коньчева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНТИПОСЛОВИЦАХ

Известно, что в пословице заключена народная оценка жизни, за каждой из пословиц стоят определённые аксиологические (ценностные) предпочтения народа. В пословицах обобщаются ценности и нормы, применимые в различных сферах и жизненных ситуациях. В них закреплён общественно-исторический, житейско-бытовой опыт народа и опыт осмысления жизни. Информация, заключенная в традиционных пословицах, как правило, имеет двойную направленность. С одной стороны, пословицы — это назидания, краткие рекомендации, касающиеся различных сторон жизни. С другой стороны, они отражают прошлый уклад жизни, историю, культуру, образы и представления. Со временем меняется уклад жизни, история, культура, соответственно изменяется содержание и структура пословиц. Поэтому русские пословицы активно переосмыслиются и употребляются в современной речи в трансформированном виде [1, с. 6].

Обращение к данной теме и её актуальность определяется следующими обстоятельствами. Трансформация пословиц – это не только отрицание сложившихся в обществе и языке стереотипов, но и ироническая репрезентация новых жизненных ценностей в изменившихся социально-исторических условиях. В современном русском языке активнее стали использоваться трансформы пословиц, которые возникли как реакция на необратимые перемены, произошедшие в экономической, политической и духовной жизни нации. Они отражают современные культурные ценности, которым отдаётся приоритет в обществе в данный момент [5, с. 23].

Пословицы возникли в отдаленной древности и с той поры сопутствуют народу на всем протяжении его истории, а особые свойства сделали их стойкими и необходимыми в быту и речи. Под пословицей, вслед за В. П. Жуковым, мы понимаем меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее различные явления жизни и имеющее форму самостоятельного предложения, которое формулирует «законченную мысль» [1, с. 6].

В ходе исследования пословичного материала нами установлено, что некоторые ранее известные и часто употребляемые пословицы используются в виде новых, трансформируемых сверхсловных выражений. Трансформы известных русских пословиц имеют разную мотивацию и ценностную основу. Прототип классической пословицы, стоящий за такими трансформами, легко узнается носителями языка: *Не имей сто рублей, а имей сто зеленых. Старый друг лучше новых русских*. Подобные трансформируемые единицы В. М. Мокиенко называет антипословицами [3, с. 8].

В антипословицах – переделках традиционных пословиц, по мнению С. Г. Шулежковой, отражается и подвергается оценке недавнее прошлое и современные реалии. Старая и легко узнаваемая пословица актуализируется, например, когда в её состав в качестве новых элементов вводятся имена политических деятелей эпохи: *Куй железо, пока Горбачев, Путина бояться – в сортир не ходить* [6, с. 17].

Для отражения отношения к старым ценностям используются формулы, приводящие оцениваемое обстоятельство к абсурду. Например: *Чтобы найти площадь Ленина, нужно длину Ленина умножить на ширину Ленина*. Антипословицы являются отражением массового сознания, источником для расшифровки современной культуры и истории. Например: *Ленин по-прежнему невыносим* (имеются в виду долгие спо-

ры по поводу необходимости захоронения тела пролетарского вождя В. И. Ленина), *Евро баксу не товарищ*.

По мнению С. Г. Шулежковой и Н. Н. Федоровой, в последнее время пословицы стали трансформироваться активнее, центр создания пословиц переместился из деревни в городское просторечие, поэтому новая лексика паремий изобилует деформациями слов. Х. Вальтер и В. М. Мокиенко считают, что активизация употребления трансформированных пословиц объясняется тем, что они выполняют особый «социальный заказ», «осовременивают» шаблонизированные многовековым употреблением паремии и отражают актуальные для носителей языка реалии [5, с. 98].

В нашей работе рассматриваются те трансформы, которые позволяют получить представление об актуальности тех или иных процессов в политике, экономике, культуре, о важности некоторых сфер общественной жизни и об отношении носителя языка к происходящему. Особенно частотны в наши дни трансформы, отражающие новые реалии 1) **социально-политической сферы**: *армия (Не боевая техника красит война, а воин боевую технику)*, **криминальная сфера и охрана правопорядка** (*Язык до киллера доведет*), **медицина** (*Лекарства дороже денег*), **образование** (*Образование дороже денег*), **политика и государство** (*Делу время — пикету час*), **средства массовой информации** (*Папарацци на выдумку хитра*); 2) **экономической сферы** (*Свой бизнес карман не тянет*); 3) **обиходно-бытовой сферы**: **алкоголь** (*Водку пивом не испортишь*), **досуг** (*Рок попсы не слаще*).

Не можем не согласиться с мнением Н. Н. Федоровой, что сопоставительное изучение традиционных пословиц и современных пословичных трансформов дает важные сведения о ценностных ориентирах культуры на современном этапе. Проанализированный нами материал, позволяет выделить следующие типы ценностей, которым отдаётся предпочтение в современном обществе. Это 1) **бытийные** (жизнь — смерть; счастье, удача); 2) **экономические** (деньги; работа, труд); 3) **утилитарные** (дом, домашнее хозяйство; одежда; пища; здоровье; физические качества человека; пьянство); 4) **познавательные** (ум, знание, образование); 5) **эмоциональные** (радость — горе); 6) **морально-нравственные** (закон; дружба; семья; любовь); 7) **общественно-политические** (общественные отношения, политика; патриотизм; защита Отечества); 8) **духовные** (Бог); 9) **эстетические** (красота).

Анализ семантики традиционных русских пословиц и пословичных трансформов внутри данных групп позволил сделать выводы о ди-

намических процессах в пословичной картине мира и, соответственно, в системе ценностей носителя русской культуры.

Так, в традиционных пословицах, отражающих **морально-нравственные ценности**, на первом месте стоит **семья**. Отмечая важное значение брака для человека, исходные пословицы учат относиться к супружеству серьезно, в то время как в трансформах часто встречается ироничное, критическое и нередко меркантильное отношение к добрым семейным отношениям (*Супружеский долг платежом красен; С милым рай и в шалаше, если есть недвижимостъ на Канарах*).

Дружба в понимании традиционных паремий является одной из самых дорогих жизненных ценностей. Пословицы учат ценить дружбу, беречь ее, жертвовать многим во имя дружбы, в то время как современные пословичные трансформы ставят под сомнение данные ценности и утверждают, что человеку свойственно совершать предательства по отношению к друзьям, рекомендуют извлекать из дружбы выгоду (*Не зная брода, пропусти вперед друга; Не имей сто рублей, а имей сто друзей: всегда по рублю скинутся*).

Что касается народной оценки **законов** и их исполнения, то и традиционные, и трансформированные пословицы отмечают несправедливость и взяточничество судейских чиновников, а также предупреждают преступника о неизбежности наказания. Современным паремиям в большей степени присуща юмористическая, но не лишенная назидательности оценка закона (*Готовь сани летом, а законы своевременно; На всякий закон довольно статьи*).

Как отмечают известные лингвисты (В. Дубичинский, В. М. Мокиенко, Х. Вальтер), в силу значительных изменений в экономике страны на современном этапе немаловажная роль в пословичных трансформах отводится **экономическим ценностям**. Среди них **финансовая сфера** деятельности человека. Примечательно, что современные трансформы, как и традиционные пословицы, убеждают, что деньги – это главное в жизни человека, к тому же в трансформах рекомендуется добывать их любым способом, вплоть до криминального (*Деньги любым клином вышибают*).

В отношении к **труду** традиционные паремии утверждают, что без труда невозможно достойное и счастливое существование человека, современные же трансформы подчеркивают, что честным трудом больших денег не заработать (*Кто не работает, тот зарабатывает*). По-разному выражено в пословицах отношение к безделью, бездельникам. Если в традиционных пословицах осуждается праздный образ жизни, то боль-

шинство трансформированных, наоборот, призывает к игнорированию труда как источника дохода и почетной обязанности человека (*В труде правды нет, она есть в безделье, Бить баклуши можно и в две смены*).

В результате сопоставления **познавательных ценностей** можно отметить, что, несмотря на важность науки, силы **учения**, просвещения, разума, утверждаемых традиционными пословицами, в трансформациях выше оценивается смекалка, изворотливость, осмеивается усердие в учебе (*Учеба и труд до добра не доведут, Ученье — свет, в его лучах уж не один студент зачах, Век живи — век учись, и дураком помрешь*). Антипословицы критически относятся к изменениям в русском языке, проникновению жаргонизмов во все сферы (*И вечный мат! Покой нам только снится, Не поминайте лохом*).

Представление **общественно-политических ценностей** в исходных паремиях подтверждает готовность народа встать на защиту русской земли. Традиционные пословицы отмечают смекалку, веселый нрав и неприхотливость в быту русских солдат и в то же время описывают тяготы солдатской жизни. Пословичные трансформы описывают проблемы в современной армии (*Сколько солдата ни корми, все равно он перловку не любит, У плохого студента есть шанс стать хорошим солдатом*), а также социально-политические явления последнего времени, недалёковидность отдельных политиков (*Не знаешь броду — не ври народу, Соловья баснями не кормят, ими кормят народ*).

Традиционные пословицы, отражающие **бытийные ценности**, подчеркивают трудность и сложность жизни. Тема **жизни и смерти** в современных трансформациях отражена с юмористической точки зрения (*Береги веселую жизнь смолоду*).

Эстетические ценности в исходных пословицах представлены народным эталоном красоты. Они подчеркивают красоту внутреннюю, в то время как трансформы утверждают, что внешняя красота сейчас является определяющим фактором успеха у женщины (*Красота есть — ума не надо*).

Духовные ценности раскрываются в русских паремиях двойственным отношением народа к религии. С одной стороны, Бог изображен в них как всевидящий, воздающий всем милости по заслугам. С другой стороны, утверждается, что человек в разных жизненных ситуациях должен рассчитывать только на себя, а не уповать на всевышнего. Современным же трансформам присуще осмеяние религиозных чувств, интерес к гороскопам, магии и оккультизму, что явилось следствием социальных потрясений XX в., когда произошло смещение тра-

диционных нравственных оценок (*Кто рано встает, с тем Бог поддает, На гороскоп надейся, а сам не плошай*).

Таким образом, изучение ценностных аспектов в традиционных и трансформированных пословицах предоставило богатейший материал для исследования национального мировидения, самосознания и менталитета, в том числе — для изучения изменения ценностных смыслов русского народа на разных этапах его истории, появления новых ценностей, с одной стороны, и утраты значимости, с другой.

Примечания

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари, Астрель, 2001.
3. Мокиенко В. М., Вальтер Х. Антипословицы русского народа. М., 2008.
4. Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля. М.: Рус. яз. медиа, 2004.
5. Федорова Н. Н. Трансформированные пословицы в газетных заголовках / Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006.
6. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / М.: Азбуковник, 2002.
7. Дубичинский В. Против чего же «Антипословицы»? // Грани слова: сб. науч. статей к 65-летию В. М. Мокиенко. М.: Эллис, 2005. С. 629–634.

А. А. Левина

ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ КОСМОНАВТОВ

Суеверный человек не может быть всецело несчастен, ибо суеверие стоит надежды.

Оноре де Бальзак

Приметы и суеверия своими корнями уходят в далекое языческое прошлое. Они вобрали в себя многочисленные мистические и магические представления о мире и человеке. Так, каждый предмет наделялся определенными свойствами. По поведению вещей и животных (ложки, кошки, двери и т. п.) можно было предсказать те или иные события (смерть, пожар, замужество, рождение ребенка и другое). По представлению древних, некоторые приметы и явления могут быть хорошими или плохими в зависимости от ситуации и действий самого человека.

Другие приметы являются в большей степени информативными, предсказывают погоду и события.

Стоит упомянуть то, что до сих пор не сложилось единого мнения о том, что такое приметы и суеверия. В толковых словарях их употребляют как синонимы, в то время как некоторые ученые отмечают, что суеверия связаны с религиозными верованиями, а приметы основываются на наблюдениях за природой.

С приходом христианства вера в сверхъестественные божественные и дьявольские силы еще сильнее укоренилась в сознании людей.

Со временем ситуация поменялась. Долгое время приметы были в забвении. Их считали религиозным пережитком, уделом простолюдин, а не образованных людей. В основе этого суждения лежит мнение, что чем менее развит человеческий ум, тем больше ему кажется область чудесного и сверхъестественного. Казалось бы, в наш просвещенный XXI в. не осталось места чему-либо мистическому. Но как показывают исследования психологов, суеверия возникают тогда, когда человек понимает, что он ходит по грани. Если есть опасность для жизни, то всегда появляются приметы и суеверия, которые вселяют надежду на то, что все в наших руках.

Космонавты находятся в особой группе риска, несмотря на то, что наука и техника стремительно развиваются. Из 483 человек, по официальным данным побывавших в космосе, 18 погибли. Смертность, таким образом, составляет 3,74 % — это делает космонавтику одной из самых опасных профессий в мире. Для примера, смертность среди американских военных во время войны в Ираке (2003–2006 гг.) составила 0,39 %, а во Вьетнаме (1966–1972 гг.) — 2,18 %. Любое неправильное действие, незапланированное событие может привести к плачевным последствиям. Неудивительно, что у космонавтов сложились свои собственные приметы и суеверия. Это естественная потребность нашей психики — в случае опасности обращаться к силе, способной отклонить удары судьбы.

Так, старт какого-либо корабля никогда не назовут «последним». К примеру, последний старт к станции «Мир» предпочтут назвать «крайним», «итоговым», каким угодно, но не последним. Также космонавты никогда не прощаются с провожающими — от греха подальше.

Есть еще десятки суеверий и примет, определяющих жизнь космонавтов и обслуживающего персонала. Самые интересные и самые многочисленные суеверия существуют в отечественной космонавтике. Часть из них относится уже к нашим дням, часть берёт начало из со-

ветской эры и первых пилотируемых полетов в космос. Большая часть из них зародилась на заре космической эры, причем авторство приписывают самому Генеральному конструктору Сергею Королеву.

К примеру, по указанию Королева какое-то время в космос не пускали обладателей усов: в 1976 г. во время полета у усатого космонавта Виталия Жолובה настолько ухудшилось самочувствие, что миссию пришлось прервать досрочно. Сегодня эта традиция отошла в прошлое. У Королева был «счастливый» оператор, который всегда нажимал по команде на кнопку «старт», капитан Смирницкий. Ни один пуск ракеты не обходился без Смирницкого. Даже когда у того была экзема, он всё равно нажимал на кнопку, потому что Королёв считал, что у того человека «лёгкая рука».

Удивительно, что Главный конструктор «на людях» не был суеверным человеком, однако не любил запусков по понедельникам. Первые три года космической эры это правило соблюдалось неукоснительно: ни один пуск, а их было за это время шестнадцать, не был произведен в понедельник. Затем начали летать — произошло 11 аварий.

Первый запуск в этот роковой день состоялся 10 октября 1960 г. Новая ракета-носитель «Молния» должна была вывести к Марсу автоматическую станцию. Понедельник сыграл свою зловещую роль — носитель взорвался. После этого более года избегали назначать даты старта на понедельник, но первая попытка запуска фоторазведчика «Зенит» была предпринята 11 декабря 1961 г. Понедельник — взрыв ракеты.

Снова более года понедельник был «нестартовым» днем. Однако восьмой «Зенит» стартовал в понедельник, на сей раз — успешно. Было 22 апреля 1963 г. Спутник объявили как «Космос-15». Через полгода запускали очередную станцию к Венере. Понедельник, 11 ноября 1963 г. На околоземную орбиту станция была доставлена успешно, но стартовать оттуда к Венере не смогла — не сработал разгонный блок. И так еще несколько случаев подряд. 20 апреля 1964 г. была предпринята пятая попытка запустить станцию, предназначенную для мягкой посадки на Луну. Взорвалась ракета-носитель. Пятая подряд неудача могла быть «объяснена» тем, что пуск пришелся на понедельник.

Последний при жизни С.П. Королева пуск, пришедшийся на понедельник, был произведен 4 октября 1965 г. — точно в день 8-й годовщины запуска знаменитого «ПС». На борту — десятая уже станция, которая должна была впервые мягко опуститься на Луну. Но и эта попытка, естественно, стала неудачной — станция «Луна-7» разбилась при посадке. Печальная традиция понедельничных отказов продолжа-

ется на станции «Мир», у которой в 1997 г. произошло сразу несколько довольно серьезных аварий. Все три аварийных отключения бортового компьютера произошли, конечно же, по понедельникам. С 1965 г. этот день недели считается в советской, а теперь и российской космонавтике чуть ли не официальным «нестартовым» днем. Кстати, сам Генеральный конструктор так никогда и не смог объяснить, почему ему изначально не приглянулся именно понедельник.

Есть на Байконуре и «несчастливые даты». Старт никогда не назначают на 24 октября. В этот день вообще не проводят на стартовых площадках никаких серьезных работ. 24 октября 1960 г. на стартовом столе Байконура произошел взрыв ракеты-носителя МБР Р-16, погибли десятки человек. 24 октября 1963 г. на стартовом столе вспыхнула ракета Р-9 А. Сгорели восемь человек.

Из-за суеверий Валентину Терешкову боялись посылать в космос — все вспоминали старую морскую примету на счёт женщины на корабле. Сложилось так, что космонавты, как правило, набирались из летчиков ВМФ — и часть традиций иначе как «морскими» не назовешь. Интересно то, что после 19 апреля 2008 г., когда спускаемая капсула корабля «Союз ТМА-11» совершила «жесткую» посадку и в 400 км от назначенного места, в ней находился экипаж из 2 женщин и 1 мужчины. Выступая по этому поводу, глава Роскосмоса Анатолий Перминов сказал, в частности: «Конечно, в будущем мы будем работать над тем, чтобы число женщин на борту не превышало число мужчин».

Сегодня ритуал перед отправкой на орбиту начинается еще в подмосковном Звездном Городке. Он состоит из множества обязательных действий, игнорировать которые не позволит себе ни один космонавт. Самым важным ритуалом перед полетом считается возложение красных гвоздик к памятникам Юрию Гагарину и первым погибшим космонавтам.

После этого экипаж космического корабля отправляется в рабочий кабинет Юрия Гагарина, который бережно сохраняется в том виде, в котором оставил его первый космонавт, и вписывают свои слова в книгу посетителей. По слухам, они также при этом мысленно зывают к духу Гагарина, выпрашивая у него позволения отправиться в полет.

Чем ближе день запуска, тем изощренней становятся ритуалы. Ракету «Союз» на стартовый стол выкатывают за 48 часов до полета. Техники, следящие за проездом огромной ракеты на специальном поезде, подкладывают на рельсы монетки — тоже на счастье. Зато самой команде корабля строго запрещается наблюдать за этим процессом —

иначе их ждет неудача. У будущих космонавтов в этот день другой обряд — они обязаны постричься. Это, в свою очередь, напоминает монашеское пострижение: тем самым космонавты отрешаются от всего земного.

И еще одно суеверие, которое безукоснительно принимают все космонавты — за сутки до полета каждый космонавт исповедуется и получает благословение церкви. А после этого они обязательно смотрят фильм «Белое солнце пустыни». Эта традиция связана с трагической гибелью экипажа корабля «Союз-11»: следующего за ним полета все ждали буквально с замиранием сердца, и когда он прошел благополучно, взяли на заметку некоторые из действий, «принесших удачу» экипажу. В частности, выяснилось, что именно «Белое солнце пустыни» космонавты смотрели перед стартом, и это стало традицией.

Космонавты никогда не дают автографов до полета, поскольку есть большой шанс быть снятым с программы вплоть до последнего дня перед запуском. Некоторые принципиально избегают ставить автографы чёрными чернилами. Однако весь экипаж обязательно расписывается на бутылке водки, которую выпивают уже на земле, в казахской степи, после удачного полёта. И еще одна традиция, связанная с алкоголем. За полчаса до старта космонавты-дублиры пьют «за удачу» основного состава вместе с журналистами. Всего два раза дублиры не принимали участия в этой традиции. Случаи были неудачными, и с тех пор из суеверия получасовой обряд соблюдается свято. По легенде, эту традицию основали не космонавты, а журналисты — корреспондент газеты «Ленинская смена» Георгий Лория и глава пресс-центра Байконура Ярослав Нечеса. Присутствуя на запуске к станции «Мир» в марте 1992 г., они порядком промерзли и отправились «согреться» в буфет, куда неожиданно вышли дублиры экипажа «Союз ТМ-14» Анатолий Соловьев и Сергей Авдеев. От предложения выпить они не отказались, а когда все выпили, Лория, глянув на часы, заметил: «До старта еще полчаса».

И наконец, космонавты с лестницы перед посадкой в кабину корабля обязательно должны помахать рукой на прощание, как это в свое время сделал Юрий Гагарин.

Немало суеверий существует и у американских астронавтов. Космическая программа NASA вообще насыщена ритуалами, амулетами, счастливыми числами и другими средствами защиты от плохого будущего — не только от катастрофы, но и от технических и погодных проблем.

Согласно обычаю, который уходит корнями в первую миссию Шаттла 1981 г., экипаж не покидает раздевалки до тех пор, пока командир не проиграет в карточной игре. Они играют в покер до тех пор, пока у командира не окажутся на руках слабые карты.

Некоторые пилоты в трюм нового корабля кладут талисман – к примеру, это может быть кусочек какого-то лунного минерала. Иногда роль талисмана выполняет какой-нибудь пищевой продукт (кофе, сигареты, водка).

Не менее важное место занимает и нумерология – в NASA 13-е число очень не любят, были уже неприятные инциденты. Так, знаменитый лунный «Аполлон-13» отправился к спутнику земли 11 апреля, а 13 апреля на борту корабля произошел взрыв – взорвалась одна из кислородных цистерн. Космические миссии Шаттлов получали номера STS-1, STS-2 и так далее. Затем NASA превратило последовательную систему идентификации в неудобную комбинацию чисел и букв, которая включала даже отчетный год, и таким образом избежало числа 13.

Какими бы странными, непривычными не казались суеверия космонавтов, как бы скептически некоторые не относились к ним, главное, что люди возвращаются на Землю живыми и невредимыми. Кто знает, может и в правду все дело в приметах и суевериях?

Литература

1. Голованов Я. К. Королев. Факты и мифы. М.: Издательство «Наука», 1994.
2. Шаталов В. А. Космические будни. М.: Издательство «Машиностроение». 2008.
3. Всемирная энциклопедия космонавтики: в 2-х томах. М.: Издательство «Военный парад», 2002.

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. В. Иванова

ВРЕМЕНА ГОДА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ – МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ (на материале стихотворений оренбургских поэтов)

*Очень богат русский язык словами, относящи-
мся к временам года и к природным явлениям,
с ними связанными.*

К. Г. Паустовский

Нет, наверное, ни одного автора художественного произведения, который бы не затрагивал в своем творчестве тему природы – ту или иную ее сторону.

В стихах поэтов Оренбуржья названная тема также представлена.

Цель статьи: показать, как меняется описание южноуральской природы в зависимости от времени года и, конкретнее, – в зависимости от месяца.

Год начинается с **ЯНВАРЯ**, и сразу можно прочесть: ... в ночь на первое января / Непокорная бездорожица / Множится, множится, множится... (М. Бороздин).

Происходит такое потому, что очень уж холодный, буранный этот месяц: На дворе неистовый январь / Разморозил всё и разметелил (В. Трефилов); За окном бесилась вьюга, / Разгулявшийся январь / Свет выталкивал из круга, / Что очерчивал фонарь (О. Максимова); Свирепствуй, 13-й (!) месяц январь! / Врывайся мне в душу, метелица злая! (В. Бакулин); ... вновь смиряясь на недели, / Не уставал я ждать

и ждать, / Когда в январские метели / Сойдет на сердце благодать (А. Тепляшин).

Не забывают поэты и о крепком морозе: Январь навис и сжал. / И сжег морозом. / И загулял метелью по полям (А. Цирлинсон); Сгинут в январской стуже / Завянувшие цветы (А. Тепляшин); ... воробышек, грустный, голодный, / Скачет к дому еле живой... / Ах ты, птаха январского неба, / Переможешь ли стужу-беду? (И. Малов); Январь, январик, мальчуган... / Озоровать горазд. Смеется, / Что щиплет за нос — просто жуть, ... / Что бьют в ладони мужики, / Приветствуя его проделки, / Что в белых шубах, у реки / Стога сошлись на посиделки (П. Рыков).

Но люди Оренбуржья привыкли к холодам, а потому — Посею радость, / Как встарь, / Хоть и морозно, / Хоть и январь — (Л. Чернова); Мне пора бы исповедаться, / А не мудрствовать досуже, / Вечерком к тебе наведаться / Посреди январской стужи (Ю. Селиверстов).

Еще одну примету января активно отмечают поэты — снег: ... смогли осветить / январь молодые сугробы (В. Кузнецов); Без плотин не бывает реки, / Как зиме — без январских снегов (Ю. Селиверстов); Снег января / Светится так ясно! (В. Левановский).

Закончить характеристику января хочется строчками С. Пометовой: Природа вся как будто леденеет / Перед суровым, снежным январем... / Вы не сердитесь на январь ненастный, / На самый главный месяц холодов: / Чтоб было все по-зимнему прекрасно / Он много приложил трудов!

О январских приметах также есть строки в произведениях Р. Клюевой, П. Ключникова, С. Котельникова, Г. Красникова, В. Макурова, А. Нихаева, В. Одноралова, Н. Поповой, Н. Федяева, В. Флейшера, А. Фурсова, Г. Хомутова, А. Юдиной.

Второй месяц года — **ФЕВРАЛЬ**. Он еще зимний, а потому еще есть морозы: ... бывает часто в феврале, / Что ртуть в термометре — все ниже, ниже, ниже (Т. Белозерова); Опять февраль температурит, / Во рту смерзаются слова (Н. Резник); Февраль моих губ касается / Колочим своим крылом (Е. Пудовкина),

Но главный признак оренбургского февраля — метели: Февраль. Ишлейф метельный / Поднялся снизу вверх. / День нынче канительный, / Кругом лохматый снег (Л. Чернова); В окно снаружи / Глядел февраль / В метельной стуже / Померкла даль (А. Фурсов); Февральская метель рисует на окне / Затейливый лубок диковинного леса (А. Цирлинсон); Февраль шумит ветрами снежных вьюг (Е. Курдаков).

И несмотря ни на что – В душе – весенние росточки, / Им выюга холодом грозит... / Не рано ль пробудились почки? / Метель метет, все февралит (В. Филатов); В феврале прозревается май, / Будто выюги уже отшумели (А. Иванов-Огарыш); Мой февраль / По-весеннему светел, / Хоть по-зимнему жгуч и румян (Л. Чернова); Уже недолго до весны... / Февраль слабинку дал – / И полыхает у реки / Бордовый краснотал (Н. Акисова); Февраль весенние рассветы / За далью яблонь увидал... (В. Мальгин).

Но вот – ... закончился февраль / Упругой жгучей выюгой, / И стал простор далек, / И звезды так ясны, / И солнечные блики на стекле, / И кроткое кружение метели – / Все говорит о солнце и тепле / На следующей, мартовской неделе (А. Цирлинсон).

О феврале написали также В. Бакулин, С. Бархатова, П. Данилов, П. Рыков, С. Салдаев, Ю. Селиверстов, А. Тепляшин.

Итак, вот-вот придет **МАРТ**: ... скоро зазвонит капель, / Освобождая путь весне, / Наступит март... (Е. Дронова); На всех живых одну, / Вначале еле зримую, / Всегда неповторимую, / Нам дарит март весну (П. Ключников).

Однако на Южном Урале этот месяц не сразу растает с морозом, со снегом, поэтому – ...Март еще возьмет свое: / Покроет ветки льдом, / И будет за полночь шуметь / Поземкою потом (Н. Акисова); Ледяная весна, ледяная... / Март задумался что-то и сник. / По дорогам поземку вздымая, / Стелет северный низовик (Е. Курдаков); есть даже такое признание: Мне нравится, что в марте / Стеной идут снега! (О. Смирнова). Однако весна все же приближается: Пусть мартовских небес сквозная муть / Еще не раз обманет снегопадом, / За долгий сон земле весна – награда, / Ведь жажду света ветром не задуть! (Н. Попова); Последний снег – уже почти не снег, / А в белой книге предсказанье марта, / Метели неразыгранная карта, / Прощальный взгляд из-под прикрытых век (Е. Дронова).

Авторы отмечают ряд весенних признаков: ... по оврагам ручьями / Март колокольцем звенит (П. Рыков); Уже ручьи спешат по марту (А. Цирлинсон); От теплого солнца немея, / Зажмурился ласковый март (Р. Левит); Стремителен почерк мартовских почек / И облаков пролетающих клочья (О. Черемухина); Март пришел – / И снег прошел последний, / И первый дождь своей минуты ждет (А. Карнаухов).

Дни бегут и – Март мелькнет, как поезд, / Составом дней из солнечных ветров, / Из тонких перезвонов и журчаний, / Где луч сосульку ест в один присест (В. Арефьев).

Закончить характеристику марта можно всеобъемлющим стихотворением М. Курулюка: Еще весна в своем начале, / Без указателей и карт / В желанный рейс едва отчалил / Ее посланец – месяц март. / Еще утрами неустанно / По кленам шествует мороз, / Но – вот уже звучит сопрано / Ручья, бегущего в откос! / Уже под теплым грузом солнца / Осели серые снега, / И где-то заводи-оконца / Водой омыли берега, / И, отзовясь инстинктом древним, / Под нисходящие лучи, / Как шапки, гнезда на деревьях / Уже развесили грачи. / Березы высветили плечи, / Страхнули хмурую зиму с лица, / И ждет хозяина скворечник – / Звонкоголосого скворца. / Заголубело небо светом, / Запахло зеленью сосны, / И это – верная примета / В пути мужающей весны!

См. также стихи В. Бакулина, М. Жук, И. Лыскова, В. Мальгина, В. Одноралова, Ю. Орябинского, В. Селивановской, А. Трубенка, М. Цыплакова.

Пришел **АПРЕЛЬ**, и о нем поэты пишут много и с любовью: Итак, свершилось – / На дворе – апрель! / С чем вас и поздравляю, горожане! (А. Цирлинсон); В лесу опять запахло прелью, / Заулыбался солнца лик – / И враз повеяло апрелем (Ю. Орябинский).

Поэты шлют месяцу призывы: Справляй, апрель, свое рождение, / Круши, сжигай снега и льды! (Н. Карташов); Апрель – снеговержец, / Лета двери отверзи! (А. Иванов-Огарыш).

Поэты создают тексты, в которых многосторонне изображают месяц: Растворившись в сизой дымке, / Будоража тишину, / Жаворонок-невидимка / Славит раннюю весну, / Славит небосвод бездонный, / Славит солнечный апрель, / А по парковым газонам / Пляшет звучная капель! (Е. Вовк); Спешит проклюнуться тюльпан, / Спешит ручей с рекою слиться, / А у березы белый стан / В листву не чаёт нарядиться, / Спешит сорока возвестить / О Дне Рождения апреля, / Спешит сосед заговорить / Не прозой, а стихотвореньем (Л. Чернова); Весь день, весь апрель, всю весну напролет / Скворец над окном свою песню поет / О солнце, о ветре, о вешней земле, / О голых деревьях и первом тепле (Е. Курдаков); Я не умею рисовать апрель – / Весь этот гвалт и звон – он в звуках, а не в цвете... / Как выглядит весенняя капель? / Иль почек стон, продрогших на рассвете? / Ну как изобразить мечту? / Предчувствие любви? / Изменчивость желаний? (Т. Асабина); Оренбургский художник, чудака с бородой, / Утверждал, что нашел в оренбургском апреле / Что-то тайное от голубой акварели, / Отчего потерял свой душевный покой... (Т. Белозерова).

Об одной особенности именно южноуральского апреля пишут несколько авторов: Апрель черен в поле, / В лесу еще бел, / Лето уже в притворе, / А зимы – предел... / Но... апрельское тепло / Ненадежчиво (А. Иванов-Огарыш); Хотя апрель и по приметам / Уже весна, сто тысяч раз весна – / Снег падает. Совсем по-человечьи / Сад загостился во владеньях сна, / Снег падает, и нет ему препоны: / Он кружится, ложится, ворожит... / (П. Рыков); На улицах мороз, а не капель, / Не травка, а лишь снега пелена – / И это называется – апрель? / И это называется – весна? / И кажется, что съезжились дома: / Пугает их неожиданная метель... / И это называется – зима, / Хотя и называется – апрель (Н. Федяев); Апрельский день с капризами, / Погода надоедлива: / С утра дожди побрызгали, / А к вечеру – разведрило (М. Трутнев); см. также об апреле в стихах В. Агаева, Н. Акисовой, Т. Антоненко, Г. Голвановой, В. Демурина, В. Жилина, И. Игнатковой, А. Кирилловой, В. Кузнецова, С. Ольшанского, Т. Орловой, В. Петрова, Ж. Румянцева, В. Филатова, А. Юдиной.

Наступил **МАЙ**. Отшумит апрель, отполоводит (Ю. Селиверстов), а между тем – не за горами – май (А. Цирлинсон). И опять можно прочитать не одну хвалебную песнь в честь зеленого, солнечного, яркого месяца: Легко пришел влюбленный май, / И город наш совсем переиначил, / И резво так свою работу начал / Под весело-крикливый гомон стай, / Он подарил сирени нежный цвет / И белый не жалел для яблонь, вишен, / Он был художник, музыкант, поэт, / Он барабанил весело по крыше... (А. Кириллова); Май! Сойти с ума и маяться! / Май! Все только начинается! / Май! Дыханье лета чудится! / Май... А вдруг все это сбудется?! / Май! / В нем целый год вмещается... / Май! Как в нем легко мечтается! (Т. Асабина); Слепящий май, не обмани, пролей / Своих берез хмелеющий напиток, / Коснись листвою всех своих детей, / Перенеси в них солнечный избыток! (В. Кузнецов).

В стихах отмечаются многие признаки характеризуемого месяца: Был май разбужен половодьем, / И, звезды расплескав, Яик, / Весне и воле дав поводья, / К крутому берегу приник (Т. Азовская); Майских гроз пора миновала, / Иногда лишь вдали громыхнет (В. Наточий); Иволга тихо окликнула лето, / Май встрепенулся, дождями шурша (Е. Курдаков); Ливни, с мая не зная управы, / Исхлестали деревню в упор (В. Петров); Заискрятся травы майские / После теплого дождя, / Заиграет чудо-красками / Оренбургская земля (Л. Чернова); Как в майский полдень небо чисто, / Как безмятежно все цветет (А. Юдина); Был май. Цвели цветы такие, / Что ветер стал совсем хмельной (Н. Гаврилин);

За городом на склонах балки / Лесные появляются фиалки: / Это подарок робко к маю / Природа шлет родному краю (В. Жилин); Смеется солнце майское / Как будто бы не зря: / Рассыпало по улицам / Кусочки янтаря (В. Дронова); ... в мае опять зазвенели соловушек трели / И мальвы оделись опять в малахитовый лист (П. Правдин); ... майская пора – жужжанье пчел в душистом цвете / И птиц веселая игра (В. Образцов); см. также строчки о природе в мае в стихах В. Абаимовой, В. Агаева, В. Бакулина, Т. Басковой, С. Бурдыгина, И. Весенней, Л. Долгих, И. Елина, П. Ключникова, В. Курушкина, В. Логвинова, Н. Лукьяновой, Л. Ляховой, И. Малова, А. Мелешко, В. Петрова, В. Рузавиной, П. Рыкова, В. Рябова, А. Тепляшина, В. Филатова, А. Фурсова, П. Ханина, Г. Хомутова, Л. Черновой, П. Юлаева.

Подошел **ИЮНЬ** – и поэты его также охотно воспевают: Что такое вокруг происходит? / А вокруг происходит июнь! / А вокруг происходит такое, / Что от зноя по коже мороз... / О июнь – волшебство голубое / Быстротечных ликующих гроз! (Е. Курдаков); Июнь – мужик что надо: / С ума сведет, / Ромашкой приласкает, / Крапивой обожжет, / Дурман-травой опойт, / В полон возьмет... (Р. Клюева); А для меня июнь – всегда волшебник: / В нем столько поворотов и изгибов, / В нем все не так! ... / В нем странно-неожиданные встречи, / Сладки и необузданны желанья, / Там буйство трав, там обгорели плечи, / Там липы цвет, шиповник, тайное свиданье... (Т. Асабина).

Вот какие еще признаки месяца заметили поэты: Июнь изумрудный, рассветом напуган, / Хмелея, на сочные травы прилег (Т. Баскова); Сирень обрушилась на город, / Лишь прозвучал июньский зов (Т. Белозерова); Птичий дядька – июнь / Над землю листвою распластан (Е. Курдаков); Дождь в июне с радугой и лужами / Барабанит в шиферные крыши (В. Жилин); Долгожданный для природы / Дождь июньский, да с грозой, / Был восславлен, словно одой, / Бурной радостью людской (И. Малов); Мне снятся летние покосы, / Июньские прохладные утра, / Ромашковый венок, глаза твои, и косы, / И крики перепелок «Спать пора!» (В. Филатов).

Об июньской природе см. также строки в стихах В. Бакулина, А. Блохи, Д. Даминова, М. Кильдяшова, Н. Кожевниковой, В. Макурова, В. Нестерова, Р. Пудовкина, П. Рыкова, А. Тепляшина, А. Филатова.

Вот и подошел **ИЮЛЬ** – макушка лета, и многие поэты отмечают главную приметку месяца – жару: Весь июль огнем палит, / Будто небо бьет из пушек! / Лес как варевом облит, / Аж зарделся у макушек... / Весь июль бушует торг: / Что сгорит, а что – спечется. / Остается только

морг / Для того, кто остается (Ю. Селиверстов); Зноем день июльский пышет, / Птиц звенит немолчный хор (В. Филатов); Без дождя в знойный день в тишине / Часто никнет округа в июле (И. Малов); ... желтый долгией вечер / Жарой июльскою кипит (Д. Таганов).

Еще поэты отмечают, что в Оренбуржье в этот месяц активен ветер и могут быть грозы: Еще не светало, и росы, / Как иней, на зелени трав, / Но тянут с уральских покосов / Июля сухие ветра (Ю. Орябинский); Июльский ветерок над полем спелой ржи... / Его не ощутить. И лишь колосья гнутся / Под ветерком, спешащим до межи, / Где небо в рож мечтает окунуться (П. Рыков); В июле грозы то и дело, / С утра над бором бродит тень... / Который раз за этот день / Вдруг на веранде потемнело... / В любой грозе достанет света / Дороге долгой и степной. / Смотри: июльская истома / Проходит облаком над ней, / И поле ожидает грома, / И травы пахнут все сильнее (В. Кузнецов).

Интересно отметить, что у нескольких поэтов июль тесно связан с типично оренбургским полевым цветком: Но однажды в июльском зное / Мир покажется чуть добрей: / Разольется синее море / Звезд цикория на заре (В. Бакулин); Говорил цикорий повилিকে: / ... «На заре / В пылающем июле, / Помнишь, как друг к другу / Мы прильнули?» (В. Кузнецов); У подруги под окном / Расплескалось море: / Здесь расцвел июльским днем / Голубой цикорий (Т. Белозерова).

Об июльской природе есть также строчки в стихотворениях Ю. Безуса, М. Бороздина, Е. Вовка, Д. Даминова, Л. Долгих, М. Жук, С. Котельникова, И. Малова, Т. Мамедовой, А. Цирлинсона.

Но вот «Без пирамид и колесниц / Отцарствовал июль» (Е. Тарасенко) – и наступил **АВГУСТ**. Почти все строки об этом месяце грустные – в той или иной степени: Уходит август / Теплый воздух чист... / Еще не осень, но уже не лето... (А. Карнаухова); И листьев престарелый хлорофилл, / И воздух, по традиции, горячий, / И августа почти угасший пыл, / И горизонт, томительно незрячий, / И солнцем обожженная трава, / И выпуклого ветра шевеленье / Дают понять, что это – повеленье / Природы, а она всегда права (А. Трубенюк); Под звуки августовской ночи / И сердцу, и уму видней, / Как дни становятся короче, / А ночи темные – длинней (А. Аверьянов); Рябиновый август в лесах догорает, / В тревоге зеленое алым дробя (Е. Курдаков); ... образ августа понятен, / И, как ни суетись, увя, / Еще тепло, но столько пятен / Опавшей, выжженной листвы (В. Демурин); Уходит август. Теплый воздух чист. / Еще не осень, но уже не лето, / И желтый лист пока один на ветке, / Но все-таки на ветке желтый лист (А. Карнаухов); Отцвели маргаритки и розы, / ... август звездные ливни

принес (А. Фурсов); За рекой маячит август... / Подойди к окну: там дождик, / Только дождик моросит (О. Рукавицын); Август ветром сырым по груди потечет – / И под сердцем заноеет, заноеет... (В. Рябов).

А под конец – такие строчки: Кусочек лета нам август бросит / И вот уходит в дней водоем... (В. Мальгин).

Еще есть тексты о природе в августовские дни у Е. Вовка, А. Иванова-Огарыша, А. Кирилловой, А. Крюковой, В. Октябрьской, Н. Пашкова, Р. Пудовкина, П. Рыкова, М. Трутнева, Г. Хомутова, Л. Черновой, В. Шабрина.

Пришел **СЕНТЯБРЬ**: Августовский день не повторится, / Летний лист слетел с календаря. / Ночью мне в окошко постучится / Алой кистью ветка сентября (В. Изтляев); Приходит осень, приходит осень, / И пахнет солнцем и сентябрем (В. Мальгин); Сентябрь листьяют дворники – / И пестрые страницы / Порхают в тихом дворике, / Как над пшеном – синицы (Ю. Селиверстов).

Описываемый месяц значительно различается по характеру в своем начале и в своем конце, и это, конечно, отмечают и поэты. Так, о первых днях месяца написаны такие строки: Уже сентябрь. Но в солнечных лучах / Еще есть сила утомлять и трогать (Т. Азовская); Лето тихо скользит. Оно / Еще в теплом сентябрьском царстве (Т. Белозерова); Прозрачный дух ушедших летних дней / Еще живет за городом, в траве, / Во влажных кронах важных тополей, / В сентябрьской взбалмошной, чуть желтой голове (О. Смирнова); Сентябрьские денечки – сплошное волшебство! / Хоть стали дни короче, / Но золото в окно / Протягивает с ветви / Степной мой тополек, / Навеивает ветер / Улыбчивый стишок (Л. Чернова); Как много красок в сентябре / Переливается в окне – / Цветной узор, как на ковре, / В лучах – из листьев на траве (М. Некрылова).

Месяц идет к завершению – и уже другое настроение видно в стихах: Опростала осень кринки. / Лес осыпался. И вот / Вдоль ограды сентябринки доплетают хоровод... (О. Волошина); Осенний дождь который день старается / Признать права сырого сентября (В. Изтляев); Плачет, плачет, плачет небо, / Беспрестанно слезы льет... / Утонуло поле, вязко, заболоченно паря... / Урожай обильный ряска / Ждет к исходу сентября... (В. Ерофеева).

О сентябрьской природе есть строчки также в произведениях В. Бакулина, С. Бычкова, Е. Веретенцевой, О. Волошиной, И. Елина, А. Ильиной, А. Кирилловой, А. Костенко, Е. Курдакова, П. Рыкова, Ю. Селиверстова, Е. Сотниковой.

За сентябрем идет **ОКТЯБРЬ**: Величаво въехал месяц новый, / Поздравляя пожилых людей (Л. Долгих); Подкралась осень. Лето пролетело / Закрыло небо тягостная хмарь. / Как скоро-скоро листья пожелтели... / Стучит нетерпеливо к нам октябрь (В. Филатов); У каждой осени особый, / Свой, неподвластный нам разбег: / Ее расцвет – октябрь – багровый, / Весенне-влажный, стоветровый! (В. Нестеров).

У октября много выразительных признаков, все они отмечены поэтами: Октябрьский вечер. / А воздух прозрачный и теплый (А. Хальзунов); Октябрь. Ветрено немножко. / Танцует листик золотой / Неслышный танец за окошком (П. Юлаев); ... октябрь, взмахнувши руками, / Желтых листьев последнее пламя / Нам под ноги бросал и бросал (П. Рыков); Листья порциями сбрасывает клен, / Оголятся натруженные ветки – / Перед солнечным и теплым октябрем / Разлетаются, как выросшие детки (Г. Шиндяев); Томительно-нежный октябрь. / Дубовая роща в огне. / Крылом запоздалый журавль / Махнул на прощание мне (Н. Герстле); Она (рябина – Л. И.) в садах, она в чашобах гиблых / Пылает главным знаком октября (В. Одноралов); Деревья, канделябры октября, / Погаснут, но еще не с первым снегом: / Ярило с златоглавым оберегом / Вновь вспыхнет, с холодами примиря (Ж. Румянцев).

А в конце октября – другие у него признаки: Октябрь, печальный правнук лета, / Шумит на дождевом ветру... / Горит, трепещет и пылает, / Огнем своим глаза слепя, / В веселом пламени сгорает – / Ему ничуть не жаль себя... (Д. Даминов); Октябрь – и горячая печка, / И первый мороза ожог (А. Иванов-Огарыш); Сегодня – 14 октября. / Старики говорят: / – Покров. / И белые мухи из серебра / Летят на красных коров (С. Хомутов); Выпал снег... / Здравствуй, здравствуй, родной! / Мы пускаемся в новый забег, / Новый путь начинаем, / Снежинки губами лоя, / И бежим, напрягая все силы, / К концу октября... (Е. Веретенцева).

Об октябре есть также строки в стихах Т. Белозерцевой, И. Весенней, В. Демурина, А. Железного, В. Курушкина, Ю. Селиверстова, Е. Тимофеевой, Е. Тарасенко, В. Флейшера, Л. Черновой.

Предпоследний месяц года – **НОЯБРЬ**, а это уже не осень, но еще и не зима, в связи с чем его характеристика в поэтических строчках не мажорная: В промокшем, неприятном ноябре / Я не найду себе угла милее, / Чем эти постаревшие аллеи, / Где осень все не может догореть (В. Одноралов); Я не знаю, сколько будет длиться / Сон ненастной ночи ноября – / Осени последняя страница, / Первый лист зимы календаря (В. Агаев); Ноябрь был хмур, безжалостен и точен... / Ноябрь был зол, особенно на осень, / Что предала – зима ее возьми! (Ю. Селиверстов).

С каждым днем природа замирает, поэтому мы читаем такие строки: Ноябрь – сон травы, деревьев и созвездий. / Под вечер заснежит, завет, запоет, / Как полотна наткет / И по кустам развесит, / А по краинам наставит лед (П. Рыков); Хочется солнца в холодном доме, / Но в ноябре все ветра облакасты. / Не по душе это... (В. Одноралов); Ноябрь за октябрем спешил по следу. / Не снегом вовсе, а подобьем снега / С небес летела стывшая вода (С. Хомутов). Вот уже и звездно... / Значит, поздно, значит, слишком поздно бегать от ноябрьского солнца... (Ю. Селиверстов). См. также стихи А. Ганюшкиной, Л. Горской, И. Елина, А. Журбенко, А. Крюковой, А. Цирлинсона, Л. Эсауловой.

Последний месяц года – **ДЕКАБРЬ**; ему поэты также посвящают свои произведения: Через минуту – декабрь, / Но не волнует утрата осени... (А. Цирлинсон); Осень пройдет – не заметишь, / Сразу станет и тихо, и пусто вокруг – / Солнце встанет, как будто из дыма... / Подступает декабрь... (А. Тепляшин).

В стихах отмечены все основные приметы месяца: Перевернул листок календаря – / И наступил день первый декабря – / И первый снег, как будто по заказу, / Вдруг заструился робко и не сразу (А. Цирлинсон); Набросал декабрь иней / На деревья и кусты (В. Макуров); От памяти нам никуда не деться: / Декабрьский снег – все в белом деревца (П. Рыков); Белые волчицы декабря, / Дикие простуженные звери, / Кто вас выгнал из лесов родных, / И в степи глухой кружить заставил? ... / К утру волчицы декабря, / Белые, простуженные звери, / С головы до ног осеребрят / На засовы запертые двери... (Д. Даминов); Декабрь в Европе выдался худой: / В дожде – дороги, улицы, пивные, / Но... не спеша, по Южному Уралу / Идет мороз, суровый чародей! / Полна озноба русская земля. / В предновогоднем испытанье жестком / Трещат деревья, улицы, дома (В. Шадрин); Воскресный вечер декабря. / Мороз... (В. Бакулин); Декабрь поставил на свои места / Мороз, и снег, и эти блестящие света (А. Цирлинсон); Декабрь наблюдал, не меняясь в лице, / Как я задыхалась во вьюжном кольце (О. Мялова); ... ветер рыщет в голом лозьяке, / Да вихрит снег и полирует лед, / Что выкован декабрьскими ночами... (П. Рыков); Декабрьский день погаснет рано, / Ресницы – сумрак опустив (В. Жилин).

Месяц заканчивается, и в стихах по этому поводу написано следующее: Ах ты, декабрь, мой родной декабрек! / Хоть ты студеный, нисколько не злюсь: / Знаю, с тобой уже скоро прощусь (Н. Бриш); Вот-вот уж и январь... / Прилежно, днем за днем, / Все тоньше календарь, / Листков все меньше в нем (А. Фурсов); Зимняя ночь пролетает,

/ Звезды декабрь теряет, / Лунный спешит календарь — / Трон занимает январь (Л. Долгих).

О декабре см. также в стихах Е. Балахоновой, Е. Вовка, Н. Кожевниковой, Е. Курдакова, В. Одноралова, Ю. Орябинского, Ю. Селиверстова.

Таковы южноуральские картины времен года, описанные месяц за месяцем поэтами Оренбуржья.

Н. М. Дмитриева, Е. М. Линтовская

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БРАННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОЙ РЕЧИ

Окружающие нас слова формируют картину мира и систему духовно-нравственных ценностей. Этический аспект в изучении языка не ограничивается исследованием области этикета — правил должного, общепринятого речевого поведения. Этический аспект гораздо шире и касается, в первую очередь, отражения духовно-нравственных ценностей в языке, а именно в лексической системе.

Посредством языка происходит осмысление информации об окружающем мире, ее упорядочение. Основой представлений о мире практически в любой культуре является строгое деление его на антиномичные понятия: верх — низ, добро — зло, Бог — Дьявол, свет — тьма, небо — подземелье, хорошо — плохо и т. д. Таким же образом распределяется лексический запас. Подобно Мировому Древу, где крона — это небо, добро, Бог; ствол — человек и животные, его окружающие; корни олицетворяют подземное царство, населенное гадами и управляемое Злом, можно представить «языковое древо», где крону будут составлять слова с высокой этической нагрузкой (сострадание, мужество, мудрость и др.), ствол — этически нейтральные (стол, потолок, стена, глаз и т. д.), а к подземной части будет относиться лексика антиэтическая, бранная. К последней, помимо табуированных, нецензурных слов, мы относим любую оскорбительную лексику, имеющую грубую эмоционально-экспрессивную окраску, яркую негативную оценку, кроме того, в понятие бранной могут включаться эвфемизмы, заменяющие ругательство, а также начальные буквы бранных слов. Отметим, что большинство слов, которые теперь воспринимаются как грубые, бранные, оскорби-

тельные, изначально не были таковыми. Так, например, активно используемое в современной речи слово, обозначающее женщин легкого поведения, еще в XVIII в. входило в литературный язык со значением «заблудившийся человек, потерявший нравственную дорогу, еретик». Легко прослеживается перенос значения на «нравственно заблудившихся» женщин, поведение которых во все века было резко осуждаемо в обществе. Отсюда негативная оценка, которая впоследствии закрепляется в бранной речи, когда основная интенция собеседников – оскорбить. Найти «безобидные» аналоги в литературной речи, просторечии или диалектах можно практически к любому бранному слову. Таким образом, первоначальная функция бранных слов – прямое обозначение нежелательных, осуждаемых, негативных явлений. Причем, в этом случае слово, как правило, еще не обладает той долей отрицательно-оскорбительной экспрессии, которую оно приобретает в дальнейшем, при использовании его с целью оскорбить и унижить собеседника.

Употребление бранной лексики в литературе и в повседневной жизни, на наш взгляд, является проблемой чистоты языка. Согласно Л. И. Скворцову, «культура речи может быть осмыслена в экологическом аспекте как часть нашей здоровой окружающей «языковой среды», нашего речевого существования, освобожденного и от грубых ошибок, и от досадных неточностей, и от всего, что засоряет, огрубляет, стилистически снижает или «усредняет», нивелирует нашу речь, мешает нашему общению, затрудняет или опошляет его, снижает нашу общую духовность». Так считает и В. К. Журавлев: «Экология языка и речи теснейшим образом связана с экологией духовной культуры, экологией культурно-исторических традиций».

Бранная лексика существует в языке веками, что дает основание некоторым исследователям говорить о правомочности ее выделения как особого компонента национального языка. Однако с момента ее появления оформился и запрет на ее употребление, связанный и с мифологическими представлениями, когда нельзя было произносить бранные слова дома, в поле, на реке, так как воспринимались они как живые существа, значение которых для человека было слишком велико (ср. поэтические постоянные метафоры, характерные для устного народного творчества: *полюшко, красно солнышко, реченька журчит, буйный ветер* и т. д.), и, позднее, конечно, с религиозными представлениями о Боге-Слове. Поэтому использование бранных слов, как в живой речи, так и в языке художественных произведений должно быть стилистически и этически оправдано.

На современном этапе данная лексическая группа достаточно хорошо изучена в аспекте семантики и функционирования, а также тематическом (Жельвис, Мокиенко, Флегон, Арбатский и др.). Существуют различные классификации бранной лексики согласно указанным подходам. Так, принято выделять следующие лексикотематические группы: 1) наименования лиц с подчеркнuto отрицательными характеристиками (*негодяй, гадина, жадная тварь, вор с медной мордой, человечья очистки, идиот*) (здесь и далее примеры из романа М. Булгакова «Собачье сердце»); 2) эвфемизмы, заменяющие бранные номинации (*клозет, уборная*); 3) грубые наименования частей тела (*рожа, морда*); 4) наименование физиологических функций («...начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза...»); 5) слова, обозначающие действия, имеющие яркую экспрессивную окраску (*жрать, подохнуть, пришибет, заорет, попер, свистнула, извратили, завоняла, отлезь, шляться, раскокал, «дуракаваляние», слопал, «чего лаешься?»*); 6) грубо-просторечная лексика (*чудак, разруха, крышка, сортиры, деляга, раскоряка, живодеры, бездельники, тухлятина, подворотня, мерзость, пакость, уголовица, оборванцы*); 7) отрицательно окрашенные эпитеты (*гнусная, вонючая, дрянной, подлая, сволочной, гнуснейший, паршивый, похабная, наглая, пакостное, мерзкие, дрянные, дурацкие, гнилое, идиотский*); 8) передача оппонента во власть злых сил («*черт бы взял их; ну вас к черту; к чертям*»); 9) начальные буквы бранных слов («*С... эти французы, между нами говоря*»); 10) многоточия, заменяющие бранные слова («*Доктор Борменталь, умоляю вас, мгновенно эту штучку, и если вы скажете, что это... Я вам кровный враг на всю жизнь*»).

В связи с активным изучением в лингвистике понятий «языковая картина мира», «языковое сознание», «языковая личность» назрела необходимость нового, этически обоснованного подхода к изучению бранной лексики. Следуя идеям Э. Сепира и Уорфа, отметим взаимообусловленность мировоззрения и языка, прежде всего лексического запаса. Понимание лексики с высокой этической нагрузкой и сохранение запрета на употребление бранной формирует мировоззренческие позиции, систему ценностных координат.

Однако сегодня не только исследователи, общественные деятели, но и обыкновенные носители языка отмечают вульгаризацию речевого общения и в средствах массовой информации, и в художественной литературе, и тем более в жизни. В обычной жизни при выборе слова в той или иной ситуации каждый сообразуется со своим языковым вкусом, который, в свою очередь, формируется под влиянием СМИ,

особенно телевидения, и литературы. И здесь ради сохранения чистоты языковой среды надо помнить, что отмена политической цензуры отнюдь не означает утраты цензуры этической.

Особенно разрушительно влияет на мировоззрение включение слов с антиэтической нагрузкой в художественные тексты, так как негативное действие их усиливается эстетическим восприятием. Стало модным в оправдание собственной языковой глухоты приводить примеры использования бранных слов великими русскими поэтами и писателями. Действительно, сниженную лексику можно встретить и у Пушкина, и у Толстого, и у Достоевского и др., однако каждое такое употребление имеет свою стилистическую задачу.

Так, например, широкая экспансия сниженной лексики наблюдается в романе «Собачье сердце», посвященном сатирическому описанию недостатков постреволюционной действительности. М. А. Булгаков нередко использует бранную лексику при создании реплик героев, показывая тем самым их духовно-нравственное несовершенство (Шариков) или эмоциональную несдержанность при возмущении этим несовершенством (профессор Преображенский, доктор Борменталь).

Герои романа М. А. Булгакова используют бранную лексику чаще всего для выражения негативных эмоций («*Вот черт...*»; «*Черт знает, что такое*»; «*Черт!*»), для передачи отрицательного отношения к оппоненту с целью унижить его (*подлец, мерзавцы, «До чего паршивый!*»), посылков к какому-либо мифологическому персонажу, олицетворяющему зло (*к чертям, ну вас к черту; черти б его съели, черт бы взял их, черт ее возьми*).

Нередки в речи персонажей и так называемые «чертыхания» (30 раз). В большинстве случаев слово «черт» и однокоренные с ним слова употреблены Борменталем и профессором Преображенским вместо обиденных слов для передачи усиленной эмоциональной настроенности героев.

Встречаются в репликах Борменталья, Преображенского и Шарикова и зоосемантические метафоры, содержащие негативные оценки адресата, выражающие грубую экспрессию неодобрения, пренебрежения. Многие из таких метафор относятся к бранной лексике, оставаясь в рамках литературного языка (*осел, сукины сыны, сукины дети*).

Чаще всех к оскорблениям прибегает Полиграф Шариков (*гнида, дрянь*). Он выражает свое отношение к предмету через лексику, содержащую негативную коннотацию (*гадость, рвань, отрав*), тогда как профессор Преображенский и доктор Борменталь как представите-

ли иного класса и иного мировоззрения путем использования бранной лексики выражают высшую степень возмущения, причем делают это уже в том случае, когда терпеливые объяснения с помощью менее эмоциональной и грубой лексики не имеют успеха (*– Вы, – продолжал Филипп Филиппович, – просто нахал. Как вы смеете это говорить? Вы всё это учинили и ещё позволяете... Да нет! Это чёрт знает что такое!*).

Следует также заметить, что чаще всех употребляет грубые выражения Шариков, отличающийся отсутствием представлений о нравственности в силу своего «происхождения». И доктор Борменталь, и Филипп Филиппович прибегают к бранным выражениям гораздо реже.

Для читателя очевидно, что Преображенский и Борменталь являются представителями высокой культуры, а Шариков олицетворяет отсутствие культурных навыков и каких-либо нравственных установок, и употребляемая им лексика – его «речевой паспорт».

Таким образом, бранная лексика существует в языке на особом положении. Безусловна ее антиэтическая нагрузка и разрушительное влияние на мировоззрение, особенно при создании художественно-эстетических образов. Для сохранения экологического речевого баланса, чистоты языкового окружения необходимо взвешенное, стилистически оправданное употребление бранной лексики и в обыденной речи, и в особенности, в художественной литературе и СМИ.

Примечания

1. Булгаков М. А. Собачье сердце. Повести, рассказы / сост. Ш. Умеров. Казань: Татарское кн. изд-во, 1988. 318 с.
2. Дмитриева Н. М. Особенности употребления бранной лексики в произведении Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Сб. статей Всероссийской научной конференции «Нужно любить Россию...», посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Оренбург, 2009.
3. Журавлев В. К. Русский язык и русский характер. М., 2002.
4. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
5. Кожевникова Н. А. Язык советского общества в изображении М. А. Булгакова // Лики языка: сборник статей к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998.
6. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное, М., 1994.
7. Скворцов Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М.: Просвещение, 1996. 210 с.
8. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 250 с.

БРАННАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Ненормативная лексика давно уже проникла в искусство и стала повсеместным явлением. Средства массовой информации все больше и больше изобилуют экспрессивными единицами, включая и брань. В кино, в современной музыке, в художественной литературе часто можно встретить примеры бранной лексики. При этом воспринимается она многими творческими людьми не как эпатаж, а как вполне допустимый прием. Встречается бранная лексика, хотя довольно редко, и в произведениях русской литературы XIX – начала XX в. В данной статье мы попытались проанализировать функции бранной лексики в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Существует несколько терминов для обозначения бранной лексики: инвектива, нецензурная лексика, обценная лексика, inferнальная лексика, мат. С нашей точки зрения, бранная лексика – это особый пласт лексики, включающий любую уничижающую, оскорбительную, грубую эмоционально-экспрессивную окраску. Категорически не допустимые, особо грубые слова и выражения (так называемые матизмы) мы в данной работе не рассматриваем.

Левин Ю. И. указывает различные функции употребления бранной лексики в речи. Рассмотрим эти функции на примерах из романа Булгакова:

– повышение эмоциональности речи: «Тьфу ты, пакость какая!»; «Дает какой-то сукин сын червонец, я ему сдачи – четыре пятьдесят... вылез, сволочь!». Вчера в этом Варьете (непечатные слова) какая-то гадюка-фокусник сеанс с червонцами сделал (непечатные слова);

– разрядка психологического напряжения («Да что ж это такое? Вывести его вон, черти б меня взяли!»);

– оскорбление, унижение адресата речи: «Дура! – прокричал он, ища глазами крикнувшую. – Причем здесь Вульф?»; «Ты, – оскалившись, перебил Иван, – понимаешь ли, что надо поймать профессора? А ты лезешь ко мне со своими глупостями! Кретин!»; «Дурак! – отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта»;

– демонстрация раскованности, независимости говорящего (в данном случае – автора): «...проклятый бесовский кот...»; «В лице

этого Дунчиля перед вами выступил в нашей программе типичный осел»).

В романе Булгакова употребление бранной лексики встречается 145 раз, 21 – использование брани автором, 70 – бранная лексика в устах героев, 54 – это «чертыхания» героев, из них 19 – «посылы и отправления».

Нами установлено, что чаще всего бранную лексику, в частности, «чертыхания» в романе употребляют герои, которые так или иначе сталкиваются с Воландом и его свитой. Например, Иван Бездомный и Берлиоз при первом появлении Воланда на Патриарших: «Фу ты черт!» – воскликнул редактор, – ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было!»; «Черт, все слышал», – подумал Берлиоз и вежливым жестом показал, что в предъявлении документов нет надобности»; «А какого чёрта ему надо?» – подумал Бездомный и нахмурился»; «Где он остановился, этот Воланд, черт его возьми? – спросил Римский»; Никанор Иванович Босой, находясь под впечатлением встречи с дьявольской свитой заявляет: «Желаете, – промышчал он, – землю буду есть, что не брал? А Коровьев – он черт».

Бранятся в произведении Булгакова и простые люди, второстепенные персонажи, о существовании которых читатель вряд ли вспомнит после прочтения романа: шофёр, незнакомые женщины, артист программы во сне Никанора Ивановича: «Заорал шофер, и в зеркальце отразились его наливающиеся кровью глаза, – третий случай со мной сегодня. Да и с другими то же было. Дает какой-то сукин сын червонец, я ему сдачи – четыре пятьдесят... Вылез, сволочь! Минут через пять смотрю: вместо червонца бумажка с нарзанной бутылки! – Тут шофер произнес несколько непечатных слов. – Другой – за Зубовской. Червонец. Даю сдачи три рубля. Ушел! Я полез в кошелек, а оттуда пчела – тяп за палец! Ах ты!. – Шофер опять вклеил непечатные слова, – а червонца нету. Вчера в этом Варьете (непечатные слова) какая-то гадюка-фокусник сеанс с червонцами сделал (непечатные слова)»; «Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей! Всю юбку изгадила... Уж она ругалась, ругалась!»; «А под вашейе полною достоинства личиною, – отнесся артист к Дунчилю, – скрывается жадный паук и поразительный охмурыло и врун. Вы извели всех за полтора месяца своим тупым упрямством»; «В лице этого Дунчиля перед вами выступил в нашей программе типичный осел»; «Помер к чертовой матери от удара на своем сундуке с валютой и камнями»; «Эта сквалыга не то что племяннику – черту не скажет этого». Также использует бранную лексику

находящийся в состоянии психологического неравновесия Иван, оскорбляя Рюхина: «Сволочь! Сволочь!». Из уст Воланда и его свиты нередко слышится бранное слово, например, в устойчивом сочетании по отношению к Варенухе: «Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте»; «Что у тебя в портфеле, паразит? – пронзительно прокричал похожий на кота»; «Дурак!» – отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта».

Отношение Булгакова к различным лицам, событиям, явлениям также видно из особенностей употребления лексики: «Что вам еще? – спросила его проклятая Гелла»; «Паскудный воробушек припал на левую лапку»; «Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами? Не знаю. Мне неизвестно»; «Совершенно неизвестно, какую темной и гнусной уголовщиной ознаменовался бы этот вечер...»; «Через несколько секунд он, оседланный, летел куда-то к черту из Москвы, рыдая от горя»; «Об исчезнувших и о проклятой квартире долго в доме рассказывали всякие легенды»; «Совершенно естественно, что как только они попали в окаянную квартиру, и у них началось черт знает что»; «Тут и чертовщина с черным беретом, холодной водкой и невероятным контрактом»; «И статья, между нами говоря, дурацкая!», «Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком, безобразящим и без того невиданно мерзкую физиономию».

Итак, мы определили, что М. А. Булгаков употребляет бранную лексику для раскрытия образов героев, демонстрации авторского отношения к определенным персонажам и окружающему миру, а также для противопоставления «двух миров» в романе: человеческого и дьявольского. Использование бранных слов автором позволяет читателю тонко прочувствовать крайний психологизм и ситуацию, в которую попадают герои. Булгаков продолжает традицию гротескного реализма в деэстетизации изображаемого мира.

Примечания

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: роман. М.: Дрофа: Вече, 2002. 432 с.
2. Горбаневский М. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001. 184 с.
3. Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический

и лингво-методический аспект): междунар. научно-практ. конференция, посвященная юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович. Москва–Кострома, 2008. С. 71–76.

4. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. Берлин: Русистика, 1994. № 1/2. С. 50–73.

5. <http://www.philology.ru>

Е. Г. Прончатова

ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ПРОМЕЖУТКОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В современном гуманитарном знании существует представление о тексте как центральном звене, связывающем язык и мышление, язык и общество, язык и культуру. В силу исторических обстоятельств последних полутора десятилетий в фокус внимания исследователей попадают тексты, отвечающие динамичному ритму современной жизни – тексты СМИ (средств массовой информации), в том числе тексты рекламы – нового для России жанра массовой коммуникации.

Активное развитие практики рекламного творчества обусловило интерес лингвистов к теоретическому осмыслению речевых произведений, функционирующих в сфере рекламы.

Согласно федеральному закону «О рекламе» (от 13.03.2006. № 38–ФЗ), *реклама* – информация, распространённая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Реклама представляет собой особый вид коммуникации, характерной особенностью которой является фактор воздействия, требующий использования особых механизмов, с помощью которых реализуется основная *цель* любой рекламы – привлечение внимания и побуждение к действию. Высокая степень воздействия рекламы на сознание человека очевидна. Эффект воздействия определяется правильным и точным информационным содержанием рекламного сообщения.

Реклама в Оренбурге – постоянно развивающийся и динамический процесс. На сегодняшний день около 200 рекламных агентств работают в городе. Их приоритетными направлениями являются телевидение, радио, пресса, наружная реклама, реклама на транспорте.

Приоритетная роль лексических средств в выражении смысла позволяет говорить о *лексической структуре текста* как ключе к постижению его смысловой структуры в целом. Лексическая структура текста в ассоциативно-смысловом аспекте трактуется как коммуникативно ориентированная, концептуально обусловленная, ассоциативно-семантическая сеть, отражающая различные связи и отношения словных и неоднословных единиц лексического уровня [2, с. 36].

Лексическая структура текста формируется на основе связи лексических единиц «по вертикали» (текстовая парадигматика) и «по горизонтали» (текстовая синтагматика). То и другое организовано концептуально в соответствии с текстовой системностью и её коммуникативной направленностью. В характере лексического структурирования текста проявляются не только общие закономерности, свойственные текстам определенной жанрово-стилевой ориентации, но и индивидуальные особенности, соответствующие стилю автора [3, с. 14].

В результате проведённого исследования было собрано около двух тысяч рекламных текстов, которые отражают базовую категорию человеческого мышления – время. Проанализировав лексическую структуру этих текстов, были выявлены вербальные способы экспликации означенной категории через временные промежутки различной длительности.

Частотность и семантические корреляции слова *мир* в языке рекламы свидетельствуют о таком явлении современной действительности, как глобализация. *Отправить и получить денежный перевод возможно по всему миру. Золотая Корона; Лови позитив! Взгляни на МИР по-новому. Рекламное агентство МИР; Услуга Мир без границ. МТС; Красота волос в мире высоких технологий LONDA; Блюда любой кухни мира можно приготовить в аэрогриле HOTTER; Первый в мире смартфон с двух ядерным процессором LG OPTIMUS.*

Манипулируя основными составляющими концептосферы ‘время’ – ‘необратимость’, ‘темпоральная ограниченность’, ‘вечность’, осуществляется попытка создать иллюзию возможной власти человека над временем. *Наука побеждает время. Shiseido – Супервосстанавливающая сыворотка; Время можно повернуть вспять. Доказательство: Lift Anti-Rides Jour; Ценности, проверенные временем. Свердловский Губернский Банк; «Твоё время» настало. МегаФон. Наконец-то пришло наше время; Тратьте время на любовь HEINZ; Регулярный уход с коллекцией PANTENE подарит вам свободное время, которое раньше вы тратили на манипуляции с волосами. А что для современной женщины может быть ценнее?; Оригинальный рецепт, проверенный временем. Марс.*

Доминантой репрезентации концепта *время* выступает лексема *жизнь*, что вполне согласуется с мнением Н.Д. Арутюновой, которая полагает вполне естественным сближение моделей времени и моделей жизни, так как «жизнь протекает во времени и подчинена его законам» [1, с. 689]. *АКВА МАРИС – надежная защита для здоровой жизни; Климаксан. Жизнь снова улыбается; Живите в удовольствие, двигайтесь без боли; Все краски жизни для тебя! Журнал ЛИЗА; Кларитин. Яркая жизнь без аллергии; Эльдорадо – так просто жить лучше!; Кредиты для лучшей жизни. Первобанк; Климаксан. Негормональный препарат для гармоничной жизни!*

Обобщенным наименованием времени в русском языке осталось только первое слово *время*, а слова *век*, *год*, *час* стали обозначать лишь его количественные отрезки; слово *время* приобрело вариативные смыслы и стало обозначать не только время вообще, а его определённый период, срок. *Выбери время для выбора Kia Rio*. С другой стороны, слово *время* может иметь и более узкий смысл, синонимичный семантике слова *пора*: *время собирать урожай, время отдыхать; время подумывать о себе*.

Расположим временные отрезки в порядке убывания их длительности.

ЭРА, ЭПОХА. Самое крупное хронологическое деление истории Земли или длительный промежуток времени, выделяемый по какому-нибудь характерному явлению, событию. *Наука о генах открывает новую эру в уходе за кожей LOREAL; Эпоха любви и верности. Премьера «Институт благородных девиц».*

ВЕК=СТОЛЕТИЕ. *Пицца ВЕКА. Мы работаем 25 часов в сутки, 8 дней в неделю; «А/Д-Норма» С нормальным давлением проживешь до ста лет!*

ГОД. С учетом цикличного характера смен фенологических сезонов: весны, лета, осени и зимы – *год* можно представить в виде окружности, где каждый из указанных отрезков составляет его часть. *Иммунеле – здоровье круглый год; Как в 50 выглядеть на 35? Эвалар Ци-клим.*

ВРЕМЯ ГОДА. Если выгодная акция проводится только в определенное *время года*, то вполне логично проинформировать потенциального покупателя, точно назвав его в рекламном тексте. *Осень – время собирать урожай бонусов! Детский Мир – сеть магазинов; Добавка в корм «Здравур Несушка». С ней куры несутся зимой как летом! Модем «Билайн» за 0 рублей. Самый мобильный подарок осени; Садовод, готовься – скоро весна. Купи «КП» – получи семена! Весенняя арифметика: 14%, скидки*

до 45% — Домашний интернет Stel; Подготовься к лету. Кондиционеры Panasonic с функцией ECONAVI.

ДЕНЬ НЕДЕЛИ. Утро.ru ежедневная электронная газета; Комплекс Суставит форте — забота о ваших суставах, которую вы чувствуете каждый день!; Нормадерм Три-актив Vichu ускоряет клеточное обновление после 3 дней применения; Каждую пятницу скидка на краску и лакокрасочную продукцию 10%. Стройландия; Кукурузные хлопья «На здоровье!» — заряд энергии на целый день.

ВРЕМЯ СУТОК. Ориентировка во временном пространстве существенно облегчается благодаря употреблению таких лексем, как утро, день, ночь. «Турбослим» впервые позволяет худеть не только днем, но и ночью!; Не проспите главное утро России 5⁰⁰—9⁰⁵. Россия 1; Комплекс Суставит форте — забота о ваших суставах, которую вы чувствуете каждый день! 40 дней и 40 ночей праздника, радости и покупок Istanbul Shopping Fest; Думаете, ночью масло бездействует? Масло Castrol обеспечивает непрерывную защиту.

ЧАС. К понятиям темпоральной системы можно отнести единицы времени, не имеющие непосредственных природных ориентиров. Такие единицы носят интернациональный характер: Час — 60 минут или одна двадцать четвертая часть суток. Данное слово легко сочетается с глаголами бежать, спешить, лететь, которые в этом случае актуализируют быстротечность времени. Так, слово час в большинстве случаев обозначает единицу времени, а само понятие время, как правило, мы понимаем как способ существования материального мира. Кредит за 1 час. Ренессанс кредит; «YOTA» — провайдер беспроводного интернета. Через час уже у вас! Инновационные формулы «Биоритм» защищают Вас 24 часа в сутки; Наконец непобедимый тональный крем! Противостоит признакам усталости в течение 16 часов; Кредитная карта VISA. Удобно для Вас: выдаем карту всего за час.

МИНУТА. Аденома: как за несколько минут избежать операции. Ликолам; Когда на счету каждая секунда, Тирет Турбо устранил засор за 5 минут, устранил засор быстро; Теперь это действительно минута. Крем Nivea впитывается через минуту; Цетрин действует быстро — через 20 минут после приема.

СЕКУНДА, МИГ. Талантливая техника Atlant замораживает вмиг; Когда на счету каждая секунда, Тирет Турбо устранил засор за 5 минут, устранил засор быстро. Е. С. Яковлева отмечает, что «переход на язык мгновений всегда свидетельствует о повышении «эмоционального грауса» повествования» [4, с. 120].

Идея времени тесно связана с понятием динамической смены состояний. Действительно, время мыслится нами как однонаправленный вектор, передающий графический аналог непрерывного смещения временных планов (*прошедшего, настоящего и будущего*). Таким образом, в наших представлениях время — это поток, вектор, последовательность [4, с. 51]. Все эти понятия обозначают те изменения, которые возможны лишь в трехмерном пространственном мире. Итак, время, действие, пространство — это неразрывно связанные аспекты бытия: *Ваша будущая пенсия с плюсом. Программа государственного софинансирования пенсии; Мы строим будущее. Квартиры в микрорайоне «Степные просторы»; 15 лет мы помогаем своим клиентам создавать будущее. Сбербанк России; Мегафон — будущее зависит от тебя.*

Исследование временных лексических единиц в структуре рекламного текста позволяет сделать коммуникацию между адресантом и адресатом более эффективной, так как рекламное сообщение в этом случае отвечает на один из наиболее важных вопросов *когда?*

Изучение лексической репрезентации означенной категории позволяет представить хронотоп рекламы и выявить концептуальную пространственно-временную модель этого жанра речевой коммуникации, что позволит в дальнейшем продуцировать более точные с точки зрения «идеального адресата» рекламные тексты.

Примечания

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 212 с.
3. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.
4. Яковлева Е. С. Фрагменты языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

А. Е. Есбусинова

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Русский язык, язык русского народа — средство межнационального общения народов России. Относится к восточной группе славянских языков. Его истоки уходят в глубокую древность. Примерно во II—I

тысячелетии до н. э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи выделяется протославянский язык (на поздней стадии — примерно в I—VII вв. — называемый праславянским). Праславянское этноязыковое единство распалось. Образовались три близкородственные группы: восточная (древнерусская народность), западная (на базе которой сложились поляки, чехи, словаки, лужичане, поморские славяне) и южная (ее представители — болгары, сербохорваты, словенцы, македонцы).

Восточнославянский (древнерусский) язык просуществовал с VII по XIV вв. В X в. на его основе возникает письменность (кирилловский алфавит, кириллица). Уже в Киевской Руси (IX — н. XII вв.) древнерусский язык стал средством общения некоторых балтийских, финно-угорских, тюркских, отчасти иранских племен и народностей. В XIV—XVI вв. юго-западная разновидность литературного языка восточных славян была языком государственности и Православной церкви в Великом княжестве Литовском и в Молдавском княжестве.

В XIII—XIV вв. часть русского народа подпала под оккупацию татаро-монгольских и польско-литовских завоевателей. В результате разрушается единство древнерусского языка. Возникают новые этноязыковые центры. В эпоху Московской Руси (XIV—XVII вв.) продолжали развиваться диалектные особенности. Оформились две основные диалектные зоны — северовеликорусское (примерно на севере от линии Псков—Тверь—Москва, южнее Н. Новгорода) и южновеликорусское (на юге от указанной линии до белорусских и украинских областей) наречия, перекрывавшиеся др. диалектными делениями. Возникают промежуточные средневеликорусские говоры, среди которых ведущую роль стал играть говор Москвы. В XVIII—1-й пол. XIX в. происходит создание общероссийского литературного языка. Большую роль здесь сыграла языковая теория и практика М. В. Ломоносова, автора первой обстоятельной грамматики русского языка, предложившего распределить различные речевые средства в зависимости от назначения литературных произведений на высокие, средние и низкие стили.

М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин и др. русские писатели подготовили почву для великой реформы А. С. Пушкина. Творческий гений Пушкина синтезировал в единую систему разнообразные речевые стили: русскую народную, церковно-славянскую и западноевропейскую, причем цементирующей основой стал русский народный язык, особенно его московская разновидность. В его развитии и формировании русского литературного язы-

ка большую роль играли русские писатели XIX–XX вв. (А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и др.).

К началу XX в. по словарному запасу, многообразию значений и возможностей передачи самых тонких оттенков человеческих переживаний, описания природы и общественных отношений русский язык принадлежал к числу богатейших литературных языков, что, естественно, вело к полному вытеснению из культурной сферы устаревших наречий и диалектов. Так в VII–XIV вв. древнерусский язык был одним из важнейших факторов национального единства, и в XIX – н. XX в. этим фактором стал общерусский литературный язык Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. Создавая благоприятные условия для развития общероссийской культуры и взаимопонимания между русскими и др. народами России. Разрушение Российской империи, разделение русского народа приводит к насильственному вытеснению общероссийского языка с территории Малороссии и Белоруссии и ряда национальных районов. Производится эксгумация давно устаревших, архаичных наречий, насаждаются искусственные языки. И русский язык становится языком национально общения [1]. Языком межнационального общения называется язык, посредством которого преодолевается языковой барьер между представителями разных этносов внутри одного многонационального государства. Процесс выхода любого языка за пределы своего этноса и приобретения им статуса межнационального является сложным и многоплановым и включает в себя взаимодействие целого комплекса лингвистических и социальных факторов [2]. В процессе становления языка межнационального общения приоритет обычно принадлежит социальным факторам, поскольку функции его непосредственно зависят и от особенностей развития общества. В то же время одни только социальные факторы, какими бы благоприятными они ни были, не могут сделать тот или иной язык межнациональным, если в нем отсутствуют необходимые собственно языковые качества. Русский язык обладает качествами, необходимыми для удовлетворения языковых потребностей не только русских, но и людей иной этнической принадлежности, живущих как в России, так и за ее пределами. Его богатый словарный фонд и терминология по всем отраслям науки и техники, краткость, выразительность и ясность лексических и грамматических средств, развитая система функциональных стилей обеспечивают возможность отражения всего многообразия окружающего мира.

Определенную роль в превращении русского языка в средство межнационального общения сыграли и этноязыковые факторы. С начала становления российской государственности русские были самой многочисленной нацией, и ее язык распространялся в той или иной степени на территории всей страны. Согласно данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., из 128,9 млн жителей Российской империи на русском языке говорили две трети, или около 86 млн чел. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в СССР из 285,7 млн человек около 145 млн – русские, русским же языком владели 232,4 млн чел. В Российской Федерации, по данным переписи 1989 г., около 120 млн человек из 147 млн – русские, более 50 % нерусского населения страны свободно владеет русским языком. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (1993) и «Законом о языках народов РСФСР» (1991) русский язык является государственным языком РФ на всей ее территории. Конституция предусматривает, что функционирование русского языка как государственного и межнационального не должно препятствовать развитию других языков народов России, поэтому применение русского языка на официальном уровне подлежит правовому регулированию; в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций не устанавливаются юридические нормы использования русского языка. Русский язык как государственный язык страны выполняет многочисленные и разнообразные функции в обществе, что определяет социальную необходимость его изучения всем населением России.

В начале XX в. русский язык как государствообразующий и язык межнационального общения, при всем нашем культурном многообразии, был способен объединить все сопряженное с русской национальной культурой. Русская культура была способна направить стремление людей к коллективному стилю мышления, приобщала к мировой цивилизации. В этом и состоит главное объединяющее значение русской языковой культуры. Однако в эпоху глобализации он вступил в сложный для него этап конкуренции с другими мировыми языками за влияние, как в новых независимых государствах, так и у малых народов России. В последнее время ученые отмечают тот факт, что проблемы сохранения русского языка за пределами России обстоит не так просто. Соседствующие с Россией новые независимые государства, осуществляя свою языковую политику в новых условиях, оставляют за русским языком статус второго языка, а в целом средства языка

межнационального общения. И это вполне закономерно и оправдано, поскольку речь идет о становлении новых государств. А становление любого государства (мы знаем из истории) всегда идет параллельно с возрождением национального языка и, безусловно, возрождающимся национальным сознанием. Начиная с середины 90-х гг. XX в. русский язык сохранил позиции средства межнационального общения в странах СНГ в силу ряда объективных обстоятельств, а также ввиду исторически сложившихся традиций его употребления населением этих стран. Любое многонациональное государство не может обходиться без единого средства общения, т. е. без языка межнационального общения. Таким языком в СССР был русский язык. После развала СССР в СНГ и Балтии сложилась новая языковая ситуация, которая, прежде всего, характеризуется правовым закреплением статуса титульных и нетитульных языков. В результате произошло изменение характера культурно-языковых отношений в этих государствах: на первый план выдвинулся язык титульных наций, и разворот на моноязычность привел к значительному сужению русскоязычного пространства. Однако необходимость русского языка как средства межнационального общения сегодня начинают понимать реально мыслящие люди в бывших республиках СССР. Материалы переписи 1989 г. свидетельствуют, что 63,8 млн человек нерусского населения бывших союзных республик СССР (кроме РСФСР) владеют русским языком как родным или как вторым языком.

Лингвистические аспекты русского языка как средства межнационального общения имеют определенную специфику. Увеличение числа людей, пользующихся русским языком как неродным, и функционирование в иноязычной среде приводит к появлению фонетических, грамматических, лексических и семантических особенностей, различных в разных регионах. Ученые считают, что удовлетворение потребностей межнационального общения является одной из функций русского литературного языка, при этом происходит отбор и закрепление морфологических форм и синтаксических конструкций, лексических единиц, оцениваемых, прежде всего, как коммуникативно значимые. Изучение русского языка в условиях различных типов национально-русского билингвизма подтверждает наличие ряда общих специфических особенностей в языке межнационального общения вне зависимости от региона его распространения [3]. Вместе с тем, в «нерусских вариантах» русского языка лингвистами отмечены и такие особенности, которые характеризуются как сугубо региональные, не представ-

ленные в других иноязычных регионах. Так освоение оренбургских степей выходцами из Ивановской, Курской, Орловской и др. губерний (почти около 20) определенным образом сказалось на говоре нашей области. По меткому выражению В. И. Даля, — это «говор, в котором почти нельзя определить, которому из двух главных наречий, на «о» или на «а», он принадлежит...» Жители, приехавшие с Украины, сохраняют южный говор. Однако эти особенности сохраняются в языке представителей старшего поколения. Более молодое поколение, прошедшее через школу и прочие учебные заведения, уже не является носителем говора, но сохраняет его лексическую единицу. На этом основании делается вывод о региональном варьировании не исконной русской речи.

Сегодня не существует этнических общностей, не испытывающих на себе воздействие как со стороны культур, так и со стороны более широкой социокультурной среды, существующих в отдельных регионах и в мире в целом. Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным вопрос о культуре межэтнического общения. Это воздействие многократно усиливается вследствие роста культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами. Не теряет актуальности размышление о «региональном патриотизме» на примере Приволжского федерального округа (ПФО), который объединяет субъекты со сложным национальным и конфессиональным составом населения, что в силу исторических и реальных особенностей часто приводит к характеристике его в качестве модельного для России в целом [4]. Исторически сложилось так, что Поволжье явилось перекрестком культур, цивилизаций и, естественно, национальностей. В течение сотен лет на территории Поволжья совместно проживают русские, татары, мордва, чуваша, башкиры, казахи и другие нации. Среди которых главным связующим звеном, средством межнационального общения, является русский язык.

Примечания

1. <http://www.extern90.ru>
2. Самсонов Н.Г. Русский язык в странах СНГ и Балтии // Вестник Якутского государственного университета. 2006. № 2. С. 67
3. Айтматов Ч. Русский язык соединил берега народов // Международная жизнь. 2008. № 2. С. 167–169.
4. Шехмаметьева В. Культура межэтнического общения (региональный аспект) // Власть. 2009. № 6. С. 86–89.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА
УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ
(на примере говора станицы Нижнеозерное
Илекского района Оренбургской области)**

Казан проверяют по звону, а казака по слову.

Заселение Урала казаками началось с середины XVI в. По данным переписи 1632 и 1723 гг., выходцев на берега Урала из губерний со среднерусскими говорами было 35 %, из губерний с севернорусскими говорами – 57 %, а из губерний с южнорусскими говорами – 8 %.

По мнению филологов, в хуторах и станицах все реже можно слышать исконное казачье наречие. Резко уменьшается и число живых носителей этого интересного диалекта, на котором сложено немало песен, баек, пословиц. С утратой этого самобытного элемента культуры может прерваться связь времен. Откуда произошло слово «казак»? Так, В. Д. Карпов в своей книге «Святая земля казачья» пишет: «...Первоначальное греческое начертание кассахи дает два составных элемента этого названия «кос» и «сахи», два слова с определенным скифским значением «Белые Сахи». Но название скифского племени Сахи равнозначно с их же Сака, а потому следующее греческое начертание «Касакос» можно трактовать как вариант предыдущего, более близкий к современному. Изменение приставки «кос» на «кас» имела, очевидно, причины чисто звуковые, особенности произношения и особенности слуховых ощущений у разных народов. Эта разница сохраняется и теперь (Казак и Козак). Коссака, кроме значения Белые Сака, имеет и еще одно казако-скифское значение – «Белые олени» [2, с. 26].

Ни в одном казачьем войске России не наблюдалось такого резко отличия от русской разговорной речи, как в территориальном диалекте яицких казаков. Этому способствовали те же причины, которые ограждали их быт от влияния внешних факторов. Большинство слов уральского казачьего диалекта не входят в лексикон местных диалектов других легионов (казачьих в т.ч.). Знающий их говор, может отличить уральца среди тысячи людей с разными наречиями. В первую очередь особенностями говора – разговорной речи казаков Яика интересовались такие известные русские писатели как В. И. Даль, Л. Н. Толстой [6] и другие.

Изучая некоторые примеры текстов говоров казаков, можно отметить следующие особенности, если уралец и не имеет особого наречия, то по крайней мере, у него свой выговор, он произносит буквы Н, Д, Р, Т тверже и острее почти как англичанин, говорящий по русски. Вызывает удивление, что из множества писателей, посетивших Яик (Урал) только В. Даль обратил внимание на необычную речь казаков Урала. В говоре уральцев, кроме славянских корней, встречается много русских (славянских) слов с измененными согласными и опущенными гласными. В очерке-рассказе «Уральский казак» Даль подчеркивает особенности говора яицких казаков: «Казак говорит резко, бойко, отрывисто; отмечает языком каждую согласную букву налегает на Р, С, на Т, гласные буквы, напротив скрадывает: вы не услышите у него ни чистого А, ни О, ни У. Родительницы, напротив, живучи особняком в тесном кругу своем, все без изъятия перенимают друг у друга шепелявить и произносить букву мягче обыкновенного. Они ходят гулять и веселиться на СИНЦИК в СЁЛКОВОЙ СУБЕНКЕ, а синчик называется у них первоосенний лед, до пороши по которому можно скользнуть в нарядных башмачках» [3, с. 26].

Впрочем, кроме Даля, только поэт И. Сельвинский в поэме «Уляляевщина» довольно иронично высказался об уральских казаках, назвав их «шепелявыми бородачами». При этом, не было обращено внимание на слова, не встречающиеся в русском языке, такие как: будара, ятовь, анды, лукни и др., а также на казачий богатый диалект [5, с. 54].

Из нормандских слов, оставленных на Яике, сохранились «анды», «будара», «ятовь», «таблак», «яр», «ерик» и др. Первые три из них можно слышать только в разговорной речи уральских казаков. «Анды» с древненорманнского переводится как предлог «на». В разговорной речи казаков употребляется в выражении «анды разик», что означает «на раз». «Будара» — лодка, слово, взятое из уральского казачьего диалекта. Образовано сочетанием норманно-германских слов «буда» — купание и «риемн» — весла. На Урале и поныне существует поселок Бударино. По преданию близ него изготовляли долбленные лодки (челны) — будары. «Ятовь» произошло от норманно-германского глагола «ятен» — вытаскивать, выдергивать из глубоких мест (возможно рыбу), «таблак» — тюльпан, «Яр» и «Ерик» — слова, связанные с деятельностью человека (энтонимы). «Ярл» (шведск.) — высокий, видный. «Ерик» (в Приуралье) — остаток реки, изменившей русло. В древней Швеции имя Эрик носили: вождь викингов — Эрик (Рыжий), король Швеции Эрик (XI в.) и Эрик Шепелявый (XII в.). Возможно, шведские монар-

хи получали это имя из-за переменчивости их политики в управлении страной.

Доцент Уральского педагогического института, составитель «Словаря говоров яицких казаков» Н. Малеча утверждает, что в первой четверти XVIII в. среди уральских казаков была значительная группа переселенцев, говоривших по-среднерусски. Так или иначе, существующий в настоящее время акающий говор казачества (который также прослеживается в с. Нижнеозерное) складывался как говор единой системы на протяжении нескольких столетий, начиная со второй половины XVII в., в окружении туземного населения — казахов, язык которых должен был сыграть немаловажную роль. Переселенцы не жили изолированно, они общались с местным населением. Об этом позволяет говорить двуязычие казаков, на которое указывает Н. М. Малеча: «Почти все они (уральские казаки), особенно низовые, кроме родного русского языка, в большей или меньшей мере пользуются и казахским языком» [4, с. 3]. Казахский язык не знает категории грамматического рода. В этих условиях предпосылкой к утрате среднего рода и основной причиной данного явления считается влияние на живые говоры языка, не знающего категории рода.

В Нижнеозернинском говоре очень заметно нечеткое произношение конечного безударного гласного у глаголов второго лица единственного числа настоящего времени или полное его подавление. Например такие слова как *стирает*, *щипает*, *кусает* будут звучать как *стират*, *щипат*, *кусат*. Звук «э» опускается или заменяется звуком «е» (*электричество* — *електричество* — *лектричество*), вместо «о» произносится «у» (*поймать* — *пумать*).

В песенных текстах, собранных нами, видны черты диалекта Нижнеозернинских казаков, которые отличают их говор от русского литературного произношения: яканье («*бязжит*»), ыканье («*бурычка*»). Особенности местного говора проявляются в песнях. Богаты сюжетами и близки к любовно-бытовой тематике казачьи песни, возникшие во второй половине XVIII — начале XIX вв. До к. XVIII — н. XIX вв. в песнях представлен образ робкой, застенчивой девушки, но с указанного периода в песнях появляется и другой образ. Это в основном песни, изображающие образы нерадивых, ленивых и легкомысленных жен. Помнят в селе Нижнеозерное старинную песню «Толокно», которую пели на свадьбах:

Три дня хлеба не пякла, хату не топила,
Мужа с раннего утра в город проводила.

Два лукошка толокна продала соседу.
Накупила я вина, собрала бяседу!
Все гуляла да пила, напилась — свалилась!
В это время тихо дверь в избу отварилась.
И в испуге я взглянув, увидала мужа.
Дети с голоду кричат и дрожат от стужи.
Поглядел он на меня, покосился с гневом
И давай меня стегать плеточкой с припевом!
Уж стягал меня, стягал, ему стало жалко.
Бросил в угол свою плеть да схватил он палку.
Раза два перякрестил, плюнул с гневом на пол.
Посмотрел он на детей да и сам заплакал.
Ох, как это толокно дорого досталось:
Две недели на боках охая валялась!
Ох, болит моя спина, голова кружится,
Лягу спать, а толокно и во сне мне снится...

Как видно, героями народных песен являются и представители из животного или растительного мира. Так мы встречаем сокола, голубя, лебедушку, голубку, дубчик, ивушку и т. п. Эти образы, как правило, символичны. Также символические образы мы встречаем и в казачьих песнях с. Нижнеозерного. За каждым из них закреплена определенная черта характера, определенный образ. Так, например: дубчик в народных песнях — символ молодости, крепости; лебедушка — символ девушки-невесты; стадо лебединое — древний символ влюбленных. Но в казачьих песнях невесту, молодую казачку показывали как яблоньку в цвету, которую должен оберегать жених от всех бед. Этот образ встречается в свадебной песне, которую еще поют в селе Нижнеозерное:

Пир горой идет у нас,
Опрокинем чарки враз,
Чтоб невесту с женихом
Дружно славить за столом.

Припев: Яблонька, белый цвет,
Хороша невеста наша,
Краше в мире нет.
В честь такой женитьбы
Надо посадить бы,
Надо посадить бы
Яблоньку в саду,
Чтоб была в цвет!

Так же как и в народных, в казацких песнях мы встречаем тавтологию, которая позволяет более точно определить объект, к которому обращаются.

Как на столе, на столе, да столе
Стоит чара золота, да золота.
Стоит чара золота, да золота,
Полна водки налита, налита.
Никто чару не берет, не берет,
Золотую не примат, не примат.
Скушай чару, свет Володенька-душа,
Скушай чару, ты свет Оленька.

Славились Нижнеозернинские казаки своей мудростью, которая была заложена в пословицах и поговорках. Некоторые из них схожи с народными. Например: «хлеб да вода – казацкая еда», а в народе «хлеб да каша – вот пища наша». Или «что напишет писака, не слижет и собака» – «что написано пером, не вырубишь и топором». Самобытность казачества проявляется и в противоречии с народными пословицами и поговорками: «и про единого казака бой будет» или «и один в поле воин, если он по-казачьи скроен» – «один в поле не воин».

Говор Нижнеозернинских казаков живет в народе своей жизнью. Развиваясь, он изменяется по-разному на каждом историческом этапе. Говор изменяется также, как изменяются взгляды и чувства, настроения и мировоззрения народа.

Подводя итоги, можно сослаться на слова И. П. Аникина из его исторического очерка «Рыцари речного войска» – «...уходила история казачьей общины, начатая древними русами и продолженная Яицким (Уральским войском). Вместе с ними завершалась самобытная культура, исчезали устные памятники казачьего фольклора, стихали песни когда-то неунывающих «бородачей», замолкали их сказы, легенды и предания, и самое ценное, и в то же время самое уязвимое в жизни казаков, их неповторимый говор, диалект народного языка, корнями уходящий в древнюю Скандинавию. Сейчас мы по крохам собираем остатки этих бесценных россыпей, но может случиться, что вскоре мы будем оплакивать их полное исчезновение и сбудется горькое предостережение казаков:

Стой, казак, и дочь моя!
Слушайся совета,
Ведь казаки все уйдут, –
Вспомнишь поздно это!.. [7, с. 35]

Примечания

1. Казачья вольница вып. 2001. № 41 11 окт.
2. Карпов В. Д. Святая земля казачья. Москва, 2002.
3. Даль В. Уральский казак. (очерк-рассказ). Москва, 1983.
4. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
5. Сельвинский И. Улялевщина. (поэма). Москва, 2001.
6. Толстой Л. Н. Казаки. (повесть). Москва, 2008.
7. Аникин И. П. Рыцари речного войска. (исторический очерк). Москва, 2001.

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Л. К. Аллахвердиева, Ализада Мохаммад Шах

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОВЕСТИ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

История страны, язык которой постепенно становится для иностранных студентов родным, раскрывает страницы русской культуры, человеческой жизни. Каждый народ любит свою землю и гордится ее прошлым. Герои прошлых веков завершают свои славные дни, ратные подвиги, но память о них сохраняется в литературных памятниках.

В наше время часто говорят об охране внешней среды, но мы должны понимать и неоценимую роль охраны внутреннего мира человека — мира, соединяющего знание и память. Живое слово из XII века, поэма «Слово о полку Игореве» отстаивает личную целостность, мешая эрозии духовности, поэтому особенно в XXI в. мы должны вновь обрести себя, вслушиваясь в тайну веков.

«Тайна сия велика есть», — говорили древние. Именно эту тайну открывает нам писатель — современник давних событий, потому что знает все, что знает историк, но знает и более того: внутреннее состояние героев, их мысли и чувства, горе и радость, чем и приближает их к нам, показывая не литературными героями, а живыми людьми.

Великая Русь и Киев находились в трудном положении. Огромное государство, созданное великим князем Олегом, процветавшее при Владимире Святославиче и Ярославле Мудром, после его смерти стало разбегаться на многие княжества и приходило в упадок. Разделение страны на мелкие княжества сопровождалось кровопролитными междоусобицами князей. Они хотели захватить богатые земли, утвердиться в Киеве. С 1150 по 1200 г. Киев переходил из рук в руки 20 раз! Лишь при

князе Святославе Всеволодовиче (1176–1194 гг.) в Киеве и во всей Руси восстановилось относительное спокойствие. В «Слове» «...Святослав грозный великий Киевский будто грозою прибил своими сильными полками и стальными мечами, наступив на землю Половецкую, притоптав холмы и овраги, возмутив реки и озера, иссушив потоки и болота».

В это время половцы близко подошли к южным границам Руси. 30 июля 1184 г. объединенное русское войско Святослава разгромило половцев. В плен было взято 7 тысяч воинов и 417 ханов. Они были отброшены в степи. Такой победе радовались не только на Руси, но и немцы, и венетианцы, и греки, и чехи пели славу Святославу. Желая закрепить успех, участники победного похода договорились летом 1185 г. вновь выступить совместными силами во главе со Святославом.

В 1185 г. князь Игорь Новгород-Северский собрал небольшое войско и самостоятельно пошел в поход на половцев. Княжеская дружина была разбита, а сам князь был взят в плен. В результате половцы почувствовали разобщённость русских князей и стали совершать частые набеги на Русь. Своим походом Игорь открыл путь половцам на родную землю.

История многих стран, в частности Афганистана, тоже полна сражений за независимость, отражений набегов кочевников. Тоже горе приходило на афганскую землю в период междоусобных войн. До конца XVII в. крепким было первое государство на территории Афганистана — Дурранийская держава, поэтому попытки Великобритании подчинить его в XIX в. окончились провалом. Но шло время, а с ним и междоусобицы, и Афганистан распался на несколько фактически независимых княжеств, что в итоге и было использовано Великобританией в своей колониальной политике.

В афганском обществе, споры между соседями по поводу границ земельных наделов, вмешательства в частную жизнь часто перерастают в кровавые междоусобицы, в результате чего семьи или кланы враждуют порой десятилетиями. Этими раздорами воспользовались талибы и благодаря им сумели закрепиться на некоторых территориях. В провинции Гильменд — главном в стране районе возделывания опийного мака — возрождению талибов в немалой степени способствовали именно племенные междоусобицы.

В XXI в. мы видим, что слово «война» надолго вошло в историю Афганистана. Нынешнее поколение студентов выросло с этим словом, а гражданская война продолжается. В многоплеменном государстве

нет мира. Именно поэтому поэма «Слово о полку Игореве» заставляет человека из другой страны гордиться подвигами воинов «за землю русскую». Название реки Дон, часто встречающееся в поэме, усиливает интерес иностранных студентов, обучающихся в вузах Ростова-на-Дону. «Слово» становится не только историческим открытием для них, но и покоряет текстом. Завораживают слова: щёкот соловьиный, русичи, зегзица, изронить душу; географические названия: Путивиль, Муром, реки Донец, Каяла; имена: Ярославна, Буй-тур, Всеволод. Знакомые слова звучат по-иному, но очень красиво: буй – буйный, могучий; раскропоти – расплескать; троскотати – стрекотать; кметкий – способный, сметливый.

Приходит понимание, как талантлива и многострадальна Русь. Сколько раз орды половцев выжигали жизнь на этой земле! События XII в., поход Игоревой рати – это один из исторических уроков: «Сядем, братья, на коней на борзых да посмотрим синего мы Дону», «Обуяла жажда битвы. Подчинился ум его желанию».

Как страдает Русь от споров и переделов, чувствуется в каждой строке, «тяжело Руси от распрей княжьих». Гибель храброй рати Игоревой под натиском половцев – урок горький и верный. Урок этот звучит и в золотом слове Святослава Великого: «...Что же, дети, сотворили Вы моим серебряным сединам?!». «Рано вы пошли в чужую землю добывать себе мечами славы». Какая боль и любовь в словах автора: «О, стонать тебе, земля родная, вспоминая времена былые и князей великих вспоминая». Поэт, Боян – подлинный патриот, совестливый русич, болеющий за судьбу своей страны, всего русского народа, а не отдельного княжества. Чтение поэмы вызывает большое уважение к силе духа ее автора, в которой проявилась душа всего русского народа. Вся Русская земля находится в поле зрения автора: Половецкая степь, синее море, Дон, Волга, Днепр, Дунай, Западная Двина, Донец, а из городов – Киев, Полоцк, Чернигов, Новгород и многие другие. Создатель ощущает родину как единое огромное целое.

Близки читателю в поэме не только мысли о единстве и борьбе за независимость родной земли, но и духовная связь русичей с природой. Кажется, что мысль о духовности человека в его связи с окружающим миром природы в произведении – это мудрое напоминание: сохраняя все живое, ты сохраняешь себя. Понятно современное звучание авторской мысли.

Мир земли и неба: солнце, месяц, ветры, реки, деревья, травы, птицы, животные – это живая симфония и конкретный фон человеческой

драмы. В поэме чувствуешь приближение беды: «как та ночь среди дня наступила, тревога охватила зверей и птиц лесных – это грозное предзнаменование, солнечное затмение. «Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дону Великого...». Читатель предчувствует гибель Игорева войска. Радость возвращения князя из плена тоже ощущается в природе, когда и вороны больше не каркают и сороки стихли, и галки замолчали, а Донец красуется «травой зеленою», «берегами серебряными», «теплою мглою».

Патриотические идеи, глубоко и страстно выраженные автором, стали главными для всей русской истории и литературы, для русского народа. Известно, что в годы Великой Отечественной войны вышло военное издание «Слово о полку Игореве» с пометкой «бесплатно». Эти книги выдавались бойцам перед уходом на фронт вместе с оружием.

Только ли памятником Древней Руси стала эта маленькая поэма, отразившая высокую культуру человеческой личности в образах своих героев? Только ли для средневековой России актуален пламенный призыв древнерусского поэта к единению?

Истинный патриотизм – это первая ступень к интернационализму. Сейчас нужно уметь видеть все мировое пространство и понимать ценность всей планеты Земля, такой одинокой среди галактик.

Современный мир сложен и противоречив. Терроризм, локальные войны, государственные и национальные противоречия ежедневно уносят жизни людей. В этих условиях каждый народ и человечество в целом должны опереться на общие для всех ценности добра, справедливости, гуманизма, достоинства, чести каждого человека и народов в целом. Человек, уважающий себя, уважает и других. Он строит свою жизнь на основе принципа порядочности. Также и народы. Если народ уважает себя, свою историю и традиции – такой народ будет жить в мире, уважая достоинство других народов. С этими идеями связано содержание древнерусской поэмы. Так эти идеи звучат и сейчас.

Русский мыслитель XII в. современен в XXI в., потому что любовь к Родине делает человека человеком, на какой бы земле он не родился.

ИМПЕРСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ПРОХАНОВА

Проблема Империи как социокультурного феномена в наше время занимает многих общественных деятелей, исследователей-культурологов, этот вопрос является центральным в творчестве одного из самых глубоких современных российских писателей Александра Андреевича Проханова.

Известны два основных значения понятия «империя»: монархическое государство с мощной централизованной властью, а также государство, имеющее колониальные владения, такие как Британская империя. В телеинтервью с В. Познером А. Проханов высказал мнение о том, что классических империй история не знает, поскольку образование каждой из них, существовавших в истории, зависело от мотиваций людей, их создававших. В связи с этим, можно вспомнить Александра Македонского, стремившегося завоевать весь мир, в том числе Римскую империю, Византийскую, Османскую... В понимании писателя, империями являются такие современные государства, как Великобритания, Америка, Китай, более того, не только Россия до 1917 и до 1991 г., но и современная Россия: «...Обрубленная, униженная, оскопленная, с обрезанными реальными пространствами, затоптанной идеологией. Но как только Путин понял на уровне, может быть, подсознания, что Россия – это не национальное государство, которое выстраивал Ельцин и Горбачев, сбрасывая с России окраины, в том числе славянские окраины... Как только он понял, что Россия – это империя, началось сохранение России» [3].

Интересно, что в романе «Идущий в ночи» есть герой, воплощающий данное оптимистическое представление писателя о президенте России В. В. Путине: «Этот, терявшийся в скопище банальных политиков, выделялся холодным выражением молчаливых светлых глаз, в которых, если внимательно в них посмотреть, открывалась такая беспощадность, такой глубинный холодный огонь, что замерзали планеты и луны, на которые он смотрел, красный Кремль среди лета одевался пышным инеем» [2]. И уже влиятельный олигарх Парусинский, готовящий марионетку, нового Президента, свое «самое совершенное оружие», понимает, что ситуация контроля над избранником выходит из-под контроля.

С прохановской идеей относительно современной России – Империи – и ее будущего как Империи, согласны далеко не все, понимая и трактуя Проханова упрощенно, отождествляя писателя с его антипатриотически настроенными героями. Так, С. Беляков высказывает мнение о том, что журналист Литкин, служащий духу разрушения, снимающий натуралистическую картину мертвого Грозного, в «Идущем в ночи» списан с самого автора [1]. По мнению современного писателя З. Прилепина, Александр Проханов представляет собой образ идеального русского прозаика, литератора, «при всех тех собаках, что на него навешали и доброжелатели, и недруги (черносотенец, ксенофоб, милитарист и пр.)» [4, с. 113].

В постмодернистской России опрокидываются все представления о справедливости, с тем, чтобы всячески опорочить Россию великую. Если, например, герой книги «Шалинский рейд» Г. Садуллаева приходит к достаточно спорному выводу о том, что в России время справедливых войн закончилось (последней была Великая Отечественная война), то в афганских и чеченских романах Проханова война показывается справедливой: первая – потому что утверждала имперскую идею государства, вторая – поскольку являлась оборонительной и опять-таки защищала интересы империи. Но не подлежит сомнению и то, что война приобретает черты демонического существа, ненасытного плотоядного чудовища и что война – тщательно спланированная мировая стратегия. Противостояние русских и чеченцев – чудовищная ошибка, катастрофа, спровоцированная в обстановке после развала СССР. Справедливы слова А. Проханова о том, что каждый народ в Российской империи «был драгоценной ее краской».

В целом ряде произведений, например, в «Сне о Кабуле», «Чеченском блюзе», «Идущем в ночи» Россия показывается расколотой на два лагеря: олигархи и оппозиция. Причем оппозиция – это, помимо высших военных чинов генералов Белосельцева («Сон о Кабуле»), Суздальцева («Стеклодув»), в основном, самые обычные русские люди, такие как рядовой Звонарев, лейтенант и полковник Пушкивы («Идущий в ночи»), капитан Кудрявцев, Филя, Чиж, Ноздря («Чеченский блюз») и др. Олигархическая верхушка символизирует коррумпированную власть современной России, это образ, безусловно, фантазмагорический, олицетворяющий абсолютное зло, и вместе с тем правдивый.

Имперская идея воплощена в целом ряде художественных образов, созданных фантазией Проханова: это герои-патриоты, которые

в сложной ситуации утраты нравственных ориентиров остаются солдатами своей страны, сохраняют веру в Россию великую.

Как показывает А. А. Проханов, самое большое искусство — это чистая, сердечная вера. Скромный как девушка Звонарев, юноша со светлым взглядом, воюет потому, что так ему велит долг перед Отечеством, он считает себя рядовым солдатом, вынужденным убивать, но не героем и не любителем войны, он против жестокости. «Нельзя уши резать... Озвереешь... Детей и женщин жалеть надо... У них от горя глаза провалились...» [2]. Виктор Звонарев повторил подвиг героя России Евгения Родионова, отказавшегося снять крест и предать православную веру. Этот худенький паренек с синими бездонными глазами в трудный час вспоминает свой дом, церковь, школу, девушку, к которой испытывает светлое платоническое чувство, и надеется на Бога в страшный час испытаний. Не случайно и то, что антипод героя сержант Клычков становится предателем: в его собственной жизни, а вместе с тем и его села, родителей и друзей, праздник подменялся пьяным разгулом, любовь — похотью, вера — самостью.

Автор подчеркивает, что безыскусный Звонарев в страшный час испытания полностью полагается на волю Бога, потому все говорит и делает правильно. Вот он, образ последнего солдата Империи, великой державы, с его не бросающимся в глаза патриотизмом.

Человеком империи является и чеченский художник Зия [2], чье творчество, мистическое, непонятное символизирует всеобщую мечту о счастье и гармонии, Провидение. Подобно гранатовому дереву, расцветшему зимой вблизи огромного пожарища, оно призвано осветить последний миг жизни лейтенанта Пушкиова, рассказать отцу, полковнику Пушкиову о том, что видел перед смертью сын. А картина «Рай», написанная прямо на стенах разрушенного дома, свидетельствует о том, что даже и среди всеобщей гибели не уничтожается жизнь. Ощущение полноты живет в душе художника. Зия — благословенный, о чем свидетельствует то, что мир рушится вокруг, но ни один волос не падает с головы художника. Разбитые, искалеченные стены последнего бастиона чеченско-русской «цивилизации» — Музея искусств — становятся символом мирового разрушения, но самым сильным, духовно крепким росткам цивилизации все же суждено выжить (не сломленный духом Звонарев, Зия), подобно тому, как прорастает в евангельской притче зерно, упавшее в землю, попирающее смерть и прорастающее тысячей новых зерен.

Если символом разрушенного единства двух народов в Грозном является музей искусств, то символом единения не только России конца

XX века, но России прошлой, с ее огромными территориями, СССР, по-прежнему, остается Кремль — центр видоизменяющейся империи. Ныне Кремль — дихотомичный образ. Сравним два описания в романе «Идущий в ночи»: «Кремль, вознесенный на холм, розовый, белый, с резными колокольнями, башнями, плетением крестов, серебряными и золотыми куполами, казался огромным садом, распутившимся в зимней Москве» и «Кремль, розово-белый, грозный, стоял на холме, казался обугленным, с запекшимися ожогами, поломанными зубцами и башнями, оплавленными куполами, словно пронесся сквозь жестокие слои мироздания, огненные бури и вернулся обратно, неся в Москву страшную весть о конце Вселенной» [2]. Рай и ад сошлись в этих описаниях, их символом для современной России стал Кремль.

В романе «Сон о Кабуле» возникает параллельный образ. Торговый комплекс, сооруженный в самом центре России, в Москве, на Манежной площади близ Кремля, уже олицетворение антиимперии, языческой страны, поклоняющейся золотому тельцу. И если маковки кремлевских соборов тянутся вверх, то огромный магазин, словно зеркально искаженное изображение, устремляется в самую преисподнюю: «...Это был ... не торговый центр, а именно храм, построенный в священном центре Москвы, опущенный в сокровенную ее сердцевину, погруженный в толщу московской земли, в которой пластами сменялись эпохи — древние стоянки славян, земляные городища и насыпи, деревянные настилы и улицы, каменные мостовые и слободы. Храм прорубал пласты, проникал в глубину под Кремль, и если соборы и колокольни стремились крестами ввысь, взывали к небу, то этот храм был опрокинут вниз, стремился к центру земли, взывал к таинственному, обитавшему в земле божеству» [4, с. 110].

Таким образом, все творчество А. А. Проханова представляет собой сложнейшую метафизическую картину жизни Империи, чье прошлое, настоящее и будущее неотделимы друг от друга. Писатель, подобно футурологу К. П. Пчельникову, мыслит категориями российской цивилизации, верит в непредсказуемые глубины русского духа, столько раз останавливающегося у самого края пропасти и воспарявшего над ней, и на примере своих героев-патриотов показывает, что имперская идея по-прежнему жива.

Примечания

1. Беляков С. Три портрета на фоне войны // Новый мир. 2008. № 9.
2. Проханов А. Идущий в ночи [Электронный ресурс] URL: <http://www.gramotey.com/books/40119477526466.htm>, свободный. Загл. с экрана.

3. Интервью А. Проханова на 1 канале с В. Познером [Электронный ресурс]. URL: http://www.ltv.ru / sprojects_edition/si5756/fi4309.htm, свободный.
4. Прилепин З. Terra Tartarara: это касается лично меня: [эссе] / М.: АСТ: Астрель.
5. Проханов А. Сон о Кабуле. Продолжение // Наш современник. 2000. № 4. С. 105–140.
6. Проханов А. Чеченский блюз [Электронный ресурс] / URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/prohanov1/01.html>, свободный. Загл. с экрана.

Л. В. Иванова

«ЦВЕТООБРАЗ» КАК КОМПОНЕНТ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (на материале произведений поэтов Оренбуржья)

Картина мира каждого человека и того народа, представителем которого человек себя считает, обязательно включает систему цветообозначений.

Цель статьи – охарактеризовать функционирование в поэзии оренбургских авторов цветообразов, включающих слово «желтый».

Известно, что в национальных картинах мира имеются инвариантные концепты, в том числе и цветообозначения. Так, для русской культуры постоянно присутствующими можно считать такие цветообразы: «алая – заря, зорька», «голубое – небо», «голубая – река», «желтые – листья», «зеленая – трава», «черная – земля».

Наши материалы подтверждают осознание поэтами концептуальной значимости словосочетания «желтый лист», оно очень активно по употреблению – при описании наступления осени, причем – постепенного наступления. Ср.: Уходит август. Теплый воздух чист. / Еще не осень, но уже не лето, / И желтый лист пока один на ветке, / Но все-таки на ветке желтый лист – А. Карнаухов; Еще и песня есть в запасе / И у ручья, и у леска, / Но желтый лист на темном вязе – / Как проседь на твоих висках – Н. Карташев; Нет ярче желтизны, чем желтый цвет листы – В. Бакулин; Желтой, багряной, розовой / Ветер играет листвою – В. Демушин; За последней птичьей стаей / Рвется к небу желтый лист – А. Иванов-Огарыш; Желтым листом умастилась / Сегодня аллея – О. Максакова; (Октябрь – Л. И.) ... в березовом пролеске / Надергал желтую листву – П. Рыков; ...Октябрь, взмахнувши руками, / Желтых листьев последнее пламя / Нам под ноги бросал и бросал – П. Рыков и др.

Понятным для читателя является тот факт, что при описании желтеющей природы поэты часто упоминают «виновницу» этого цвета – осень: Ветер осенний... / Клонит к земле пожелтевшие травы – В. Бакулин; Нива по-осеннему желта – Е. Вовк; А горы желтеющим лесом покрыты. / Здесь осень – царица вступает в права – А. Вырвич; Желтое в рощах да красное. / Через поляны сквозит. / Осень. Погода ненастная. / Выгляну – все моросит – В. Демурин; Лето проходило. / Небо моросило. / Желтая осень / Скручивала лист – А. Демов; Все дальше и дальше яблоня, / Желтея, уходит в осень – Н. Кожевникова; Зря привыкла роща к листьям: / Вот по осени считает: / Желтый, красный и багровый – / Улетают, улетают... – Н. Лукьянова; Стояла осень в желтенькой косынке – М. Ольховик; ...Осень желтые ключи / От свежевьрытой могилы / На память странникам вручит – С. Попова; Подкралась осень. Лето пролетело. / Закрыла небо тягостная хмарь. Как скоро-скоро листья пожелтели! / Стучит нетерпеливо к нам октябрь – В. Филатов; В Новотроицке – снег... / Вот и праздник души, / Очищенье природы. / А на белом деревья / То в желтом, то в красном стоят. / Осень все еще, но – / Изменение моды – А. Цирлинсон.

Кроме листьев, желтый цвет могут иметь и другие «представители» природы: Посмотри – видишь, там река / Между желтых течет берегов – В. Абрамова (также у В. Федулова: Я к тебе приеду, желтый берег); Цветочки (о бабочках – Л. И.) порхают, порхают цветочки / И красный, и желтый, и белый, как снег – Т. Баскова; Оплеснуться б скорее водой ледяной, / Но такая в июньские дни – будто чудо, / Только зной, желтоглазый, неистовый зной – Г. Грибанова; В чашке озера степного... / Три цветка клубники желтой / Да метелка камыша – В. Демурин; Ветер... / Мне швырнул цветок – / Желтый, опаленный зноем, донник – Н. Кожевникова; В Оренбуржье с желтыми степями / Мне Урал седую песню пел – Р. Козачков; ... у нас, где степь во все концы, / Только стихнут вьюги и морозы, / Майские пылают бубенцы – / Тюльпаны желтые, / Тюльпаны красные, / Тюльпаны белые, / Тюльпаны разные – Л. Коростина; Одиноким бродит волком / Желтоглазая луна – В. Макуров; Солнце, словно желтая кувшинка, / Через плесы переходит вброд – К. Мусорин; Желтое солнце ромашкой / Плывет по небесной глубли – П. Попов; Желтый-желтый одуванчик / В синем небе нелюдим – Ю. Селиверстов; Разводы моха / Еще желтеют на коре – А. Филатов и др.

Справедливости ради необходимо отметить, что к описываемому цвету поэты обращаются не только при создании образа осени, но и при

описании весны: (у мимозы – Л. И.) ... / Желтые шарики нежные, / Листьев ажурная вязь – А. Кириллова; Тюльпаны желтеют – / Венцы золотые – Л. Коростина; ... цветы на поляне – / Подснежники стайкой веселой – / Расцвели и, желтея, зовут... – И. Малов; ... было довольно у позднего марта / Невзрачных и желтых цветов – В. Одноралов; ... с холмов сойдут снега / И желтый горицвет зажжется – Д. Таганов.

Однако «весенних» контекстов в наших материалах немного, в них в большом количестве представлены зеленые цветообразы.

Значительно меньше отмечено тех или иных объектов, которые не относятся к природной тематике: Закат. Портгера. Желтое окно – В. Демури; С желтопенными кудрями, / Распахнув улыбку настезь, / Темно-синими глазами / Ты людские лица гладишь – Р. Козачков; Он (молодой слепой поэт – Л. И.) стихи читал взволнованно и звонко, / С эпитетами явно невопад, / Как в желтом платье рыжая девчонка / Глядела на малиновый закат – Ю. Орябинский; Скользит по снегу желтое пятно / Для ветра ночью и фонарь – забава – А. Трубенко; (Дегтемаз – Л. И.), Измусолив желтый ноготь, / «Сочиняет» до утра, / И фонтаном брызжет деготь / Из-под вечного пера – М. Трутнев; Желтые губы просят тепла – Ж. Цыганова.

Цвет может изображаться, разумеется, не только прилагательными, но и другими частями речи: Окрашены пространства желтизной – Т. Баскова; Спит дорога, пыль дымится следом, / Желтеет против солнца, как туман, / И сеется на высохший бурьян – И. Бехтерев; Желто блестит путь за селом – В. Демури; Желтоцвет вдали большеголовый / Сияет глазом на прощанье мне – В. Ерофеева; Застывший сумрак. Голые аллеи. / И желтизна увядшего лица – Ю. Орябинский.

Некоторое количество текстов свидетельствует о том, что желтый цвет может давать возможность отразить мироощущение лирического героя, т. е. выполнить не описательную, а характеризующую, оценочную функцию, например, ... с душою светлой я пройду по саду: / Еще так мало желтых листьев в нем – В. Бакулин; / На клене листья пожелтели, / Печалью тонкой он убит – В. Бакулин; Пожелтели листья, / Окунувшись в грусть – А. Ганюшкина; Сей желтый луг, / Сей вид степей... / Мой дух мутит, / Меня томит – П. Кудряшов; Русюшка плещется в желтизне, / Август горестный на дворе – А. Крюкова; Желтые листья печали / Падают на сердце мне – В. Логвинов; Я только ветка, / Я только ветка – / И что я сделаю / Против сильного ветра? / Даже летом рвет / Мои зеленые листья, / А осенью их – желтые, красные / Разгоняет в стороны разные – Н. Лукьянова; Благоухает желтым цве-

том / На сердце высшая печаль — Д. Таганов; Тронут я осенней желтизной — А. Цирлинсон. Кстати, у И. Елина есть даже целое стихотворение «Желтый»: Что-то хмур сегодня, зол ты, / Ничему весь день не рад, / Смотришь искоса на желтый, / Осторожный листопад, / Бродишь вяло по опушке... / Где твои отвага? Пыл? / Брось, чудак! Ведь даже Пушкин / Осень желтую любил! / Наша молодость в зените! / Веселее, старина! / Желтый лес... / В нем — желтый нытик / В небе — желтая луна...

С целью повышения образности, экспрессивности своих произведений, авторы используют, как известно, различные средства.

Одним из них является обращение к синонимам.

Как и многие слова русского языка, слово «желтый» имеет синонимы. В «Словаре синонимов» (под ред. А. П. Евгеньевой) дана следующая статья: «Желтый (имеющий окраску желтка, золота, лимона и т. п.) — золотой, лимонный, канареечный, шафранный и шафрановый, янтарный, соломенный, яичный».

Чаще всех нашими поэтами употребляются слова золотой, золотистый (более 80 контекстов); и прежде всего — по отношению к цвету осенних листьев: В золотой оправе листья / Замели дорожки сада — А. Ганюшкина; В листьях, золотых по краям, / Сердечная тайна моя — Г. Грибанова; Шумит Сакмара, в листьях вся / Осенних, золотых — В. Курушкин; ... листки золотые, чудные, / Как бубенчики, тихо звенят — Ю. Мелашенко; Больше все, все больше палых / Листьев алых, золотых — В. Петров; Вниз порхнула стая золотая / Листьев тополиных с поднебес — Г. Шиндяев; Танцует листик золотой / Неслышный танец за окошком — П. Юлаев; И с высоких ветвей / Золотистый листок опадает — В. Бакулин; Дождь... / Закружится с золотистой листвой / Да за белым ветерком унесется — В. Бакулин.

Многие поэты используют вместо прилагательного существительные золото, позолота: Береза как будто царица: / В листве ее — золотая цвет — Г. Грибанова; Золотом березы шелестят — А. Кириллова; Легкой позолотою осенней / Первый приукрасился листок — А. Мелешко; И вечно с нами будет эта осень / С ее неярким золотом листвы — Ю. Орябинский; ... золото в окно / Протягивает с ветви / Степной мой тополек — Л. Чернова; видимо, под влиянием аналогии между золотом и его денежным эквивалентом авторы создают такие необычные образы: Осень раскошелилась в саду, / Яркими червонцами шурша: / По колено в золоте бреду, / А в кармане нету ни гроша — Е. Вовк; Может я — единственный наследник / Золотых червонцев октября — Ю. Селиверстов.

Некоторые поэты обращаются к слову золотой при описании осеннего леса, роши в целом: Мне снилось одиночество мое / И беспечалье леса золотого – Л. Измалкова; Все леса расписаны / Златом – серебром – Н. Кожевникова; Обнажилась роща золотая, / Скинув платье под ноги зимы – Н. Крятова; Спрошу, спрошу тебя, Россия, / Где твои роши золотые – В. Курушкин; Золотая роща. Темная вода. / Не уйти отсюда никогда – Н. Лукьянова; Сброшенным золотом пенится лес – Д. Таганов и др.

И еще один объект поэты описывают с помощью слова золотой как синонима к желтый – картины осени – урожай – поля: Под ежик стриженная рожь / Соломой золотою стала – А. Возняк; ... в землю брошено зерно, / Оно должно под солнышком налиться / И в колос выйти золотой должно – Д. Даминов; ... хлебное поле, / Кланяясь ветру, / Сливается с небом чертой золотою – В. Кузнецов; Скоро, налив колосья, / Встанут хлеба, / И в срок / Солнце на них набросит / Свой золотой веночек – К. Мусорин; Полновесный колос золотой / Всю усталость, как бальзам, врачует – Г. Никитина.

Другие общеязыковые синонимы к слову желтый в наших материалах отмечены редко: Июль. / Шафрановый закат. / Пылали рыжие равнины – М. Бороздин; ... желтый лист / ... в последний час янтарен и лучист – В. Кузнецов; Походим в березовой роще, / осыпающей листья на плечи – ... / Желтые листья – лимоны, / Оранжевые – апельсин – В. Курушкин; Надо мною луна как яичный желток – А. Цирлинсон.

Подтверждая существование такого специфического признака языка художественных текстов, как индивидуальность, поэты расширяют синонимический ряд с доминантой «желтый». Кто-то из авторов усиливает семантику этого цвета образом солнца: ... пылает желтый лист, / Он солнцем жил и солнце источает – В. Кузнецов; Как солнечно / Вспыхнули желтым огнем хризантемы – В. Курушкин; Это было, это было / В октябрины, в октябрины: / Солнце клены окропило / И попало на рябины, / А еще оно задело / Нашу липу у верхушки... / Ты не сразу разглядела / Этой осени веснушки – Ю. Селиверстов.

Еще больше контекстов, включающих в описание осенней поры образ огня: (Лист – Л. И.) взлетает все выше и выше, / Ярче леса горя, ярче первых костров в сентябре – В. Бакулин; Так тепло и беспричастно / За окном листва горит... / Не мое ли это счастье / Прожигают сентябри? – О. Волошина; Томительно-нежный октябрь. / Дубовая роща в окне – Н. Герстле; Октябрь, печальный правнук лета, / Шумит на дождевом ветру..., / Горит, трепещет и пылает, / Огнем своим глаза слепя,

/ В веселом пламени сгорает, / Ему ничуть не жаль себя – Д. Даминов;
А гривы рощ так огненны, так желты... – В. Демури; ... образ авгу-
ста понятен, / И, как ни суетись, увы: / Еще тепло, но столько пятен /
Опавшей, выжженной листвы! – В. Демури.

Используют поэты еще два синонима к слову желтый, причем также
при изображении осенних пейзажей – ржавый и рыжий: Над ржавой,
пожухлой травой / Тусклое солнышко ходит кругами – Н. Волженцев;
Не каждому дано понять вот эти доли: / То зелены они, то ржавы,
то белы – В. Демури; По ним (берегам – Л. И.) и пустынно, и ржаво,
/ И полно предзимних примет – В. Демури; Порыжели листвою бере-
га – Н. Волженцев; Над рыжей степью рыжая лиса / Промчится и ис-
чезнет в перелеске – В. Макуров; Близится рыжая осень – Т. Мамедова;
Может..., / Крепче еще полюблю / Рыжий ольшаник и речку? –
В. Одноралов; И что впервые я увидел в синьке, / Разлитой щедрым
небом надо мной: / Стояла осень в желтенькой косынке / Да клен-
подросток с рыжей головой – М. Ольховик; ... где-то далеко в осеннем
поле / Родится ветер, нагоняя ночь, / Тебя охватит сонная истома, / И
рыжая ячменная солома / Тебе готова в этом сне помочь – П. Рыков.

Особо нужно, на наш взгляд, отметить такой авторский сино-
ним к слову «желтый»: Сквозь листочки цвета шерстки лисей /
Просочилась неба синева – В. Бакулин.

Не зафиксированы нами случаи употребления таких общеязыко-
вых синонимов, как канаречный, соломенный.

Работа с цветовыми лексемами непременно подвигнет поэта на по-
иски оттенков этих лексем, и наши материалы – убедительное этому
подтверждение, ср.: ...купаются в небе деревья, / Сливаясь с землей
на изнеженно-желтой заре – В. Бакулин; Так нежно-розовый вяз /
И так сорит листьями! / А этот – густо-желт – В. Демури; Вся в гла-
зах от весенней влаги / Стыло-желтая гладь прудов – В. Демури;
Поляны буйством красок удивят, / Лилово-желтым бархатным ков-
ром – А. Кириллова; На Сухой Губерле я ловлю карасей / В окруже-
нии желто-зеленых кубышек – В. Макуров; Метла мусолит пальчики /
В багряно-желтой луже – Ю. Селиверстов; Желто-синий долгий вечер
/ Жарой июльской кипит – Д. Таганов; Я пойду по желтым листьям /
И по темно-желтым лужам / В тот темнеющий лесок – А. Цирилинсон.

Все эти примеры показывают, как многоцветна палитра оренбург-
ских авторов.

Индивидуальные находки можно увидеть также и в новых, а поэто-
му в неожиданных сочетаниях описываемых цветовых лексем с каким-

либо объектом; эта необычность проявляется в ярких перифразах: На зеленом — золотые пяточки (об одуванчиках — Л. И.) — Г. Грибанова; ... мудрый ясень / Дождем все сыпал золотым — А. Кириллова; ... осень, как ни прячется, видна: / Вот нитку золотистую мониста / На яблоне оставила она — Л. Ляхова; ... ленты подсохших валков / Комбайны весь день глотают, / И в жадные рты кузовов / Бежит вода золотая — В. Петрова и др.

К числу интересных поэтических находок оренбургских авторов можно отнести, на наш взгляд, и такие метафорические и метонимические словосочетания: Становятся все золотистой / Беззащитные струны аллей — В. Бакулин; Золотыми усиками света / Щупают большак грузовики — Е. Вовк; Где солнца струны золотые, / Его лучей былая страсть? — Г. Грибанова; ... пожелтев, / Опадали годы — И. Елин; Все письма к Вам читал огонь камина, / А слезы видел желтый глаз луны — Н. Крятова; ... в полдень вовсю на сугреве писала весна / Пером золотистым зеленые первые строчки — Ю. Орябинский; Прозрачный дух ушедших летних дней / Еще живет за городом — в траве, / Во влажных кронах важных тополей — / В сентябрьской взбалмошной, чуть желтой голове — О. Смирнова и др.

Реже пользуются поэты ресурсами синекдохи, причем можно отметить некое однообразие, ср.: Желто светит мое окно, / Одиноко вися в пространстве — Т. Белозерова; Поздний день... / Катит к дальней, в желтых окошках станице — Т. Белозерова; Уже сгустилась тьма. И окна пожелтели — А. Цирлинсон; есть и другие факты: ... засветилась над речкой / Сонных лип золотая резьба — Н. Кожевникова; ... желтые брызги лимонниц в березах / Мерцающим крапом кропят наповал — Е. Курдаков.

Подводя итог нашим наблюдениям, отмечаем, что обращение лишь к одному из компонентов системы цветообозначений — к желтому цвету — показывает: цветопись относится к важнейшему признаку, отражающему картину мира и всего народа, и отдельного человека, в том числе — поэта.

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX в.

XX век стал эпохой кризиса для России, веком целого ряда катастроф, политических, экономических, демографических, духовных. Попытки преодоления этого кризиса, поиски путей дальнейшего развития страны нашли свое естественное отражение в русской поэзии. В своей статье мы обратились к исследованию поэтических фрагментов конца XX века, поставив целью проанализировать лексическую экспликацию важного для национального самосознания образа России.

Поэзия 1990-х годов XX века дает примеры разнообразной образности в осмыслении России: антропоморфной и неантропоморфной, традиционной и единичной. Среди традиционных наиболее частотным, несомненно, является образ гоголевской *Руси-тройки*:

Ответа на такой вопрос боюсь:

Куда ты так несешься, «Тройка – Русь»?

Наезженных дорог не выбираешь,

Коней до хрипа загоняешь...

(Ю. Максименко. Тройка – Русь. 1999)

Однако если у Гоголя возможно двоякое прочтение данного образа (*Русь-тройка*, устремленная в будущее, и *Русь-тройка*, несущаяся к своей гибели), то текстовое окружение в поэтических фрагментах, датированных концом XX в., способствует созданию образа «над обрывом», «под откосом»; это *Тройка*, несущаяся в никуда («*Ответа на такой вопрос боюсь: // – Куда тебя загонят, «Тройка – Русь»?*» – Ю. Максименко), загнанная и истерзанная:

И отвечает «Тройка – Русь»:

– Я и сама теперь в галоп боюсь...

Ты посмотри!

Меня изрубцевали,

На части сбрую разодрали,

Узды по заграницам растеряли

И вожжи брошены на произвол.

Подковы сбиты, коренной дрожит,

Кровавой пеной круп его покрыт...

(Ю. Максименко. Тройка – Русь. 1999)

Русская поэзия переломных периодов дает нам и другие примеры сопоставления России с представителями животного мира, как правило, хищными. Так, «Словарь поэтических образов» Н. Павлович фиксирует сравнения России *с орлом (орлицей), львом (львицей)*. Поэзия Серебряного века демонстрирует такие зооморфные гештальты исследуемого образа, как *Россия-медведь* (Нарбут, Северянин, Городецкий), *сурок* (Пастернак), *корова* (Есенин). Поэтический дискурс конца XX в., особенно после событий 1993 г., также дает примеры сопоставления Руси/России *с хищником*:

*Россия в поисках врага:
Привычка выросла в обычай.
Почуя легкую добычу,
Зверь опустил к земле рога.*

(Р. Тягунов. 1994)

Привычен и образ *России-коровы*, уточняемый эпитетом «дойная» и приобретающий в данном случае некий закрепленный в русском самосознании негативный смысл:

*Россия – дойная корова
Для проходимца и дельца?*

(В. Николаева. 1992)

Конец XX века дает и абсолютно неожиданные дефиниции, создающие иррациональный образ России, истоки которого находим еще у Тютчева («Умом Россию не понять...»):

*Россия – родина слонов,
Велосипедов, бумерангов...*

(Р. Тягунов. 1994)

К традиционным для русского национального самосознания относятся и антропоморфный образ *России/Руси-матери*, что многими объясняется той решающей ролью, которую берет на себя русская женщина, особенно в тяжелые для страны и народа периоды [1, с. 117]. Данный образ реализуется в большинстве случаев путем самоидентификации либо совмещением прямой дефиниции с самоидентификацией:

*Ты мой сын. Ты сын России.
Не молись чужим богам.*

(Н. Добронравов. Мать и сын. 1998)

*Россия – мать! Так где же твои дети?
Не защитит тебя никто на свете.*

(В. Николаева. Страна осталась без защиты... 1997)

Россия-мать в поэзии 1990-х – страдальница (Ю. Максименко), льющая слезы, дрожащая под выстрелами, одуроченная (В. Петрухин), преданная, разоренная, опозоренная (В. Николаева). Однако надежда на ее спасение есть, и это спасение – в вере:

*Край родной, нашу веру спаси!
Будем жить, только правдой дыша.
С нами – Троица вечной Руси:
Мать и сын, и Святая душа...
Только истинный выстоит храм!
Мы вернемся к своим родникам.
И пока жива Россия,
Вместе петь и плакать нам...*

(Н. Добронравов. Мать и сын. 1998)

Достаточно частотны и другие антропоморфные, как правило, женские гештальты. Наиболее распространен гештальт *России/Руси* – *старухи, старушки*, что мы склонны объяснять влиянием западного самосознания. Это подтверждает и О. В. Рябов, отмечающий, что «иногда русская женщина, особенно на Западе, ассоциируется с бабушкой, в образе которой материнские черты выражены еще отчетливее» [1, с. 117]. Данный образ в анализируемых нами поэтических фрагментах реализуется с помощью сравнительных конструкций и дефиниций:

*Потеряла Россия
В России
Россию.
Она ищет себя,
Как иголка в стогу,
Как слепая старуха,
Бессмысленно руки раскинув,
С причитаньями ищет
Буренку свою на лугу.*

(Е. Евтушенко. Потеря. 1991)

*Ах, ты наша Русь-старушка,
Знать, Господь не бережет...
Если стала побирูшкой,
Если вражий давит гнет.*

(Ю. Максименко. Русь-старушка. 1998)

Поиски духовных, нравственных ориентиров, характерные для русской общественной мысли конца XX века, рождают образ *России-странницы*, блуждающей в поисках правды:

*Россия, Россия, куда ты?
Споткнулась и снова идешь.*

(В. Самсонов. 1992)

Конец XX века возвращает поэзию и к образам, рожденным русской эмиграцией первой волны. Вновь появляются трагические образы *России* – человека растерзанного; человека, которого опять убивают; покойника:

*Опять Россию убивают:
Предатель, вор, делец, подлец.
Они Россию отведают,
Но рано. Это не конец.*

(В. Николаева. России. 1999)

К данным, ставшим почти традиционными для русской поэзии, антропоморфным образам примыкает востребованный, как правило, в переломные, трагические периоды истории образ *России-Христа*.

*Радуйтесь, когда кругом все плачут,
Что Россия гибнет на кресте.*

(Ю. Ключников. 1996)

*И, не зная, какой катастрофой
Обернутся деяния те,
Рать Россию введет на Голгофу
И распнет, как Христа, на кресте.*

(А. Росков. Пророчество. 1990)

Библейские мотивы в экспликации рассматриваемого образа поддерживаются и рядом эпитетов («*святая*», «*православная*»):

*Земля отцов!
Тебя зовут великая, святая,
Но ты святей и больше всяких слов.*

(Ю. Ключников. 1996)

*Русь православная,
Гордая, славная,
Мне без тебя не прожить бы и дня...*

(Ю. Тимонин. Русь православная. 1997)

Несмотря на высокую, положительную коннотацию данных лексем, текстовое окружение создает образ *Руси униженной*, поставленной на колени:

*Еще одна весна пришла в Россию
Со свитой непонятных перемен,*

*Приемля все – и общее бессилье,
И редкие попытки встать с колен.*

(Ю. Ключников. 1996),

а в ряде случаев представляющей собой *некое непосильное, хоть и святое бремя*:

*Тащить Святую Русь в свои чертоги
Уж Богу самому неведому.
Покинула проезжие дороги,
Буксует в вековом своем аду.*

(Ю. Ключников. 1996)

К традиционным можно отнести и указание на антропоморфную природу исследуемого образа через *называние частей человеческого тела*:

*Верю в счастье без края.
Бьет вода в роднике,
Словно жилка живая
У Руси на виске.*

(Ю. Тимонин. Родник. 1996)

*Россия, что баржа – пыхтит изгибом Волги.
Чумазая, мозоли на руках.
Под русой, солнцем выглаженной челкой,
Глаз васильковых неумный взмах...*

(С. Каргашин. 1996),

употребление *глаголов, характеризующих различные стороны жизни и деятельности человека*:

*Проснись, колючая душевная усталость.
Возьми меня в свои объятия, Русь,
И отведи пылающую грусть,
Воскресни все, что на сердце осталось...*

(Н. Трофимов. Русь. 1993)

Неантропоморфные образы исследуемого локуса в поэтическом дискурсе XX в. также, как правило, имеют традиционную природу и реализуются через *пространственные характеристики*: «простор», «высь огромная», «даль», «степь бескрайняя», «раздольная». Россия ассоциируется с *родиной, родным домом*, которые то мыслятся как горсть земли, то приобретают грандиозные масштабы:

*Сжав в кулаке своем Отчизны горстку,
Остановлю на горизонте взор.*

*А где-то далеко, в стране заморской,
Приснится мне белеющий простор!*

(В. Самсонов. Прощание эмигранта. 1997)

Нередко образ «Россия-дом» апеллирует к социально-бытовым или историческим реалиям:

*Холодное небо России,
Просторы и ветер в степи,
Российские сказки и были:
Кот в доме и пес на цепи.
Что прожито, что пережито;
Монахи, бояре, князья...*

(В. Петрухин. 1999)

Трагический дух эпохи катастроф способствует появлению образов с явно негативными пространственными характеристиками: *Россия-Помпея, Россия-дурдом, Россия-кладбище*:

*Мы были Родиной, но оборвалась связь, –
Россия кончилась, Помпея началась.*

(С. Соколкин. Краткая история. 1996)

*Вот сижу я посреди России,
Место называется – дурдом.*

(И. Жданов. Дурдом)

*И где катит тягуче – с последними силами
Смерть-старуха свой крест – на скрипучей оси,
Окопалась земля родовыми могилами
Среди глада и мора великой Руси.*

(С. Соколкин. 1994)

Россия конца XX века в поэтическом дискурсе мыслится как *нечто, что можно продать*, на что можно сделать ставку во время азартной игры. Негативное осмысление данного образа реализуется в текстах с помощью сниженной, просторечной, бранной лексики:

*Эти, что всех громче голосили,
Дураков ловили на крючок,
Как Аляску продали Россию,
Деньги поделили – и молчок.
И вопят, сопя и подвывая,
Кто – со страху, кто – и с «бодуна»,
«Кончилась Россия горевая,
Кончилась великая страна».*

(И. Жданов. 1991)

Приметой времени является сопоставление *России с наркотиком, «пол-литрой»*:

*Россия – тяжелый наркотик,
Сгущающий душу и кровь...*

(Р. Тягунов. 1990)

*Нет правды на Руси,
В милиции – порядка,
Осталось «гой еси!»,
Пол-литра и трехрядка.*

(И. Жданов. 1991)

Таким образом, анализируя локус «Россия» в поэзии конца XX века, приходим к выводу о том, что в ней представлен ряд образов традиционных, характерных для русского фольклора и литературы в целом, и новых, рождение которых продиктовано политическими, экономическими и социокультурными изменениями в стране.

Примечания

1. Рябов О. В. «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4.

2. Павлович Н. В. *Словарь поэтических образов*. В 2-х т. / М.: Едиториал УРСС, 2007.

О. А. Пороль

КОНЦЕПТ «СЛОВО» В ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ

Преодоление символизма, диаволического дискурса (выражение А. Ханзен-Леве), раздвоенности, восстановление целостного мировоззрения стало возможным после обращения акмеистов к Логосу, библейскому Слову. Осознание онтологических высот, однако, было у поэтов очень разным: интуитивно-трепетным у Мандельштама, пророчески-весомым у Гумилева.

В славяно-русской традиции Слово – это Сын Божий, Логос, Господь Иисус Христос. К Логосу акмеисты устремились, как к возможности защитить себя, искусство слова от скоротечно меняющегося внешнего мира, надвигающейся пустоты, духовного вакуума.

Мандельштам в статье «О природе слова» (1920–1922) сказал: «...Русская история идет по краешку, по бережку, над обрывом и готова каждую минуту сорваться в нигилизм, то есть в отлучение

от слова» [1, с. 222]. Примечательно, что эпиграфом к своей статье Мандельштам ставит стихотворение Гумилева, в котором вполне раскрывается изначальная природа Слова – Логос:

Но забыли мы, что осияно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

(«Слово», 1919)

Слово в поэзии акмеистов начинает обретать целостность и гармонию.

Оно вновь становится сакральным, в противовес существующему речевому хаосу эпохи начала XX в. «По существу, нет никакой разницы между словом и образом. Слово есть уже образ запечатанный: его нельзя трогать. Он не пригоден для обихода, как никто не станет прикуривать от лампадки» [2, с. 217].

В статье «Слово и культура» (1921) Мандельштам высказывает мысль о метаморфозах в современной действительности: «Христианин, а теперь всякий культурный человек – христианин, не знает только физического голода, только духовной пищи. Для него и слово – плоть, и простой хлеб – веселье и тайна» [3, с. 212]. Видимо, воссоединение обыденного и сакрального стало той насущной необходимостью, которая помогла найти объяснение «культурному взрыву» эпохи. Осознание тайны Слова и возведение «простого хлеба» до ценности святой Евхаристии – не что иное, как попытка защитить свое сознание от разрушения, от совершающихся событий в России. Так, Мандельштам считал акмеизм не только литературным, но и общественным явлением в русской истории. По выражению поэта, «с ним вместе в русской поэзии возродилась нравственная сила».

Действительно, содержание книги Н. Гумилева «Колчан», вышедшей гораздо раньше, в 1916 г., составляют военные стихи, поэтический цикл об Италии и стихи-размышления о смысле бытия. В стихотворении «Наступление» (1914) звучит все то же обращение поэта к Логосу:

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

Примечательна и еще одна мысль акмеистов, после которой едва ли останется сомнение о возведении ими слова в сакральный статус. «В жизни слова наступила героическая эра. Слово — плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание... Кто поднимет слово и покажет его времени, как священник евхаристию, — будет вторым Иисусом Навином. Нет ничего более голодного, чем современное государство, а голодное государство страшнее голодного человека. Сострадание к государству, отрицающему слово, — общественный путь и подвиг современного поэта» [4; с. 214—215].

Осознание своей миссии, ответственности за слово и готовность страдания за него осознавали и Гумилев, и Мандельштам. У Гумилева мотив пророчества о своем будущем, готовности к подвигу и одновременно трагическому финалу (смерти) проходит через ряд поэтических текстов: *Рвись, конь, но помни, что печали/От века гнать не уставали/Свободных ... гонят и досель,/Тогда поможет нам едва ли/И звонкая моя свирель* («Огромный мир открыт и манит...», 1911); *И я приму — о да, не дрогну я —/Как поцелуй иль как цветок,/С таким же удивленьем огненным/Последний гибельный толчок* («Мое прекрасное убежище...», 1913); *Вижу свет на горе Фаворе/И безумно тоскую я,/Что взлюбил и сушу, и море,/Весь дремучий сон бытия.../С этой тихой и грустной думой/Как-нибудь я жизнь дотяну,/А о будущем Ты подумай,/Я и так погубил одну* («Я не прожил, я протомился», 1915); *Пуля, им отлитая, просвищет/Над седою, вспененной Двиной,/Пуля, им отлитая, отыщется/Грудь мою, она пришла за мной./Упаду, смертельно затоскую,/Прошлого увижу наяву,/Кровь ключом захлещет на сухую,/Пыльную и мятую траву./И Господь воздаст мне полной мерой/За недолгий мой и горький век./Это сделал в блузе светло-серой/Невысокий старый человек* («Рабочий», 1916); *Но я за все, что взяло и хочу,/За все печали, радости и бредни,/Как подобает мужу, заплачу/Непоправимой гибелью последней* («Душа и тело», 1919); *В красной рубашке, с лицом, как вымя,/Голову срезал палач и мне./Она лежала вместе с другими/Здесь в ящике скользком, на самом дне* («Заблудившийся трамвай», 1919); *Я не трушу, я спокоен./Я моряк, поэт и воин./Не поддамся палачу./Пусть клеймит клеймом позорным,/Знаю — сгустком крови черной/За свободу заплачу* («В час вечерний, в час заката...», 1921).

В славянских сакральных текстах известна мысль о том, что сказанное слово обладает непреложностью исполнения. Действительно, поэт

предсказал свой исход из «оков земного бытия», заранее «соглашаясь» с «горьким будущим», чувствуя свое предопределение. Именно поэтому в поздней лирике Гумилева значение слова смерть приобретает смысловой оттенок таинства, чуда, возможности приоткрывания завесы бытия, осознания вечности: *А пламя клубилось,/И ждал конквистадор,/ Чтоб в смерти открылось/Ему Эльдorado; Только дикий ветер осенний,/ Прошумев, прекращал игру, —/Сердце билось еще блаженной,/И я верил, что я умру/Не один, — с моими друзьями,/С мать-и-мачехой, с лопухом./И за дальними небесами/Догадаюсь вдруг обо всем.*

Переход из одной (земной) действительности в другую (небесную) способен раздвигать горизонты, поднять на высоту, устремляя лирического героя к раю:

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

(«Смерть», 1915)

В последней строфе стихотворения Гумилева «Фра Беато Анджелико» (1912) также звучит мысль о скоротечности земной жизни и одновременно о необыкновенных возможностях человека, который способен любить Бога и мир:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Слово «вмещает» восходит к Логосу. Понимать («вмещать») сакральные истины способны лишь те, кто любит вечное больше временного, земного. Манделъштам, как и Гумилев, осознавал это. В стихотворении Манделъштама «Не говорите мне о вечности» звучит мысль о трагедии человеческого предопределения:

Не говорите мне о вечности —
Я не могу ее вместить.
Но как же вечность не простить
Моей любви, моей беспечности?
Я слышу, как она растет
И полуночным валом катится,
Но слишком дорого поплатится,
Кто слишком близко подойдет.

(«Не говорите мне о вечности ...», 1909)

В поэзии Манделъштама слово «вечность» — одно из самых частотных. Приведем лишь несколько примеров — *На стекла вечности уже легло/Мое дыхание, мое тепло; Струится вечности мороз; А вечность — как морской песок; Неоконченной вечности мгла; Грядущая вечность моя; Немногие для вечности живут; И Евхаристия, как вечный полдень, длится.*

Антиномия вечность/временность так и осталась в поэзии Манделъштама антиномией. Он не пришел к согласию приятия вечности бытия («Я не могу ее вместить»), как Гумилев. С этой точки зрения стихотворение Гумилева «Вечное» можно назвать программным. В нем раскрыто глубокое понимание онтологических вершин. Рассмотрим этот текст подробно:

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо — тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Выражение «Суббота из Суббот» — в славяно-русской традиции значит очень много. В Великую Субботу вспоминается сошествие Иисуса Христа в ад, когда лишь телом Господь пребывал во гробе. Одновременно это событие означает и победу Иисуса Христа над адом и смертью:

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Желание освобождения от земных условностей («дразнящего» женского тела, любви к путешествиям, которые способны рассеивать от глубоких дум) велико:

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

Слова «солнце» и «червь» — известные по своей смысловости библейские образы. Христос в русской культурной традиции отождествляется с образом солнца. Например, в праздничной песне Рождеству Христову встречается выражение: «Тебе кланяемся Солнцу правды», в акафисте Иисусу Сладчайшему — «Воссия вселенной просвещение истины твоя» (Воссияло для всей Вселенной просвещение Твоей Истины), то есть воссияло как солнце. В святоотеческой традиции принято считать, что «праведники, возрожденные словом Божиим, восси-

яют некогда, как солнце в царствии Отца их». Образ червя по специфике своих ассоциаций сложнее, чем образ солнца, мог быть заимствован автором из книг Ветхого Завета, Псалтири или в более поздних вторичных литературно-философских текстах. В Псалтири есть псалом, где скорбно описываются крестные страдания Христа: «Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей» (Пс. 21: 7). По мнению святого Феодорита, эти слова произнес Господь, уничая себя, испытывая боль за все человеческие грехи мира:

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим уладам
И ясно милостив к вине,

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

(«Вечное», 1912)

Твердая вера (выражение Н. Гумилева), что земная реальность не отражает полноты бытия, что существует духовная реальность, которую поэт стремился постичь целостно, — составляет основу его поэтической концепции слова. В поздней лирике Гумилева происходит сложное сосуществование автора в земном мире и мире сакральном.

В поэзии Мандельштама поиск веры, смысла бытия продолжался автором до конца жизни. Семантическая наполняемость слова «вечность» на протяжении всего творчества поэта, была разной. В данном случае, на эту разность влияла не эволюция взглядов поэта, а его понимание вечности с Богом и вечности вне Бога.

Таким образом, философия акмеистов имела один и тот же вектор — вектор вечности и, несмотря на неоднородность в понимании многомерного значения этого слова, была направлена на воссоздание в слове изначального, потерянного литературой Логоса.

Примечания

1. Мандельштам О. Э. О природе слова. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Стихи и проза 1906–1921. М.: Арт–Бизнес–Центр, 1999.

2. Указ. соч. С. 217.

3. Указ. соч. С. 212.

4. Указ. соч. С. 214–215.

СЕКЦИЯ 5

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ, ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ И ПИСЬМЕННОСТИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

И. В. Люкшина

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ И УКРАИНА (обзор документов и печатных изданий ГУ «ЦДНЮО»)

Широко известно, что Оренбургская область – один из многонациональных регионов России. Данные последней переписи населения (2002 г.) свидетельствуют о том, что на ее территории проживают представители 119 национальностей. Главная житница страны обживалась и осваивалась трудом представителей многих народов. Для многих переселенцев Оренбургская область стала родным домом.

Как свидетельствуют историки, первые выходцы с Украины в Оренбуржье появились в XVIII в., а основная масса их последователь – на рубеже XIX – начале XX вв. На территории современных районов восточного Оренбуржья – Адамовского, Домбаровского, Ясенского – возникло 78 украинских поселений с населением в 43,4 тыс. чел. Они принесли исторически сложившуюся культуру земледелия, развивали огородничество, бахчеводство, народные промыслы: гончарное, кузнечное дело. Проживая среди русского и другого национального населения, украинцы вступали в тесное общение, в хозяйственные, бытовые, культурные связи с окружающим населением.

В годы индустриализации много украинцев прибыло в г. Орск на строительство крупных промышленных предприятий: мясохладкомбината, крекинг-завода, никелькомбината. Особое место в истории г. Орска с этого времени занимает удивительный человек, талантливый сын украинского народа, Иосиф Леонтьевич Рудницкий – геолог, лауреат Государственной премии. Ему принадлежат открытия самых важ-

ных месторождений восточных районов Оренбуржья, послуживших для строительства Медногорского, Новотроицкого металлургического, Орского никелевого, Гайского горно-обогатительного комбинатов. Лучшим среди строителей завода «Орскнефтеоргсинтез» стал украинец Василий Пшеничный.

В предвоенные годы в основном завершилось формирование украинского населения Оренбуржья, достигшего численности свыше 150 тыс. человек, и трехсот украинских населенных пунктов. Более половины украинцев проживало в восточной и южной части области и меньше всего – в западных и северо-западных районах. По данным переписи 1939 г. наибольший удельный вес 42,2 % – украинцы составляли в Акбулакском районе, в Домбаровском – 38,1 %, Адамовском – 30,5 %, Ташлинском – 22,2 %. Более или менее компактное проживание и значительное украинское население было также на территории современных Гайского, Беляевского, Ясенского районов.

Украинцы-оренбуржцы мужественно и храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них удостоены высших наград. Золотыми звездами Героев Советского Союза отмечены украинцы М. Г. Клименко, В. Д. Радченко, Н. Н. Оноприенко, В. Синчук, Н. Горбань и многие другие.

Из Украины вывозились в первую очередь военные, машиностроительные и металлообрабатывающие заводы. Огромным потоком шли эшелоны с оборудованием и людьми. В Чкаловской (Оренбургской) области были приняты более 30 украинских промышленных предприятий и артелей. По неполным данным картина размещения эвакуированных украинских заводов, фабрик, артелей выглядела следующим образом [1]:

Наименование предприятий, прибывших из Украины	Место размещения
Артель «Металлопромсбыт» из г. Сталино	Адамовский район, п. Кумак
Барский машиностроительный завод из Винницкой области	г. Бузулук
Ворошиловградская обувная фабрика	Кваркенский район
Ворошиловградский паровозоремонтный завод	г. Чкалов
Ворошиловградский патронный завод № 545	г. Чкалов
Днепродзержинская швейная фабрика	г. Орск
Днепродзержинский металлургический комбинат	г. Орск
Днепропетровская артель «Красный штамповщик»	г. Чкалов
Днепропетровская фабрика головных уборов	г. Медногорск

Днепропетровская швейная артель «XVII лет Октября»	г. Чкалов
Днепропетровская швейная фабрика	г. Медногорск
Днепропетровский завод «Спартак»	Адамовский район, п. Кумак
Днепропетровский металлургический комбинат им. Г. И. Петровского	г. Орск
Запорожский мельзавод № 14	Абдулино
Запорожский обозостроительный завод	ст. Колтубанка
Киевская артель «Красный штамповщик»	Кувандык
Киевский дрожжевой завод	г. Чкалов
Киевский завод № 245 Главного управления Гражданского Воздушного Флота	г. Чкалов
Киевский пивзавод	г. Акбулак
Киевская фабрика химической обработки бумаги	Соль-Илецк
Мелитопольский мельзавод № 18	г. Бугуруслан
Николаевский инструментальный завод	г. Бузулук
Одесский завод «Автозапчасть»	г. Чкалов
Полтавский мясокомбинат	г. Чкалов
Полтавский станкостроительный завод «Коммунар» (г. Лубны)	п. Саракташ
Харьковский ремонтно-артиллерийский завод (г. Балаклея)	п. Донгуз
Черниговская кожевно-галантерейная фабрика (г. Прилуки)	г. Бузулук
Черниговская перчаточная фабрика (г. Прилуки)	г. Бузулук
Черниговская чулочная фабрика (г. Прилуки)	г. Бузулук

Успешная работа эвакуированных предприятий зависела в значительной степени от устройства рабочих, служащих и их семей на новых местах: в начальный период войны прибывали тысячи людей. В г. Орск из Днепропетровска перебазировали Днепропетровский металлургический завод им. Г. И. Петровского, Днепропетровский завод им. Ф. Э. Дзержинского, Днепропетровский коксохимический завод. С оборудованием данных трех заводов отправили 5038 человек, из которых 1274 – рабочих, ИТР вместе со служащими – 683 и членов семей – 3071. Из г. Балаклеи Харьковской области с ремонтно-артиллерийским заводом № 2 приехали 2700 человек. Из Днепропетровска с военным заводом № 79 прибыли в Чкаловскую область 1326 человек и 1694 членов их семей. С заводом № 545 эвакуировались 671 работник, с заводом «Автозапчасть» из г. Одессы – 172.

Чкаловская область приняла и разместила значительное количество детских учреждений из Украины: школьные и дошкольные детские дома, детские сады, отдельные группы детей. 17 детских учреждений поступили из 5 областей Украины: Винницкой, Днепропетровской, Киевской, Полтавской, Херсонской. Например, детский дом из с. Галицкого Градижского района Полтавской области поступил в с. Вторая Украинка Екатериновского района Чкаловской области. О своих воспитанниках учительница С. Н. Зозуля спустя годы писала: «Учились дети хорошо. Тогда не было тетрадей, книг. Мы покупали разные брошюры, разлиновывали их и учили детей писать. Книга для чтения была одна. Заданные учителем уроки мы переписывали и каждому ученику давали, чтобы учил. Иногда приходилось сидеть всю ночь, чтобы приготовить детям задание».

С началом Великой Отечественной войны в область перебазировались военно-учебные заведения Украины:

Место дислокации накануне войны	Наименование военно-учебного заведения	Место дислокации в военное время	Сроки пребывания
г. Полтава	Полтавская высшая офицерская школа штурманов	п. Соль-Илецк	Сентябрь 1942 г. – февраль 1944 г.
г. Евпатория	Курсы усовершенствования комсостава зенитной артиллерии	г. Чкалов	Сентябрь 1942 г. – ноябрь 1944 г.
г. Киев	Курсы усовершенствования комсостава ПВО	п. Сорочинск	13 июля 1941 г. – 17 июля 1942 г.
г. Киев	13 артиллерийская спецшкола	с. Илек	25 августа 1941 г. – ?
г. Киев	Военно-авиационная спецшкола	с. Илек	Не установлено
г. Киев	Спецшкола ВВС	г. Бугуруслан	Май 1943 г. – июнь 1943 г.

В г. Чкалов (Оренбург) эвакуирован Украинский институт эпидемиологии и микробиологии им. И. И. Мечникова. Прибывшие из г. Харькова научные сотрудники института эпидемиологии и микробиологии сразу же приступили к производству бактериальных препара-

ратов для предохранения фронта и тыла от эпидемиальных вспышек. Институт исследовал биологические антисептики, брюшнотифозный бактериофаг, краевую эпидемиологию, занимался изучением этиологии септической ангины, что вылилось в несколько десятков научных работ. Систематически на передовые линии, зачастую на самолетах доставлялись препараты против раневых инфекций: столбняка, гангрены, против кишечных заболеваний: дизентерии, брюшного тифа, дифтерии и т.д. Профессора и преподаватели, помимо выполнения своих основных обязанностей, работали в оренбургских госпиталях, клиниках в качестве консультантов. Оценкой труда института явилось награждение его директора М.С. Сегаль в 1942 г. орденом Трудового Красного Знамени «за успешное проведение противоэпидемических мероприятий и самоотверженную работу в госпиталях по лечению бойцов и командиров, раненных в боях с немецкими захватчиками». В 1944 г. в г. Чкалове были опубликованы «Материалы по септической ангине» — результат совместных исследований ученых Харьковского и Чкаловского эпидемиологических институтов, получившие высокую оценку московских коллег.

Летом 1941 г. в г. Чкалов прибыл 1-й Харьковский медицинский институт. Вместе с институтом приехали 300 студентов. Институт провел 4 выпуска врачей: 511 специалистов, в основном пополнивших ряды фронтовых врачей. Ученые института плодотворно занимались научной работой: в 1941 г. они завершили 90 исследований, в 1942 г. — 115. В военное время здесь работал Украинский институт экспериментальной ветеринарии. Коллектив института разработал препарат кольостройль, предотвращающий кишечные заболевания сельскохозяйственных животных.

В военный период на территории области работали 2 украинских театра — Сумской областной государственной театр им. М.С. Щепкина и Харьковский музыкально-драматический театр им. М.Л. Кропивницкого.

Весом вклад тружеников-украинцев в освоение целинных и залежных земель. 50 лет назад сотни тысяч молодых посланцев России и других республик бывшего СССР, в том числе и Украины, прибыли в наш край обживать пустынные степи. Другие оказались здесь по направлению как специалисты различных отраслей. Здесь они обзавелись семьями и навсегда остались жить и работать. Часто на целину приезжали семьями. Так, например, в 1954 г. в колхозы Халиловского района прибыла 131 семья переселенцев из Днепропетровской области. Им было

передано 22 жилых дома и строились еще 46 домов. 119 семей переселенцев приобрели домашнюю живность: коров, кур, свиней и овец. Им была выдана ссуда на строительство жилых домов 50 тыс. руб., на приобретение скота 137 тыс. руб. колхозы района обеспечили их продуктами питания до урожая 1955 г. Колхозы Кувандыкского района в 1954 г. приняли 77 семей с Украины [2].

За помощь в уборке богатого урожая Оренбургский обком ВЛКСМ награждал в 1955–1956 гг. молодых украинцев – 14 юношей и девушек значком «ЦК ВЛКСМ» «За освоение целинных земель». В Книгу почета Оренбургского обкома ВЛКСМ занесены: В. Г. Мартынюк, тракторист зерносовхоза «Восточный» Адамовского района, прибывший по комсомольской путевке из с. Ольгополье Винницкой области, трактористы В. Г. Доценко, Н. П. Зубаренко и др. Немало украинцев-оренбуржцев завоевало высокое звание Героя Социалистического Труда. Среди них: К. В. Еременко, А. В. Коваленко, А. С. Гайдук, Г. К. Железняк, много сделавшие для развития сельского хозяйства области [3].

В Оренбуржье действуют национально-культурные организации украинцев. Создание одной происходило на базе культурного наследия украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко, в связи с чем оно получило и свое название «Оренбургское областное украинское культурно-просветительское общество им. Т. Г. Шевченко». Официальная регистрация общества произошла 24 июля 1992 г. На учредительной конференции приняли участие около ста посланцев городов и районов области. Их корни находятся в Украине, а вторую родину они обрели на Урале. В общество входят известные в области деятели культуры и искусства, а также украинцы, связанные с производством. Созданное украинское культурно-просветительское общество оказало большое влияние на развитие фольклора. Оно способствовало объединению 37 фольклорных коллективов, в которых в 1995 г. увлеченно работало более 1500 самодеятельных и профессиональных артистов.

Основная направленность деятельности данной организации четко обозначена в ее Уставе, где в общих положениях сказано, что общество действует как единый общественный орган украинцев, проживающих на территории Оренбургской области, осуществляет свою деятельность в тесном контакте с государственными органами, учреждениями культуры, народного образования, а также с общественными организациями области, Российской Федерации и Украины, другими республиками и государствами.

Общество не преследует политических целей и не ставит перед собой политические задачи национальной обособленности украинцев. Оно утверждает дружбу и единство народов многонациональной области. Также стремится удовлетворять потребности украинского населения в области литературы, искусства, истории, языка, сохранения и умножения культурных традиций украинского народа, сохранения и расширения связей украинцев Оренбуржья с Украиной. Осуществляется и благотворительная деятельность путем организации материальной и моральной поддержки нуждающимся в получении образования, строительстве жилья. Общество заботится о памятных местах украинской культуры и русско-украинской дружбы, обустроивает памятники. Защищает и представляет интересы украинского населения области на всех уровнях и во всех случаях, когда возникает такая потребность, в установленном законом порядке.

Следующей ступенью развития деятельности в сфере расширения культурного влияния на граждан Оренбургской области, имеющих украинские корни и привлечения их к общественной жизни общества, стало открытие Оренбургской областной украинской культурно-просветительской общественной организацией им. Т. Г. Шевченко 27 марта 1993 г. института Тараса Шевченко. Главные задачи института в уставе сформулированы следующим образом: всестороннее научное изучение жизни и творчества Т. Г. Шевченко периода его солдатчины (1847–1857); пропаганда жизненного и творческого подвига Т. Г. Шевченко среди населения, увековечение памяти о нем в местах его неволи (музеи, библиотеки, мемориальные дороги и маршруты, проведение праздника Шевченковский март и пр.); подготовка знатоков и пропагандистов жизни и творчества Т. Г. Шевченко в рядах студенческой и учащейся молодежи.

Однако основатели института столкнулись с весьма сложной проблемой. Вот что писал по этому поводу один из создателей института Л. Н. Большаков: «Острейшим для нас является вопрос о собственных кадрах образованных специалистов в украинском языке, украинской литературе, украинской истории». Несмотря на это, институтом была проведена большая работа, особый вклад в изучение творческого наследия Т. Г. Шевченко внес сам Л. Н. Большаков. Без проведения такого рода работы невозможно говорить об успешном проведении этнокультурной политики в регионе относительно данной этнической группы в частности и всех других национальностей в целом.

Именно начало 90-х гг. стало периодом, в котором зародились и многие другие общественные организации, преимущественно сконцентрированные в местах компактного проживания украинцев. Для примера назовем только несколько из них: Дедуровская украинская общественная организация (образована в 1992 г.), Богдановская украинская общественная организация (1992 г.), Украинская общественная организация с. Украинка Сакмарского района (1992 г.) и др. В настоящее время на территории Оренбургской области действует 15 национально-культурных украинских организаций, причем 14 из них районные и одна областного уровня [4, с. 85-86].

Особым показателем результата, который достигнут украинскими общественными организациями совместно с правительством Оренбургской области, является увеличение количества людей, участвующих в мероприятиях Шевченковского марта. В этой связи показателен 30-й по счету фестиваль, проведенный в рамках Шевченковского марта. Только в заключительном гала-концерте приняли участие 14 творческих коллективов и солистов – как профессиональных, так и самодеятельных украинских творческих коллективов г. Оренбурга и области. Среди них можно выделить народный ансамбль танца «Ритм» областного училища культуры, вокальный ансамбль «Криница» с. Дедуровка, детский образцово-показательный ансамбль «Алена» из г. Оренбурга, народный вокальный ансамбль «Тюльганочка», солистов Руслана Куценко и Сергея Мельникова, которые являются лауреатами различных конкурсов, и других.

Важное значение приобретает и деятельность библиотек им. Т. Г. Шевченко, расположенных в Оренбурге и Орске и имеющих в своих фондах более 3,5 тыс. книг на украинском языке.

Все это свидетельствует о той важной роли, которую занимают национальные общественные организации в формировании и осуществлении этнокультурной политики в регионе, тем более, если подобные мероприятия организуются при активном взаимодействии с органами власти.

Примечания

1. ЦДНННОО. Ф. 371 (Оренбургский областной комитет КПСС). Оп. 5. Д. 113. Л. 63. Д. 301. Л. 22. Д. 491. Л. 77; Оп. 9. Д. 236. Л. 61; Оп. 18. Д. 873. Л. 14.

2. ЦДНННОО. Ф. 1378 (Кувандыкский районный комитет КПСС). Оп. 13. Д. 1. Л. [72].

3. ЦДНННОО. Ф. 1697 (Оренбургский областной комитет ВЛКСМ). Оп. 9. Д. 724. Л. 117; Д. 1052. Л. 221.

4. Оренбуржье в контексте информационной политики общественных и внешних связей: ежегодный доклад, 2007 г. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2008.

К. А. Моргунов

БЕЛОРУСЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В РУСЛЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Численный состав белорусского населения, проживающего на территории Южного Урала на рубеже XIX–XX вв. установить достаточно сложно в силу того, что в ходе проведения переписи населения белорусов не рассматривали как самостоятельный этнос. По подсчетам профессора Л. И. Футорянского, опирающегося на данные о родном языке, по переписи 1897 г., в Оренбургском казачьем войске числилось 1493 белоруса [1, с. 159].

Численность белорусов на территории Южного Урала значительно увеличилась в ходе реализации столыпинской аграрной реформы. В Башкирии белорусы образовали свои поселения в бассейне реки Сим, на территории Инглинского и Архангельского районов [2, с. 36]. В основном это были выходцы из восточных и центральных областей Белоруссии: Могилевской, Витебской и Минской губерний. В 1912–1913 гг. в Уфимском уезде насчитывалось 5600 белорусов, которые имели 865 хозяйств и проживали в 83 населенных пунктах [3, с. 5].

Национальная политика, проводимая органами советской власти была направлена, прежде всего, на выравнивание социально-экономического положения всех этнических групп населения и поэтому органы власти в основном акцентировали свое внимание на так называемых «отсталых» народах. Белорусы в их число не попадали и в связи с этим, какие либо специфические мероприятия по отношению к этой этнической группе населения на территории Южного Урала не проводились. Другим немаловажным фактором отсутствия особого внимания к белорусскому населению региона является дисперсность расселения белорусов, что затрудняло проведение советской национальной политики с учетом специфики культуры и быта белорусского народа. Однако белорусы безусловно попадали в общую сферу деятельности органов советской власти в ходе реализации национальной политики, активно участвовали в советском строительстве, и эта деятельность оставила свой яркий след в истории южно-уральского региона.

По данным переписи 1920 г. в Челябинской губернии проживало 9388 белорусов, из них 1909 городских жителей и 7190 сельского населения [4]. В границах «Большой Башкирии» по переписи населения 1920 г. проживало 32443 белоруса [5, с. 27]. Изменение границ республики в ходе советского строительства привело к значительному снижению численности белорусов в Башкирии. В Башкирии по данным на 1922 г. проживало 16984 белорусов, что составляло 0,69% от общей численности населения республики [6]. Перепись 1926 г. показала, что в пределах автономной Башкирской республики проживало 18281 белорус (удельный вес по-прежнему составлял 0,69%). Из них городское население составляло всего 376 человек (в г. Уфе проживали 164 белоруса), основная же масса белорусов – 17905 человек (или 97,94%) проживали в сельской местности. На белорусский язык как на родной указали 8179 человек, что составляло 0,31% от общей численности белорусов республики [7, с. 28–29].

В годы советской власти одним из основных показателей реализации национальными меньшинствами своих политических прав и свобод являлось непосредственное участие их представителей в деятельности государственных и партийных органов, представительство их в различного рода общественных организациях и объединениях. Этому аспекту национальной политики придавалось очень важное значение. Для выравнивания правового положения национальных меньшинств важно было не только разрешить проблемы национально-государственного строительства, но и организовать работу так, чтобы в соответствующих органах работали представители национальных меньшинств, чтобы делопроизводство велось на их родном языке. Приближение управленческого аппарата к национальному населению создавало определенную гарантию учета его самобытности, позволяло активнее участвовать в политической жизни страны и отстаивать свои особые интересы. Для реализации этих задач необходимо было выработать систему подготовки новой национальной партийно-политической элиты, создать структуру партийных и советских образовательных учреждений, способных в короткие сроки подготовить национальные управленческие кадры, призванные, в свою очередь, продуцировать и распространять среди населения новые образцы ценностных норм, духовной жизни и поведения.

Основополагающие принципы регулирования национальных отношений были закреплены уже в первых декретах Советской власти. Так, в Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.) в качестве

основы деятельности СНК в области национальной политики устанавливались принципы свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России, отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

Гарантиям прав и свобод национального населения Республики была посвящена статья 22 Конституции РСФСР, утвержденной 10 июля 1918 г. [8, с. 554].

Закрепление основополагающих принципов национальной политики Советского государства содержится в решениях X и XII съездов РКП(б). В резолюциях съездов указывалось на необходимость оказания помощи всем народам в развитии и укреплении советской государственности в формах, соответствующих их национально-бытовым особенностям и действующих на родном языке, создания широкой учебной сети для подготовки национальных кадров партийно-советских работников и квалифицированных рабочих. Большое значение придавалось созданию в национальных районах крепких, тесно связанных с массами коммунистических организаций, для чего требовалось широкое привлечение национального населения в структуры партийных органов.

Сразу после Октябрьской революции одним из приоритетных направлений организации органов власти на местах стало образование Советов с учетом особенностей национального состава населения, проживающего на соответствующих территориях. Осуществление этого принципа нашло свое отражение и на территории Южного Урала. Уже 16 апреля 1918 г. на заседании Оренбургского исполнительного комитета Советов в качестве основополагающего принципа при проведении предвыборной кампании по выборам делегатов Первого Оренбургского губернского съезда Советов было определено проведение ее «исходя из национально-пропорциональных начал» [9]. На самом съезде присутствовало 1200 делегатов, среди которых были представители большинства этнических групп, населяющих край [10].

17 марта 1918 г. Временным Советом Башкортостана была опубликована Инструкция «Об организации Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на территории автономного Башкортостана». Исходя из этой инструкции, Советы на местах самостоятельно определяли принципы национального представительства. Так, в резолюции «О власти» (от 26 марта 1918 г.) Второго съезда Советов крестьянских депутатов Белебеевского уезда указывалось на необходимость органи-

зации советской власти, «...исходя из национально-пропорциональных начал». В резолюции Первого Учредительного съезда Советов крестьянских депутатов Стерлитамакского уезда «Об организации советской власти в уезде» отмечалась необходимость введения в состав организуемых местных советов «по одному представителю от народностей, населяющих уезд» [11, с. 93, 98].

В феврале 1919 г. приступил к своей деятельности отдел по делам национальностей при Оренбургском губисполкоме. В постановлении Оренбургского губисполкома от 12 февраля 1919 г. предлагалось вновь организованному отделу «срочно заняться организацией пролетарских масс различных национальностей в духе коммунизма» [12].

Отдел по делам национальностей при Уфимском губисполкоме был образован в августе 1919 г. [13]. Несколько позже, в феврале 1921 г., был организован отдел по делам национальностей при Челябинском губисполкоме [14]. Однако белорусские подотделы, как специальные органы, призванные проводить советскую национальную политику среди белорусского населения нигде созданы не были. Основное внимание советских органов было направлено на «мусульманские» народы Южного Урала.

Исключительное значение придавалось вовлечению представителей национальных меньшинств в ряды партийных организаций. В решениях VIII-го съезда РКП(б) указывалось на необходимость создания специальных отделов при местных комитетах РКП(б), в том числе и национальных. В проекте Устава РКП(б), рассмотренном VIII Всероссийской конференцией РКП(б), были изложены принципы организации этих отделов. В нем говорилось: «В местах, где население состоит из двух или нескольких групп различных национальностей, для более успешной среди них пропаганды и агитации на их родном языке, комитеты РКП организуют особые отделы; в состав отдела входят члены РКП, владеющие языком той национальности, среди которой надлежит организовать партийную работу» [15].

В ноябре 1920 г. ЦК РКП(б) утвердил положение о национальных секциях и подотделах нацменьшинств. Согласно положению, задача подотдела состояла в объединении и руководстве агитацией и пропагандой на родном языке среди национальных меньшинств, находящихся вне своей автономной области или республики, или вовсе не имеющих таковой в пределах РСФСР. [16]. В задачи подотделов входило руководство работой на местах среди национального населения, разработка и внесение в ЦК РКП(б) предложений по вопросам партийного

и советского строительства, вытекающим из экономических и культурных особенностей разных национальных групп.

Исходя из этих решений на Южном Урале при губернских и уездных комитетах РКП(б) стали создаваться национальные секции и отделы. В ноябре 1919 г. решением III-й губернской партконференции при Оренбургском губернском комитете РКП(б) был организован отдел национальных меньшинств с мусульманской (или татарской) и иностранной секциями [17]. Попытка создания белорусской секции была предпринята в 1921 г., но к работе она не приступила [18, с. 34]. При Челябинском губкоме РКП(б) в 1920 г. была создана литовско-белорусская секция, секретарем которой стал И. А. Лисовский [19]. Но никаких сведений о ее практической деятельности нам обнаружить не удалось.

В большинстве документов, касающихся проведения национальной политики на Южном Урале, характеристика этнических групп населения рассматривалась по трем основным национальностям: башкиры, татары и русские. Данные об остальных национальных меньшинствах зачастую сводились лишь к обобщению — «прочие», что во многом затрудняет точную характеристику их правового положения и степень участия белорусов, проживающих на территории Южного Урала в советском строительстве и общественной жизни. Тем не менее, постараемся привести некоторые примеры участия белорусов в деятельности советских и партийных органов власти.

Для осуществления коренизации советских и партийных аппаратов требовались грамотные, специально подготовленные и разделяющие официальную идеологию работники из среды национального населения. Ввиду этого не случайно то внимание, которое уделялось подготовке аппаратчиков и партийной номенклатуры из представителей национальных меньшинств — проводились партийные недели, открывались политкурсы, созывались партийные и беспартийные конференции для представителей национальных меньшинств.

В дальнейшем основные кадры советских и партийных работников проходили подготовку через систему совпартшкол. К 1923 г. только в Башкирской АССР функционировало 4 совпартшколы, из них две в Уфе (II ступени) и по одной — в Бирске и Стерлитамаке (I ступени). В течение 1923—24 учебного года в них обучалось 374 курсанта (окончило 350), в том числе один белорус [20].

С целью привлечения национальных меньшинств в совпартшколы, по отношению к ним были уменьшены требования при поступлении, в частности, касающиеся партийного или комсомольского стажа при-

нимаемых, политзнаний, знаний по общеобразовательным предметам [21].

Еще одним мероприятием по повышению квалификации работников на местах стало функционирование школ-передвижек. В 1924/25 учебном году такие школы были посланы в 40 волостей Башкирии. Всего через школы-передвижки по Башкирии в 1924 г. прошло 1528 слушателей, из них 5 белорусов [22].

Немаловажную роль в деле подготовки национальных кадров, способных замещать руководящие должности в советских и партийных органах, играла практика бронирования мест в вузах страны для представителей национальных меньшинств. В 1923 г. из Башкирии в вузы страны были командированы 64 представителя национальных меньшинств, из них один белорус, который был направлен в Свердловский университет [23].

В постановлении III Всесоюзного съезда советов «О советском строительстве» от 20 мая 1925 г. отмечалось, что в целях полного и повсеместного обеспечения прав национальных меньшинств необходимо проведение следующих мер: «введение во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств; в случаях значительной численности национальных меньшинств — образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организация школ и судов на родном языке» [24, с. 556].

На VII Оренбургском губернском съезде Советов (1925 г.) также поднимался вопрос о необходимости строгого соблюдения принципов национального представительства в органах власти на местах. В резолюции съезда «Об очередных задачах советского строительства в деревне», в частности, отмечалось: «Изучение работы, разработка ряда мероприятий ... как-то: формирование национальных советов, вовлечение в советы, культурная работа и т. д., с учетом национальных и бытовых особенностей, должны стать очередной задачей работы на местах губернских совещаний» [25, с. 10].

При проведении предвыборных кампаний вопросам национально-го представительства уделялось особое внимание. Советскими и партийными органами распространялись соответствующие циркулярные письма и инструкции, в которых указывалось на необходимость учета в ходе проведения избирательных кампаний и при выдвижении кандидатов национального фактора.

В резолюции, принятой на сессии Оренбургского губернского исполнительного комитета, от 25 декабря 1926 г. «По перевыборной

кампании советов», в связи с этим указывалось: «...При разбивке избирательных участков должны быть учтены национальные, бытовые и другие особенности. В тех поселках, где имеются национальные меньшинства в количестве, дающем возможность посылки от них одного депутата, должны быть образованы отдельные национальные избирательные участки и работы по перевыборам должны проводиться на родном языке» [26].

При организации сети избирательных участков в ходе проведения предвыборной кампании 1927 г. в Оренбургской губернии губисполкомом в основу был положен принцип учета национальных и бытовых особенностей населения [27].

С целью активизации участия национальных меньшинств в выборах на места командировались уполномоченные губернской избирательной комиссии, владеющие языком той или иной национальности, посылались директивные письма о порядке проведения выборов, лозунги и обращения на национальных языках. В местах компактного проживания национальных меньшинств в период проведения отчетно-предвыборных кампаний проводились собрания на родном языке населения.

Данные о перевыборах советов по Оренбургской губернии в 1927 г. свидетельствуют о том, что в составе волостных (районных) съездов имелся один представитель белорусской национальности (что составляет всего 0,1 % от общей численности депутатов), и также один белорус участвовал в работе уездных съездов советов (соответственно 0,2 %) [28].

Широко были представлены национальные меньшинства на Башкирском республиканском съезде Советов 1925 г., в работе которого приняли участие в том числе и два представителя от белорусского населения республики (всего 221 депутат) [29].

В 1930 г. в состав членов 1-го пленума горкома ВКП(б) г. Челябинска входили три белоруса (всего 67 членов). В этом же году среди служащих Окрика и Окрусда г. Челябинска числились по одному белорусу [30].

При этом следует отметить, что количество выборных должностей, которые предоставлялись национальным меньшинствам, зачастую планировалось заранее. Нормы представительства от национальных меньшинств специально оговаривались в директивных документах, исходящих от советских органов власти. Так, в письме, распространяемом Оренбургской окружной избирательной комиссией по всем районным избирательным комиссиям в связи с проведением в 1928 г. рай-

онных и окружных съездов Советов (в связи с образованием Средне-Волжской области), специально отмечалась необходимость при выдвижении делегатов учитывать национальные особенности. «Все эти особенности, – говорилось в письме, – ставят перед нами задачу такого подбора работников районных исполнительных комитетов, при котором было бы обеспечено представительство и от казачества, и от национальных меньшинств» [31].

Исходя из этого, окружной организационной комиссией были разработаны специальные нормы представительства делегатов от национальных меньшинств. Эти нормы разрабатывались с учетом количественных данных по национальному населению в каждом районе. Общее количество делегатов на съезде определялось в 180 человек, из них 60 представляли Оренбургский горсовет, остальные распределялись по районным исполкомам на основе разработанных норм. Таким образом, по расчетам Организационной комиссии, на съезде должно было присутствовать 48 делегатов от национальных меньшинств (42 от районов и 6 от г. Оренбурга), что составляло 27 % от общего числа депутатов на съезде.

Реально на окружном съезде Советов присутствовало 173 делегата. Представители от различных групп национального населения составляли – 25,5 % от общей численности делегатов съезда, в числе которых белорусы составляли 0,6 % [32].

В вопросах административно-территориального устройства национальных меньшинств правительство шло на исключительные уступки. Например, если для образования обычного сельсовета необходимы были семиверстный радиус территории и не менее 600 жителей, то для национального сельсовета допускались более низкие нормы.

Подотдел национальных меньшинств при агитационно-пропагандистском отделе Башкирского обкома ВКП(б) в своем отчете за 1925 г., указывая на одну из своих основных задач в области советского строительства, отмечал необходимость проведения как сельского, так, по возможности, и волостного перерайонирования в тех местностях, где недостаточно учтены национальные интересы и где возможно создать наиболее национально однородные сельские советы и волости. Далее в отчете, при рассмотрении итогов проведения выборной кампании 1925 г., отмечалось соблюдение, в целом, интересов национальных меньшинств, а также то, что в большинство волисполкомов были выдвинуты на посты либо председателей, либо их заместителей представители от национальных меньшинств [33].

В Челябинской губернии к 1925 г. насчитывалось 11 сельских советов, более 50 % населения в которых приходилось на национальные меньшинства. В их ряду можно выделить Чебычанский сельсовет Кочердыкского района, в котором белорусы составляли 19,7 %, и 42 % составляли украинцы, а также Чернореческий сельсовет, в котором белорусы и немцы составляли 35,6 % населения, а остальные 74,4 % приходились на украинцев [34].

Национальные меньшинства, проживающие на территории Троицкого округа, к началу 1925 г. составляли 14 % от общей численности населения округа (около 265 тысяч человек). По данным статбюро по районам Троицкого округа (не включая города), к 1926 г. проживали всего 38 белорусов. В течение двух лет, начиная с 1925 г., когда было разрешено переселение из центральных районов республики, на территорию Троицкого округа прибыло 386 белорусов и 3925 украинцев. Всем им была оказана единовременная помощь в размере 300 рублей, а также специально образованным тракторным отделом водворения вспахано 1500 десятин целинных земель на нужды переселенцев [35].

В Башкирии к началу 30-х годов насчитывалось три национальных района (два марийских и один чувашский), а также около 150 национальных сельских советов, среди которых было 2 белорусских [36, с. 295]. В общем числе 1297 сельсоветов белорусские составляли 0,7 %.

Базовым принципом советской образовательной политики являлся принцип «школа на родном языке». Большое значение для становления национальной школы имело Постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», принятое в октябре 1918 г. В нем говорилось о предоставлении всем национальностям права вести обучение детей на родном языке. В то же время «с целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей» в национальных школах вводилось обязательное изучение языка большинства населения той или иной области [37].

В 1920 г. грамотными были 27,93 % белорусов. По данным переписи населения 1926 г., грамотность среди населения Башкирской АССР в среднем равнялась 31 %. При этом уровень грамотности белорусского населения был даже несколько выше этого показателя и составлял 32,5 % (башкиры – 24 %, татары – 30,8 %, русские – 36,5 %, украинцы – 37,6 %, чувашаи – 27,9 %, вотяки – 15,1 %, мордва – 26,7 %, немцы – 62,4 %, поляки – 64,3 %, евреи – 76,3 %) [38, с. 314–315].

В Уральской области, в состав которой входили Челябинский и Троицкий округа (1923–1934 гг.) предпринимались меры по обеспечению школ в районах компактного проживания белорусов учебниками и методической литературой на родном языке. В 1931–1932 гг. из Белоруссии для работы в Уральской области было завербовано 38 человек. В 1932 г. начал свою работу Таборинский педтехникум (Челябинский округ) [39, с. 53]. Однако родители зачастую не желали, чтобы их дети обучались на родном языке, понимая важность владения детьми прежде всего русским языком. Начиная с 1932 г. начинается постепенный переход школ полностью на русский язык обучения.

По данным переписи населения 1939 г., в Башкирской АССР проживали 23761 белорус (0,75% в общей численности населения), из них 2432 проживали в городах и 21329 белорусов в сельской местности. Родным белорусский язык назвали 6778 белорусов (595 в городах и 6183 в сельской местности) [40, с. 31].

В ходе реализации национальной политики постепенно увеличилось представительство белорусов в советских органах власти. В высших органах исполнительной власти Башкирской АССР в 1938 г. трудилось следующее количество сотрудников белорусской национальности [41]:

председатели райисполкомов и горсоветов – 1 белорус (из 63 служащих);

Верховный суд БАССР – 1 белорус (из 25);

Наркомфин БАССР – 4 белоруса;

Госплан при СНК БАССР – 1 белорус (из 36);

аппарат Башнаркомздрава – 1 белорус (из 79);

Наркомюст – 1 белорус (из 64);

Прокуратура БАССР – 2 белоруса;

Башобком РОКК – 2 белоруса.

В составе Башкирского обкома ВКП(б) по данным на 1 января 1939 г. числилось 199 белорусов, из них 145 членов ВКУП (б) и 54 кандидата [42].

В годы Великой Отечественной войны численность белорусского населения на Южном Урале значительно возросла. На Южный Урал были эвакуированы многие промышленные предприятия из Белоруссии: в Чкаловскую область из Витебска были эвакуированы Станкостроительный завод им. Кирова и мебельная фабрика, из Гомеля фабрика им. 8 Марта; в Башкирскую АССР из Витебска эвакуированы обувная фабрика и молочный завод, из Гомеля паровозо-

ремонтный завод «Красный Октябрь», из Костюковки – стекольный завод, из Микашевичей – фанерный завод. В результате эвакуации из прифронтовых районов страны, на Южном Урале значительно увеличилась численность отдельных этнических групп населения. По далеко неполным данным, на 25 февраля 1942 г. в Башкирской АССР проживало более 5000 граждан, эвакуированных из Белоруссии [43, с. 64, 84, 90]. Национальный состав эвакуированных чаще всего не фиксировался, но имеются данные о том, что к 15 октября 1941 г. в Чкаловскую область прибыло 8780 белоруссов (а также 40355 евреев, 30013 русских, 14568 украинцев, 728 поляков, 440 латышей, 158 немцев, 152 литовца, 126 эстонцев) [44, с. 45]. Достаточно показательным фактом являются данные о том, что к 1942 г. численность белорусов-членов чкаловской партийной организации увеличилась в 4 раза, составив 553 человек [45]. К началу 1944 г. в парторганизации насчитывалось уже 682 белоруса [46]. В партаппарате Чкаловской области по данным на 15 мая 1942 г. работали 13 белорусов, из них 3 первыми секретарями [47, с. 110–111].

Белорусы, наряду с украинцами и евреями, входили и в состав создаваемых на территории Чкаловской области польских частей Армии Андерса.

Вопросы эвакуации промышленных предприятий из Белоруссии на территорию Южного Урала достаточно подробно освещены в работах профессора А. В. Федоровой [48, с. 34–51]. В результате организованной реэвакуации в период 1943–1947 гг. основная масса белорусов, находящихся на Южном Урале в эвакуации, вернулись на прежние места жительства, но некоторая часть осталась и обрела на Южном Урале вторую родину.

Уровень представительства белорусского населения в послевоенные годы. был значительно выше довоенных показателей. Это объясняется увеличением численности белорусского населения на территории Южного Урала в результате эвакуации в годы войны. В 1946 г. среди руководящих работников советских органов власти Чкаловской области числилось 12 белорусов (0,9%).

В результате выборов, прошедших в декабре 1947 г., в состав Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся вошли два белоруса (всего 137 депутатов). Гораздо более представителен депутатский корпус, состоящий из представителей белорусской национальности, в местных советах депутатов трудящихся, выборы в которые прошли также 21 декабря 1947 г. [49]:

- по городам областного подчинения – 9 депутатов, белорусов по национальности;
- по районным советам городов областного подчинения – 7 депутатов;
- по городским советам с районным подчинением – 3 депутата;
- по поселковым советам (рабочих поселков – всего 13 советов) – 18 депутатов;
- по сельским советам (всего 774 сельсовета) – 24 депутата;
- по районным советам (50 районов) – 9 депутатов.

Наибольшее количество депутатов – белорусов, представлены в сельских советах. В их числе можно выделить: Грачевский – 4 депутата, белоруса по национальности; Бузулукский – 3; Краснопартизанский – 4; Бугурусланский – 1; Краснохолмский – 1; Соль-Илецкий – 1; Белоозерский – 1; Александровский – 1 и другие.

Все 18 депутатов – белорусов, представленных в поселковых советах относились к рабочему поселку, объединяющему прииски: Айдырля, С. Шихан, Кумак, Ириклострой, Домбаровка, Кувандык, Халилово.

Депутаты-белорусы, избранные в райсоветы были представлены в следующих районах: Ташлинский – 3 депутата, Краснопартизанский – 2, Абдулинский – 1, Грачевский – 1, Бузулукский – 1, Тепловский – 1.

Достаточно представителен корпус депутатов белорусской национальности выбранных в городские советы депутатов трудящихся 21 декабря 1947 г.:

- Чкаловский городской совет депутатов трудящихся – 6 белорусов;
- районные советы г. Чкалова (4 района) – 6 белорусов;
- городской совет г. Орска – 2 белоруса;
- Бугурусланский горсовет – 1 белорус;
- Соль-Илецкий горсовет – 1 белорус.

Таким образом, всего по горсоветам Чкаловской области в декабре 1947 г. были избраны 16 депутатов – белорусов. В г. Чкалове четыре из шести депутатов – белорусов входили в Дзержинский районный совет.

В структурах исполнительных и партийных органов власти также имелись служащие белорусской национальности. Так, по данным на 1 января 1947 г., в Башкирской АССР в состав высших органов власти входили:

- председатели исполкомов городских и районных советов – 1 белорус;

- председатели городских и районных плановых комиссий – 1;
- зав. горфинотделами и райфинотделами – 1;
- зав. городскими и районными здравотделами – 2;
- зав. городскими и районными отделами народного образования – 1;
- заместители председателей исполкомов райсоветов по промышленности – 1;
- руководящие работники обкома ВКП(б) – 1 (из 50);
- первые секретари райкомов ВКП(б) – 3 (из 67);
- вторые секретари райкомов ВКП(б) – 1 (из 66);
- секретари райкомов ВКП(б) по кадрам – 1;
- секретари горкомов и райкомов ВЛКСМ – 2 [50].

В составе парторганизации Башкирского обкома ВКП(б) к началу 1947 г. состояло 640 белорусов [51].

Необходимым условием включения в партийно-политическую элиту страны по-прежнему оставалось вступление в коммунистическую партию. Прием в партийные ряды представителей различных этнических групп не только приветствовался, но и активно стимулировался посредством осуществления целого комплекса разноплановых организационных мероприятий. Во многом благодаря этому значительно увеличилось количество белорусов в составе партийных организаций. Если на 1 января 1946 г. в состав Башкирского обкома ВКП(б) входило 460 белорусов, из них 352 члена ВКП(б) и 108 кандидатов, то уже на 1 января 1947 г. в парторганизациях Башкирии числилось 640 белорусов, из них 515 членов ВКП(б) и 125 кандидатов [52].

В Оренбургской области в 1950 г. в составе райсоветов числились 7 белорусов (два в Краснопартизанском райсовете и по одному в Абдулинском, Бузулукском, Новоорском, и Ташлинском) [53]. В 1953 г. в составе местных советов депутатов входили четыре белоруса (Курманаевский, Бугурусланский, Бузулукский, Медногорский районы) [54].

Дальнейшее развитие задач и принципов реализации национальной политики нашло отражение в решениях XX–XXIV съездов КПСС. Третья программа партии, принятая XXII съездом КПСС (1961 г.), провозгласила новый этап в развитии национальных отношений, которые характеризовались «...дальнейшим расцветом и сближением наций, достижением их полного единства» [55, с. 4]. Программа партии ориентировала на стирание национальных различий и усиление социальной однородности наций. Исходя из этого ставились задачи со-

действия дальнейшему взаимообогащению и сближению народов при обеспечении свободного развития языков и культур. Программа призвала учитывать, что стирание национальных различий и особенно языковых отличий, значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней.

В документах XXIV съезда КПСС содержались теоретические выводы и обобщения по важнейшим вопросам национальной политики и об основных чертах и признаках новой исторической общности — советского народа.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Башкирии проживало 20792 белоруса, в том числе 8687 человек в городах республики и 12105 человек в сельской местности. Интересно, что из этого количества белорусский язык в качестве родного назвали всего 4770 человек. Это один из самых низких показателей среди других этнических групп. Ниже показатели были только у евреев. На русский язык, как на родной, указали 15972 белоруса. В 1961 г. в Башкирии выделялись 56 белорусских сел, которые в основном располагались в Архангельском, Иглинском и Макаровском районах республики [56, с. 36].

В Челябинской области по данным переписи населения 1959 г. проживали 31276 белорусов, из них 21319 в городах и 9957 в сельской местности. Как видим, уровень урбанизации белорусов в Челябинской области был значительно выше. Кроме того, по сравнению с Башкирией, значительно большая часть белорусов посчитала своим родным языком белорусский — 12590 человек. На русский язык как на родной указали 18642 белоруса.

Показателем социальной мобильности белорусов являются данные о количестве студентов белорусской национальности, получающих высшее образование. В 1958–1959 учебном году в Оренбургском музыкальном училище учились 4 белоруса. В Оренбургском мединституте учились 13 белорусов (всего 1385 студентов). В пединституте — 5 белорусов (всего 1485 студентов). На очном отделении сельхозинститута обучалось 5 белорусов (всего 1957 студентов). В Бузулукском библиотечном техникуме на стационарном отделении обучалось 3 белоруса и на заочном еще 4 белоруса. Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1966 г. в Оренбургской области числилось 510 человек, что составляло 0,6% от общей численности специалистов. Из них высшее образование имели 188 белорусов.

В Оренбургской области белорусы не попали в восьмерку наиболее крупных этнических групп, данные переписи населения, по которым

были официально опубликованы Центральным статуправлением [57, с. 326–328, 352–354, 376–378]. В области по данным переписи проживало 7762 белоруса (восьмая по численности этническая группа – евреи, составляли 8716 человек) [58]. Всего же в Советском Союзе в 1959 г. проживали 7913 тыс. белорусов [59, с. 136].

Однако уже перепись населения 1970 г. показала значительный рост численности белорусов в Оренбургской области, где они существенно «обогнали» тех же евреев, численность которых сократилась до 6,9 тыс. человек. В Оренбуржье проживало 11,0 тыс. белорусов, из них 7,3 тыс. человек жили в городах и 3,7 тыс. человек в сельской местности. Белорусский язык посчитали родным 38,7% от общей численности белорусов области. В общей численности населения области белорусы составляли 0,5% [60, с. 16].

В Башкирии в 1970 г. насчитывалось 17985 белорусов, что составляло 0,62% от общей численности населения республики [61]. Интересна социальная структура белорусского населения республики: рабочие – 107895, служащие 4083, колхозники – 3115. В промышленности Башкирской АССР было занято 6391 белорусов.

В 1965 г. в составе депутатов райсоветов г. Уфы числились 15 белорусов (всего 1219 депутатов), в районных советах БАССР – 18 белорусов (всего советов – 3271); по городским советам республиканского подчинения – 14 белорусов (всего 2726 депутатов); в состав поселковых советов депутатов входили 16 белорусов (всего 2101 депутатов) среди депутатов сельских советов имелось 72 белоруса (всего 770 сельских советов, в состав которых входило 23423 депутата) [62].

В 1967 г. в числе членов и кандидатов партии Башобкома КПСС насчитывалось 1237 белорусов, а в 1987 г. их численность составляла уже 1344 коммуниста (всего в партийных организациях Башкирского обкома числилось 227708 коммунистов) [63]. По понятным причинам далее их численность не возрастала.

В составе председателей исполкомов городских и районных советов народных депутатов Башкирской АССР в 1987 г. имелся всего один белорус (что составляло 1,3% от общей численности предисполкомов), и также один заместитель председателя исполкома белорусской национальности (соответственно 0,3% от общей численности зампредисполкомов) [64, с. 6].

Всесоюзная перепись населения 1979 г. показала некоторое снижение численности белорусов в Оренбургской области по сравнению с данными 1970 г. В 1979 г. в Оренбуржье проживали 10920 белорусов,

что составляло 99,1 % к численности белорусов в 1970 г. В общей численности населения Оренбургской области белорусы по-прежнему составляли 0,5 %, занимая девятое место среди всех этнических групп области по данному показателю [65, с. 23]. Из общей численности белорусского населения области белорусский язык родным посчитали всего 38,7 % (ниже показатели только у евреев и украинцев). При этом свободно владели русским языком в качестве родного или второго языка 97,5 % белорусов области (один из самых высоких показателей, выше только у евреев и самих русских). Эти данные были значительно ниже общесоюзных показателей. Всего в СССР в 1979 г. проживало 9463 тыс. белорусов, из них родным языком считали белорусский 74,2 %, и свободно владели русским языком 57,0 % белорусов [66, с. 85–86].

В городах области проживали 7,6 тыс. белорусов, и 3,3 тыс. белорусов в сельской местности. Эти данные свидетельствуют об интенсивных процессах урбанизации белорусов, численность городского населения которых увеличилась на 4,1 % по отношению к данным 1970 г. и напротив, численность сельского населения снизилась на 10,8 %.

Наибольшее количество белорусов проживало в городах: Оренбург (2540 чел.), Орск (1839 чел.), Новотроицк (867 чел.), Ясный (405 чел.), Бузулук (316 чел.), Гай (268 чел.), и Бугуруслан (245 чел.). Из районов области можно отметить Оренбургский, где проживали 346 белорусов, Бузулукский (282), Ташлинский (216), Адамовский (205), Новосергиевский (199), Новоорский (185). Эти показатели в очередной раз свидетельствуют о дисперсности расселения белорусов в Оренбуржье, что в значительной степени затрудняло проведение особой национальной политики по отношению к этой этнической группе.

В 1989 г. в области насчитывалось 10 803 белоруса, из которых только 34,9 % назвали родным для себя белорусский язык и 64,8 % – русский. Из числа белорусов, назвавших родным язык своей национальности 93,4 % свободно владели русским языком. Таким образом, 97,4 % белорусов владели русским языком в качестве родного или второго языка общения.

Несмотря на то, что мероприятия по привлечению представителей национальных меньшинств в политико-правовую сферу жизнедеятельности государства носили во многом искусственный характер, они объективно способствовали фактическому повышению правового статуса национального населения. С привлечением национальных кадров в органы государственной власти деятельность последних в об-

ласти регулирования национальных отношений получила реальную возможность своего дальнейшего качественного развития, приобрела фактическую основу для расширения и углубления взаимоотношений властных структур с различными национальными группами населения. Создание национальной партийно-политической элиты, таким образом, являлось одним из основных направлений деятельности советских и партийных органов в области регулирования национальных отношений.

Примечания

1. Футорянский Л. И. Национальный и религиозный состав казачества Южного Урала // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной региональной политики. Оренбург: «Южный Урал», 1994. (Новикова О. В. приводит данные о том, что в Оренбургском казачьем войске белорусы составляли 0,4%. См.: Новикова О. В. Этнокультурная ситуация в Оренбургском казачьем войске (конец XIX–XX в.) // Этнокультурная история Урала. XVI–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 233).

2. Юнусова А. Б. Изменение этнической структуры многонационального региона и проблема сохранения межэтнического согласия и толерантности // Культура славян Оренбуржья: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2003.

3. Песни белорусских переселенцев в Башкортостане / Сост., вступ. ст. Ф. Г. Ахатовой. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001.

4. ЦДНИЧО. Ф. 77. Оп. 1 Д. 767. Л. 40.

5. Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа: «Башкортостан», 1995.

6. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 151. Л. 76.

7. Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа: «Башкортостан», 1995.

8. Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959.

9. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

10. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.; Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. 28 марта.

11. Октябрь в Башкирии: сборник документов и материалов. Уфа, 1979.

12. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 23. Л. 23. об.

13. ЦГИАРБ. Ф. 107. Оп. 2. Д. 9. Л. 1, 5–6.

14. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 2. Д. 9. Л. 8.

15. Известия ЦК РКП(б). 1919. 22 октября.

16. Известия ЦК РКП(б). 1920. 11 ноября.

17. ЦДННОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 14.

18. Федорова А. В. Белоруссия и Оренбуржье: история взаимодействия // Белорусы в Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001.

19. ЦДНИЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 201. Л. 120.
20. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 151. Л. 2.
21. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 36. Л. 35.
22. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 36. Л. 68.
23. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 121. Л. 22. об.; Оп. 1. Д. 79. Л. 13.
24. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956 гг. М., 1957.
25. Резолюции и постановления VII Оренбургского съезда Советов. Оренбург, 1925.
26. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 1074. Л. 13. об.
27. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 1. об.
28. ГАОО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 1074. Л. 12.
29. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 36. Л. 161.
30. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 718. Л. 1–12; 25–31.
31. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 1184. Л. 1. об., 2.
32. ЦДНИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 43. об.
33. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 151. Л. 189. об.
34. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 153. Л. 278. 278 об.
35. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 626. Л. 67.
36. Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализма в истории России. Кн. 1. М., 1992.
37. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 80. Ст. 835.
38. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Башкирская АССР; Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964.
39. Мосунова Т. Г. Украинизация и белоруссизация в образовательной политике советской власти на Урале // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. Оренбург: «ДИМУР», 1998.
40. Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа: «Башкортостан», 1995.
41. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 712. Л. 2–5; Д. 714. Л. 36–38, 60–63, 65–76, 77, 90; Д. 715. Л. 36–41, 161, 215–225.
42. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 538. Л. 70.
43. Олехнович Г. И. Трудящиеся Белоруссии – фронту. Трудовая деятельность населения, эвакуированного в годы ВОВ в советский тыл. 1941–1943 гг. Минск: Издательство БГУ, 1972.
44. Шпинева Ю. И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2002. № 3 (22).
45. Подсчитано по: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 185. Л. 1–68.
46. Подсчитано по: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 102. Л. 1–67.
47. Хвостова Г. И. Процессы миграции славянского населения в условиях военного времени // Культура славян Оренбуржья: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2003.

48. Федорова А. В. Белоруссия и Оренбуржье: история взаимодействия // Белорусы в Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. С. 34–51; Ее же. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995; Ее же. Эвакуированные промышленные предприятия и население Украины и Белоруссии на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // История и культура славян Южного Урала. Оренбург, 1995.

49. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 35. Л. 187–193; 203–219; 241–295.

50. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 505. Л. 119–128; Оп. 27. Д. 630. Л. 56.

51. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 302. Л. 1.

52. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 346. Л. 1; Оп. 27. Д. 302. Л. 1.

53. ГАОО. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 752. Л. 1–69.

54. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 244. Л. 143.

55. Развитие национальных отношений в условиях коммунистического строительства. Оренбург: «Южный Урал», 1972.

56. Мазур Л. Н. Этническая карта расселения на Урале во второй половине XX в. // Этнокультурная история Урала. XVI–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999.

57. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: Госиздат ЦСУ СССР, 1963.

58. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.

59. Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982.

60. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М.: «Статистика», 1973.

61. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 75. Д. 243. Л. 24, 84.

62. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 75. Д. 258. Л. 1.; Оп. 218. Д. 297. Л. 1.

63. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 221. Д. 221. Л. 152, 154.

64. Оренбургская область за 50 лет. 1934–1983: Стат. сб. Челябинск: ю.-у. кн. изд-во, 1984.

65. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980.

66. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Оренбург: Стат. упр. Оренб. обл., 1980.

С. А. Ханаш, Н. Г. Васильев

РУССКИЕ В XXI В.: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Данная статья состоит из двух блоков: рассмотрение традиционного видения русского национального характера и анализа процесса идентификации русских в XXI в. по результатам социологических исследований.

В качестве постоянно действующей величины, актуализирующей изучение национального характера, можно указать многообразную этническую картину мира, 80 % которой составляют нации, имеющие свои специфические характеры, влияющие на общение, экономику, политику, культуру. В роли переменной величины в современных условиях выступают процессы интеграции, глобализации — с одной стороны и как ответная реакция, взрыв этносамосознания, мультикультурализма — с другой стороны. На теоретическом уровне это проявляется в радикальных точках зрения — или этнического нигилизма; или абсолютизации значения этнического фактора.

Круг причин, определяющих исследование русского национального характера в современном российском обществе, очень обширен. Они различного уровня и складываются в определенный комплекс. Первая группа этих причин включает принципиальные изменения географической и социальной среды жизнедеятельности русской нации: образование российской государственности, сменившей государственность СССР, сопровождающееся новыми геополитическими характеристиками (размеры страны, ее границы); утверждение русского народа в новом качестве государственно-образующего этноса (доля русских в общей численности населения составляет более 80 %); развитие рыночной экономики; становление буржуазной демократии западного типа; плюралистический характер духовной сферы жизни общества. Идентификация, адаптация русских к беспрецедентным по своей широте и глубине переменам в природном и социальном настоящем, по сравнению с недавним прошлым, образует вторую группу причин, диктующих повышенное внимание научного мира к феномену русского национального характера. Остановимся подробнее на дифференциации направлений процесса идентификации русских в современной России.

Этническая идентификация русских поставила на теоретическом уровне национального самосознания и на уровне общественного мнения очень широкий круг вопросов исторического, философского, социологического, психологического, культурологического характера.

В потоке исторического, социального времени отождествление русских связывается с Киевской и средневековой Русью как этапами этнического становления; с Россией XIX в., когда сложился русский национальный характер. Сегодня получило распространение ассоциирование понятий русский и советский народ. Проблематично утверждается в социальном настоящем времени осознание роли русских

как ведущего по численности, государственно-образующего этноса России. Необходимо подчеркнуть, что сам факт переписи населения России в 2002 г. стал своеобразным толчком, стимулирующим проявление русского национального характера.

Социологический мониторинг и его анализ, осуществляемый многочисленными научными центрами страны и представленный в работах таких ведущих российских ученых, как Л. М. Дробижевой, Р. Г. Абдулатипова, А. С. Панарина, Ж. Т. Тощенко и др., показывает сложные проблемы самоидентификации русских [1]. Под влиянием негативных социальных последствий реформационных процессов: падения уровня жизни, продолжающейся депопуляции населения, сложной картины миграционных потоков, изменения престижа страны – на мировой арене произошла деформация национального самосознания русских, в целом ослабла их социальная активность в экономической, политической и духовной сферах общества. Радикальные точки зрения колеблются между выводами о деградации русского этноса и распаде в результате действия парадоксальных противоречий феномена русского национального характера и идей о том, что именно русский национальный характер, его свойство отрицания рынка мешает продвижению социума по пути буржуазного развития.

На этом фоне особенно громкое социальное звучание получила проблема возрождения русских духовных ценностей. Применяется понятие «русский мир», обозначающее явление русской культуры с такими ее чертами, как приоритет нравственности, миролюбие, дружелюбность, целомудрие, ярко выраженный патриотизм; ставится задача экологии русской духовности.

Таким образом, новые природные и социальные условия бытия русского этноса, мобилизуют русский национальный характер для решения задач идентификации к иным, чем прежде территориальным пределам страны и ее изменившемуся международному статусу, к еще непонятым свободам в деловой сфере и политической, духовной и личной жизни. Столкновение традиции и новации составляет главное противоречие и испытание, через которое проходит сегодня динамика развития русского национального характера. Следовательно, актуальность изучения русского национального характера имеет конкретные причины, системное изложение которых было предложено выше.

В настоящее время, наряду с понятием «национальный характер», получило распространение в научном лексиконе другое – «национальный менталитет». В работах таких отечественных ученых, как

Г. Д. Гачева, И. К. Пантина, А. С. Панарина, Е. А. Ануфриева, Б. С. Гершунского, А. П. Бутенко, Ю. В. Колесниченко и др., представлены философские, культурологические, социально-политические, социально-психологические, историко-психологические трактовки определений феномена национального менталитета [2].

Национальный менталитет формируется, функционирует и развивается в ходе длительных исторических периодов. Структура этого явления чрезвычайно сложна и связана с коллективным бессознательным, мировоззрением, различными стереотипами психологических реакций, поведенческих позиций этнического субъекта, приобретших форму привычек и традиций. Далее в тексте эти две категории – национальный характер и национальный менталитет – будут использоваться как близкие по смыслу.

Среди теоретических моделей русского менталитета, предлагаемых отечественной наукой, можно выделить следующие главные: евразийская и скандославская концепции, выделяющие соответственно восточный и западный элементы русского национального характера; теории преобладающей роли православия в сущности русского менталитета и другая, отводящая исходное значение его языческим корням; концепция парадоксальной структуры русского менталитета; многофакторный подход к русскому национальному характеру современных российских ученых от среза социальных генотипов – до данных конкретно-социологического мониторинга [3]. Структура русского национального характера, рассматриваемая с позиций теории социальной стратификации, складывается из многообразных статусных ментальностей: от демографических до религиозных в их этническом проявлении. Остановимся подробнее на анализе составных компонентов данной структуры русского национального характера.

Как известно, концепция социальной стратификации включает горизонтальную и вертикальную аналитические линии, предусматривающие соответственно: природно-естественные и сугубо социальные критерии выделения статусов.

Физический статус, ассоциируемый с русским менталитетом как самими его носителями, так и представителями других национальных ментальностей, связан с понятием «богатрство», которое ярко показано в древнерусских летописях, былинах, сказках, в трудах российских ученых, причем различных школ (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева), в произведениях художественной литературы, прежде всего, А. С. Пушкина и особенно в Толковом словаре живого ве-

ликорусского языка В. И. Даля, где приводятся такие выражения, как «богатырь-народ», «воин-богатырь», «женщина-богатырка», «ребенок-богатыренко».

Два принципиально различных научных направления раскрывают важную роль классового статуса в структуре национального характера: бесспорным носителем национального менталитета выступает крестьянство; этот феномен концентрированно выражает лишь аристократия. Славянофильская школа отечественной общественной мысли утвердила традицию народности в понимании русского национального характера, подчеркивая ее крестьянские корни.

Историки, философы, социологи, культурологи, психологи России XIX–XX вв. отдавали приоритет в духовном строе русского национального характера преобладанию эмоционального компонента над рациональным.

При описании трудового статуса русского национального характера применяется такое понятие как «русский труд», схема, его выражающая, включает в качестве важного элемента трудовой порыв и, в меньшей степени, систематический трудовой процесс.

Политический статус русского национального характера стал особенно актуальным в условиях демографических преобразований, осуществляемых современным российским обществом. Долгое время господствовало мнение славянофильского толка о том, что русские — неполитический народ, опровергнутое практикой политического процесса. В отличие от форм, характерных для западного типа политического поведения, связанных с функционированием законодательства и государственных институтов, политическое поведение русских более сориентировано на радикальные действия и политические эмоции патриотического направления.

Семейный статус русского национального характера: семья, дети — важнейшие ценности в системе данной ментальности. Понятие «Русь православная» в обобщенном виде выражает традицию религиозного статуса русских. Выше были отмечены лишь основные статусные элементы русского национального характера.

Глубокие макросистемные изменения, происходящие в России в конце XX и в начале XXI вв., связанные также с геополитическими факторами мирового порядка остро поставили вопрос об этнической идентификации русских, который можно обозначить экстрополируя понятие, примененное Э. Эриксоном в «Социологии личности» как «кризис идентичности».

В 2010–2011 гг. институтом этнографии и антропологии РАН совместно с Радио России был предпринят общественный и национальный проект «Русские XXI века». Это уникальный мониторинг общественного мнения россиян, которым представилась возможность высказать по каналу Радио России свои суждения по таким направлениям: кто является носителями русскости – те, кто родились и живут в России, те, кто говорят по-русски и владеют русской культурой; в чем специфика нравственных позиций русских и их религиозного статуса; какое место занимает патриотизм в облике русских; какова динамика развития русских в условиях глобализации и рыночного общества; как выглядит дифференциация традиций русского национального характера и появляющихся его новых черт.

Генеральная совокупность указанного мониторинга включает в себя беспрецедентный объект – население России; выборочная совокупность, сложившаяся в результате определенного отбора транслируемых по Радио России ответов охватила различные регионы страны, различные возрасты, разнообразные социальные, культурные слои населения.

Ниже автором статьи предпринята попытка краткого фрагментарного контент-анализа информационного материала ответов россиян по теме «Русские XXI века», озвученных по Радио России.

Представляется возможным классифицировать ответы респондентов, принимавших участие во Всероссийском мониторинге по следующим подгруппам: когнитивные – ответы когнитивного характера, дающие богатейший познавательный материал о конкретных чертах русского национального характера; нарративные (описательные) интервью – краткие, но очень яркие; идеологемы, обобщенно отражающие облик русских (их позитивные и негативные проявления); скрипты – сценарии динамики русского этноса; стратегемы (от понятия «стратегия») – указывающие главные задачи развития русских как стержневого этноса России. Далее предлагаются комментарии изложенной классификации.

Когнитивно-информационная подсистема массива общественно-го мнения, выделяющая типичные следующие черты русского национального характера: приоритет духовного над материальным, высокая ценность патриотических чувств, приверженность православной культуре, широта души, гостеприимство, значение русского языка как аккумулятора русскости, престижности семейной жизни как показателя успешности, противоречивость социального поведения входя-

щая до полярности (один из наиболее болезненных полюсов которой – пьянство).

Подсистема идеологем, фокусирующая русский национальный характер. Наиболее часто употребляемые формулы можно выстроить в взаимосвязанный ряд идеологем: русские подобны птице Феникс, возрождающейся из пепла – народ способный подняться после падения; «Москва третий Рим» – идеологема, связанная с фигурой псковского старца Филофея, цитируется россиянами как символ величия России и русских; идеологема «русская цивилизация» – «русская культура» – это скорее цивилизационный, нежели этнический феномен, в плоскости данного поля приводятся понятия – «русская харизма», «русский фавор». Скрипты-сценарии развития русских в XXI в. Динамика сценариев: национальный характер быстро не меняется, это долговременный процесс, но изменения происходят. Прежде всего, в новации, связанные с рынком, втянуты две категории населения – возрастная (молодежь) и территориальная (жители крупных городов); носители традиционно-русских черт характера чаще встречаются на селе, в имущественном отношении – чаще среди менее обеспеченных россиян.

Подсистема стратега – стратегические задачи развития русских. Одно из направлений идентификации русских в ходе реформ составляет движение к гражданскому обществу, предполагающее становление индивидуального сознания гражданина.

Имеет место столкновение этничности и гражданственности; традиция русских на которую указывали еще В. И. Даль, Н. А. Некрасов состоит в приоритете патриотизма над гражданственностью. Социальная перспектива требует более гармонического сочетания этих направлений идентификации русских.

Аналитическая модель вышеизложенного в виде функциональной схемы, выглядит следующим образом. Тренд – русские должны возродить и сохранить лучшие традиции, среди которых первенство духовного над материальным; другой тренд – русские должны меняться в условиях рынка и глобализации, должны стать рациональнее и откорректировать свою безмерность, что требует по сути коренной ломки русской ментальности.

Гуманистический вектор общественного мнения – сохранить лучшее и приобрести положительную новизну, понятен, но, очевидно, грядущая реальность связана со становлением принципиально новой этничности русских и желательно, чтобы это обновление было на пу-

тях физического и духовного здоровья, деловой активности, крепкой семьи.

В качестве сравнения с обширным и уникальным мониторингом общественного мнения осуществленном институтом этнографии и антропологии РАН совместно с Радио России по теме «Русские XXI века» здесь приводятся данные опроса проведенного силами студенческой социологической лаборатории, функционирующей на базе кафедры истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ более 10 лет. Анкета «Русские в XXI веке» прилагается. Она была построена в контексте статусно-ментального подхода к национальному характеру.

По мнению жителей города Оренбурга характер русских в XXI веке выражают скорее мужчины чем женщины; в возрастном плане его носителями прежде всего выступает молодежь; в социальном плане это работники бюджетной сферы; ведущий признак материального положения современных русских – бедность; болезни часто сопровождают их образ жизни; индивидуализм уже преобладает в интересах современных русских над коллективизмом; типичная семья – с одним ребенком; современные русские сохраняют патриотизм. Его стержень – историческая память о Великой Отечественной войне, в поведенческом отношении признак патриотизма, выделенный респондентами – жить в России, укреплять материальный и духовный потенциал Родины; плюсы современных русских – открытость, широта души, доброта; минусы – пьянство, лень.

Итак, обобщая изложенное выше, в целом можно сделать некоторые выводы: состояние процесса идентификации русских в начале XXI века оценивается общественным мнением как кризис; идеал традиций сталкивается с драматической реальностью. Нарушение преемственности линии культуры ведет к невозполнимым потерям в сфере духовности русских; происходит развитие нового облика русского человека сильно отличающегося от традиционной модели, конкретные черты этого социологического портрета обозначить сегодня затруднительно, вероятно, они будут сориентированы на матрицу западной цивилизации, с другой стороны – соотноситься со становлением социально этнической общности – россияне.

Примечания:

1. См. Ильин В. В., Панарин А. С., Бодовский Д. В. Политическая антропология. М., 1995; Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998; Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001; Абдулатипов Р. Г. Русский потенциал выхода России из кризисного состояния.

// Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы культурного развития русского народа». Оренбург, 2004; Тишков В. А. О российском народе // Дружба народов. 2006. № 8.

2. См. Российская ментальность. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1994. № 1; Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и Евразийство: их сущность и общественно-политический смысл. Социс 1996. № 5; Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. М.: 1998; Ануфриев Е. А. Менталитет – теоретические основы / Хрестоматия для студентов вузов. Пермь. 1999; Лесная Л. В. Менталитет и ментальные основания общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1.

3. См. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1991; Лосский Н. О. Характер русского народа; / Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991; Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя // Новый мир. 1994, № 6; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и Евразийство: их сущность и общественно-политический смысл. Социс, 1996. № 5; Коялович М. О. История русского самосознания. Минск, 1997; Трубецкой Е. Н. Избранные произведения. Ростов-н/Д, 1998; Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. Екатеринбург, 1998.

Приложение

АНКЕТА

«Русские в XXI веке»

1. Кто более выражает характер современных русских.
 - а) женщины;
 - б) мужчины;(выбранный ответ подчеркнуть).
2. Кто более выражает характер современных русских:
 - а) молодежь;
 - б) люди средних лет;
 - в) пожилые.
3. Современные русские скорее больные или скорее здоровые.
 - а) скорее больные;
 - б) скорее здоровые.
4. Кто более выражает сегодня «русский характер».
 - а) высший класс;
 - б) средний класс;
 - в) низший класс.
5. Кто более русские:
 - а) бедные;

б) богатые.

6. Русские сегодня живут:

а) более сердцем;

б) более умом.

7. Современные русские

а) скорее коллективисты;

б) скорее индивидуалисты.

8. В какой сфере деятельности более себя проявляют современные русские:

а) в промышленности;

б) в сельском хозяйстве;

в) в бюджетной сфере;

г) в бизнесе.

9. Как относятся к деньгам современные русские (свободная форма ответа)?

10. Укажите признаки современной русской семьи (свободная форма ответа)?

11. Какие отклонения в поведении русских бывают чаще у них чем у других народов (свободная форма ответа)?

12. В чем сегодня проявляется патриотизм русских (свободная форма ответа)?

13. Если завтра война, как поведут себя современные русские (свободная форма ответа)?

14. Что дает современным русским память о Великой Отечественной войне (свободная форма ответа)?

15. Главный плюс современных русских (свободная форма ответа).

16. Укажите главный минус современных русских (свободная форма ответа).

17. Как вы думаете, занятие бизнесом поможет современным русским преодолеть пьянство (свободная форма ответа)?

В. С. Азме

О НАЗВАНИИ ГОРОДА УФЫ

До сих пор нет общепринятой версии происхождения названия столицы нынешней Республики Башкортостан, а некогда обширной Оренбургской губернии – Уфы. Есть версии прочтения этого слова на основе тюркских языков, есть на основе финно-угорских, есть на-

поминающие анекдот версии народные. На наш взгляд, название города непосредственно связано с его расположением, имеет очень давнее происхождение — порядка трех-трех с половиной тысяч лет, и не может быть понято без рассмотрения вопроса о населении этих мест в ту далекую эпоху.

Для начала необходимо рассмотреть взаимосвязь названия Уфы с ее месторасположением.

Мог ли город, основанный где-нибудь в другом месте, скажем, на месте Бирска или Стерлитамака, быть названным Уфой? Нет, не мог! И вот, почему.

Издrevле люди часто нарекали свои города и поселения, расположенные при слиянии двух рек (на стрелке) по названию меньшей реки. Так как большая река была обычно известна всем и представляла своеобразную ось координат, то впадающие в нее речушки определяли точную координату на этой оси, мало изменявшуюся во времени, поскольку названия водных объектов, в том числе рек, — гидронимы являются одними из самых стабильных элементов любого языка и часто переходят из одного языка в другой практически без изменений. Такая система координат стабильно работала на протяжении веков и тысячелетий. Отсюда появились Самара и Царицын при впадении рек Самары и Царицы в Волгу; Омск и Тобольск были основаны при впадении рек Оми и Тобола в Иртыш. Река Стерля дала свое название городу Стерлитамаку («устье Стерли» по-башкирски). Можно еще привести не один такой пример.

Таким образом, Уфа получила имя благодаря своему соседству с устьем реки Уфы, которая носит также башкирское имя Караидель, а окрестными жителями ласково называется Уфимкой. Даже появившись на берегах самой реки Уфы, город, скорее всего, получил бы другое название. Районный центр Караидель здесь не пример — это продукт советского периода, о чем сообщает официальный сайт администрации Караидельского района: «Караидельский район образован 20 февраля 1932 г. Постановлением Президиума Башкирского Центрального Исполнительного комитета. С образованием района районный центр из волостного центра Байки был переведен к судоходной реке Уфа или по-башкирски — Караидель, что означает Черная река. До этого времени с. Караидель называлось Усть-Багазы по названию реки Багазка, которая впадает в Уфимку» [1].

Правда, возникает вопрос: утверждение, что Уфа возникла при впадении Уфимки в Белую не совсем логично, так как от места, где была построена русская крепость, до устья Уфимки довольно далеко.

Ответ на него может быть следующим: нынешняя Уфа получила свое название от одноименного поселения, существовавшего поблизости от устья реки Уфы еще до основания русской крепости. И такая версия, которой придерживается в своей книге Р. Г. Буканова [2, с. 104], находит свое подтверждение, о чем свидетельствует и название района на левом берегу речки Сутолоки на Усольской горе – Старая Уфа, хотя в 1574 г. Иван Нагой заложил крепость не там, а на менее высоком, чем Усольская гора, холме на правом берегу Сутолоки.

Бытующая версия, что название Старая Уфа появилось весьма поздно: то ли в XVIII, то ли в XIX в., так сказать, на бытовой почве, представляется неубедительной. Обычно, все-таки, бывает так: народ называет старым то, что старше.

Версия о существовании на Усольской горе древнего поселения, давшего имя вновь основанному городу, представлена еще в XVIII веке Петром Ивановичем Рычковым в его книге «Топография Оренбургской губернии». В этой книге, в одиннадцатой главе, носящей название «О городе Уфе и о всей Уфимской провинции», он пишет: «О звании города Уфы можно догадываться, что оно не вновь ему придано, но паче возобновлено прежнее, и суще то, которым нагайские ханы, исстари живучи в здешних местах, город свой именовали, ибо никакого резона не видно, чтоб городу, построенному над самой рекою Белою, коя величиною против Уфы вдвое больше, именоваться по реке Уфе, которая в реку Белую впадает с правой же стороны по течению ее, версты с три выше города, где никакого городского строения нет. К тому ж, над самой рекою Уфою от города верстах в пяти, на весьма высоком и прекрасном месте, поныне видно татарское городище, где, как сказывают, нагайские ханы живали. И так могло быть, что оное городище по реке Уфе, текущей подле него, прежде нынешнего города Уфы, Уфою именовано, а тому последуюя и российского построения город Уфа ж названа. Башкирцы реку Уфу называют Уфа-Идель, что значит Уфа-река, а Белую – Ак-Идель, то есть белая река» [3, с. 263–264]. И далее: «Знатный башкирский старшина Нагайской дороги Каратабынской волости Кедряс Муллакаев в изъяснение сего объявил, аки бы задолго до покорения российскому скипетру Казанского царства и Башкирцев на самом том месте, где ныне город Уфа, был великий город, который простирался вверх по реке Белой до устья реки Уфы, и до Уфимских, то есть при реке находящихся, гор, так что жительство его распространялось по длине верст на десять» [4, с. 264]. Далее Рычков приводит легенду о великом змее, приходившим в город и заражавшим всех сво-

им ядом, от которого часть жителей города погибла, а остальные покинули город, после чего «онный ядовитый змей спрятался в находящуюся при реке Уфе гору и исчез, так что более уж никакого вреда от него не было» [5, с. 264].

Рычков пишет, что башкиры называли реку Уфа-Идель, но редактор в Примечании поправляет автора — эта река именуется по-башкирски Караидель [6, с. 307]. Полагаем все же, что прав Рычков, ибо он записал то, что слышал от местных жителей, а к разгадке двойственности названия реки Уфы мы еще вернемся. В предании же о змее, умерщвлявшим жителей Уфы своим ядом, можно предположить воспоминание об эпидемии (пандемии) чумы, начавшейся (или же замеченной) в 1346 г. где-то к северу от Азовского и Черного морей, принесенной ногайцами (!) в Крым, а оттуда завезенной генуэзцами в страны Средиземноморья. В последующие годы она распространилась от Испании до Норвегии и от Англии до Руси и уничтожила одну треть населения Европы. Вероятно, задела эпидемия и земли современного Башкортостана, повлекла гибель многих людей, и заставила выживших покинуть зараженный город. После этой страшной катастрофы он смог восстановить свое величие и значение уже будучи в составе Русского государства.

Свидетельство Рычкова подтверждает предположение, что еще до основания русской крепости существовал город (или поселение) с названием Уфа и располагался он на горе над устьем реки Уфы, давшей ему свое имя.

Находясь в центре современной Башкирии, построенная русскими крепость не могла реально препятствовать набегам на башкир агрессивных соседей с юга — эта задача, которой часто обосновывают основание Уфы, была решена лишь в XVIII—XIX вв. с основанием Оренбурга и строительством пограничных линий из цепи укреплений и казачьих станиц. Не могла маленькая крепость с малочисленным гарнизоном и защитить много людей за своими стенами. Поэтому, основная цель ее создания была в другом, а именно: быть опорным пунктом на водных путях Южного Урала — главных стратегических дорогах того времени. Уфимка течет с севера и своими притоками обеспечивает доступ в самое сердце Урала. Белая течет с юга и охватывает своим бассейном огромную территорию Предуралья и Урала. А у слияния этих рек стоит город, базируясь в котором и двигаясь по самым удобным для того времени, безопасным и дешевым водным путям можно легко попасть практически в любую точку огромного богатого края хоть для сбора

дани, хоть для других целей. Можно предположить, что одной из этих других, а, возможно, главной целью была добыча полезных ископаемых Урала, прежде всего, металлов: меди и железа. Поэтому то крепость и основали не на высоких кручах, а поближе к реке, к месту, где можно было устроить пристань, к которой вплоть до первого десятилетия XX в. по горным рекам в паводок сплавливались барки с продукцией металлургических заводов Южного Урала. По Белой — из Тирляна, Белорецка и других заводов, бывших ниже по течению; по Уфимке и ее притоке Аю — даже из Златоуста, находящегося фактически на гребне Уральского хребта. И пути всех этих речных караванов сходились в Уфе.

Но сейчас нужно перейти непосредственно к ответу на вопрос: «Что значит слово «*уфа*» и кто назвал так реку?».

Для начала ознакомимся с версиями челябинца В. В. Поздеева. Он не рассматривает отдельно название *Уфа*, поскольку его работа посвящена топонимам Челябинской области, но есть статья о происхождении названия реки *Уфалейки*.

«**УФАЛЕЙКА, река** длиной 70 километров на севере области; правый приток *Уфы* на 853 километре от устья. Исток в горном болотистом месте на *Уфалейском хребте*; на некоторых картах образуется от слияния *Бол.* и *Мал. Уфалейки*. В 1761 г. на реке при заводе основали *п. Верхний Уфалей*, ныне город областного подчинения; в 1813 г. возник *выселок Нижний Уфалей*. Реки *Уфа*, *Уфалей* имеют общую этимологическую базу; высказано несколько версий. Выводят имя *Уфы* из башкирского слова *уба* — *холм, курган*; оно известно в алтайских языках. Сравнивают с башкирским родом *упа*. Есть версия существования у башкир слова *уфа* — *темная вода*; за основу брали литовское, латышское слово *упэ* — *река, ручей*. А оно, очевидно, иранского (скифского) происхождения: *Балтийское море, Северный Ледовитый океан* не случайно именовали *Скифскими*. Поэтому иранская версия более приемлема.» [7, с. 169].

Не вдаваясь подробно в содержание текста, выводы автора и не вступая с ним в полемику, отметим, что он напрасно пренебрег версией сходства слова *уфа* со словом *упэ* (*ипе* на латинице), обозначающим *реку* в литовском и латышском языках — единственных ныне живых, а в древности многочисленных так называемых балтских языках. Кстати, в латышском языке есть слово *leja* — *долина, низина, дол*, что позволяет интерпретировать гидроним *Уфалейка*, как *долина реки, речная долина* (*ипе+leja=ipes leja*), трансформированное народным русским языком в понятную фонетическую конструкцию.

В дополнение к сказанному, необходимо привести следующий пример. Старинный русский город Тула стоит на впадающей в Оку реке, носящей в настоящее время название Упа. В Интернет-версии книги В. Похлебкина «Татары и Русь» в главе о знаменитом «стоянии на реке Угре» войск Великого князя московского Ивана III и хана Золотой орды Ахмата написано: «...конница Ахмата пошла по южному берегу Оки к верховьям реки, туда, где в Оку впадала **Уфа** и где был хороший брод, точнее, два брода – в 2,5 и в 4,5 км выше устья р. Угры» [8].

Конечно, это может быть опечаткой, и нужно сравнивать с авторской рукописью, что не представляется возможным. Однако, можно предположить, что автор – глубокий знаток истории – специально написал «Уфа».

Так что получается последовательность: *une* (*ure* – латинским шрифтом) – *Упа* – *Уфа*.

Чтобы понять, какую связь имеют языки народов, живущих ныне в Прибалтике, к находящейся в центре России Туле и, тем более, к Южному Уралу, нужно предположить, что некогда на территории от Балтийского моря до нынешней Тулы и Южного Урала жил некий народ, имевший в своем языке слово *уфа* или сходное по звучанию, обозначавшее реку. В поисках такого народа необходимо рассмотреть, кто населял эту территорию в бронзовом веке.

В первой половине II-го тысячелетия до нашей эры на пространстве от Прибалтики до Волго-Камья была распространена археологическая Фатьяновская культура. «Предполагаемая прародина племен Ф. к. – терр. между Днестром и Вислой. Антропологич. тип – европеоидный. Ф. к. входила в состав большой культурно-историч. общности – т. н. *боевых топоров культур или шнуровой керамики культур*, предков славян, балтов и германцев» [9, с. 218].

В 1963 г. впервые увидела свет книга «Балты. Люди янтарного моря» известного ученого-историка, археолога, этнографа, профессора Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе Марии Гимбутас, в которой в главе «Восточные балты в бронзовом и раннем железном веке» в разделе «Фатьяновская культура: восточный эпизод» говорится: «В течение бронзового века носители фатьяновской культуры распространились на Восток вплоть до Волги и ее притоков. Кроме верховьев Волги, фатьяновские поселения обнаружены в низовьях Оки, Суры, Вятки и нижнем течении Камы. В третьей четверти второго тысячелетия зона распространения этой культуры достигла реки Белой и вплоть до Южного Урала. Носители фатьяновской культуры вклинились узкой

полосой между финноугорскими охотничьими племенами на востоке центра России и протоскифами на юге... В раннем бронзовом веке носители фатьяновской культуры постоянно соперничали за владения землями с угрофиннами и протоскифами, которые двигались с юга... Земли, занимаемые фатьяновцами, неуклонно сокращались, однако, перед полным исчезновением в Чувашии, Татарии и Башкирии носители этой культуры смогли выйти на восток вдоль верховий реки Белой и Южного Урала... Эту последнюю стадию фатьяновской культуры, относящуюся примерно к 1500–1300 гг. до н. э. обычно называют абашевской, по названию могильника, открытого в 1925 г. близ деревни Абашево на севере Чувашии. Возможно, появление абашевцев на Южном Урале объясняется наличием в этих местах месторождений меди. В этих поселениях обычно обнаруживаются большие количества медной руды, шлака и орудий для металлургического производства и инструментов для обработки металла» [10, с. 96–97].

Итак, вновь прозвучала тема полезных ископаемых Южного Урала, точнее, стратегического для той далекой эпохи металла – меди, давшей этому времени названия – медный век и бронзовый век. Однако прежде чем делать выводы, обратимся к вышедшей в Уфе в 1973 г. книге «Тайны древнего Урала» ученого-археолога Нияза Мажитова. Вот что он пишет в главе «Абашевцы»: «Происхождение и история абашевских племен – одна из самых увлекательных страниц древней истории Урала и Поволжья... [11, с. 35] История происхождения этих племен с богатой и своеобразной культурой долгое время оставалась для археологов загадкой, которая и сейчас еще полностью не разгадана. Прежде всего, археологи обратили внимание на некоторое сходство находок из Абашевских курганов с культурой фатьяновских племен, которые в 2000–1500 гг. до нашей эры жили в районе Среднего Поволжья. Опираясь на эти факты, ученые пришли к мнению, что абашевцы явились потомками фатьяновцев, пришедших с запада. Но позже, по мере накопления материалов, проблема все усложнялась. Причиной тому послужило частично и то, что памятники абашевских племен были найдены в районах Южного Урала и в Кустанайской области Казахстана» [12, с. 36]. С другой стороны, Мажитов сам принимал участие в раскопках абашевского захоронения на берегу реки Ай в Кигинском районе: «Это открытие свидетельствовало о том, что абашевские племена жили не только в западных и южных предгорьях Южного Урала, но и освоили его горно-лесные районы... [13, с. 37] Медно-бронзовый век, примерно в X–VII вв.

до н. э., сменяет железный век. В культуре племен, обитавших на значительной части территории Башкирии в начале железного века очень хорошо прослеживаются абашевские черты, особенно в форме и орнаментации глиняной посуды. Опираясь на эти факты, можно полагать, что в начале железного века в Башкирии жили племена, своим происхождением тесно связанные с абашевцами» [14, с. 41].

Хотя происхождение абашевцев (река Упа, что в Туле, входит в область расселения этого народа) до сих пор является предметом дискуссии различных исследователей, но все они сходятся в одном: это индоевропейский народ. Следовательно, можно предположить, что их язык тоже принадлежал к индоевропейской семье, а возможно, если учитывать мнение Марии Гимбутас, был родственным языку древних балтов (протобалтов).

И, наконец, еще одна цитата из книги «Тайны древнего Урала»: «...Урал с древнейших времен, еще 3,5 тысячи лет назад, был крупным центром медной (бронзовой) металлургии... Племена, населявшие Волго-Окское междуречье в эпоху бронзы, свои орудия труда и украшения изготавливали преимущественно из уральской меди. Продукция уральских металлургов в те времена доходила даже до Днестра» [15, с. 44].

Возможно, что и дальше, поскольку не все древние медные и бронзовые изделия, найденные в разных концах Евразии, исследовались на состав и сравнивались с уральской медью, и, естественно, не все такие изделия уже найдены.

А как раз мимо нынешней Уфы пролегали речные транспортные пути между горными районами Южного Урала, где добывалась медная руда, и выплавлялись медь и бронза, и потребителями продукции уральских металлургов в бассейне Волги и Оки.

Нет ничего удивительного и в том, что название уральской реки имеет сходство с латышским и литовским словом. Санскрит — язык Древней Индии, еще дальше отстоящей от Прибалтики, чем Урал, имеет большое родство с языком литовским, а люди, говорившие на одном из индоевропейских языков — тохарском, жили на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Известное нам слово *кумыс* практически так же выглядит по-латышски — *kumiss* (*kumysas* по-литовски), но вряд ли оно появилось в латышском языке в тот период, когда появилась мода ездить в Оренбургскую, Самарскую и Уфимскую губернии «на кумыс», поскольку *кобылица* по-латышски — *kumeļmāte* (*kumelē* по-литовски),

а *жеребенок* — *kumeiṣ* (*kumeliukas* по-литовски), хотя в латышском языке есть и другое слово, означающее кобылу, кобылицу — *ķēve*.

А вот изложение рассказа средневекового английского мореплавателя Вульфстана, посетившего в IX в. землю западнобалтского народа пруссов: «Прусская знать выделяется тем, что пьет кобылье молоко или кумыс». Второй слой общества — свободные общинники, которых Вульфстан определяет как свободных бедных: «Они пьют медовуху, как и третий слой — рабы» [16, с. 24–25]. Вероятнее всего, такой обычай мог появиться у народа, жившего на границе степей, где можно было бы пасти табуны лошадей, и липового леса — основного производителя добываемого бортничеством меда, а не в малопригодной для коневодства Пруссии, с ее лесами, болотами и озерами. Западные отроги Южного Урала — одно из возможных мест зарождения такого обычая. Так же в этом обычае можно увидеть реалии того исторического периода, когда кочевники, занимавшиеся скотоводством и имевшие конские табуны, доминировали над соседними племенами, жившими земледелием или охотой и собирательством. В подтверждение подобного предположения можно привести следующее: «Начало бронзового века, т. е. эпохи, когда появляется и получает распространение первый металл, заменяющий каменное сырье, связано не с новым этапом развития хозяйства местного населения, а с вторжением пришельцев на территорию всей Прибалтики. Новое население, в археологии их называют культурой шнуровой керамики или боевых топоров, появилось в конце третьего тысячелетия до н.э... Появление нового населения было связано с возникновением скотоводческого хозяйства, для интенсивного ведения которого характерны постоянные перекочевки. Скотоводческое хозяйство складывается в предгорной и степной зоне, как считает целый ряд современных исследователей, это были территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Быстрый рост народонаселения приводил к необходимости поиска новых пастбищ, что требовало освоения новой территории. В конце третьего тысячелетия кочевые индоевропейские племена начали расселяться по территории Евразии... Поскольку в дальнейшем, на протяжении трех тысячелетий, на территории Восточной Прибалтики не наблюдается смены населения, то начало этногенеза балтов (прусов, литовцев, латышей) отсчитывают от культуры боевых топоров, которую иногда называют «балтийской». Мигранты доминируют на территории от Вислы до Западной Двины, где они подчиняют себе местное население» [17, с. 13–14].

Лесная и болотистая местность, где оказались предки современных балтов, защитила их от более поздних вторжений и позволила

Карта из книги Марии Гимбутас «Балты. Люди янтарного моря» [18, с. 69].

1 – культура западных балтов; 2 – фатьяновская (включая балановскую и абашевскую); 3 – центральноевропейская унетицкая (курганная); 3а – после проникновения на Средне-Дунайскую равнину и в Трансильванию в среднем бронзовом веке; 4 – северо-карпатская (белопотоцкая, комаровская и высоко-белогрудовская); 5 – культура Северного Причерноморья до появления курганных погребений; 6 – культура курганных погребений (протоскифская); 7 – турбинская.

во многом сохранить языковые и культурные реалии четырехтысячелетней давности. Другие группы родственных балтам индоевропейцев, в том числе и пришедшие на Южный Урал, вынуждены были вступить в острую конкуренцию с иными этническими группами и постепенно утратили свою самобытность, оставив после себя лишь отдельные проявления в культурах и языках позднее образовавшихся на их месте народов.

Город Уфа получил свое название от одноименной реки, которую родственное современным балтам индоевропейское население здешних мест бронзового века — например, абашевцы, как раз и могло назвать словом *уфа*, что означало тогда просто — *река*. Впоследствии одна часть древнего индоевропейского населения была вытеснена отсюда финно-угорскими народами или погибла в войнах с ними, а другая часть слилась с этими народами и более поздними пришельцами — тюрками и вошла в состав народов, и поныне живущих в наших краях: башкир, татар, удмуртов, мордвы, марийцев, чувашей — у многих представителей которых в облике и культуре проступают индоевропейские черты, унаследованные от далеких предков.

Слово *уфа* сохранилось, местные жители долго помнили и о том, что оно означает. Отсюда записанное Рычковым со слов башкир название реки Уфа-Идель — просто перевод древнего слова на башкирский язык: никакой ошибки Рычков не допустил.

На карте хорошо видно (выделено более темным), что территория проживания племен, отнесенных автором к предкам балтских народов, захватывает бассейн реки Белой.

Фактически, эта территория простирается еще дальше на восток в горные районы Урала, в Зауралье и Казахстан.

Примечания

1. http://www.admkaraidel.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=48&Item
2. Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI—XVII вв. Уфа, 2010.
3. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
4. Указ. соч. С. 264.
5. Указ. соч. С. 264.
6. Указ. соч. С. 307.
7. Поздеев В. В. Южноуральская топонимика. Историко-топонимический словарь. Челябинск, 2008.
8. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/pohl1/01.php
9. Большая Советская энциклопедия (БСЭ). Т. 27. М., 1977.

10. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М., 2004.
11. Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.
12. Указ. соч. С. 36.
13. Указ. соч. С. 37.
14. Указ. соч. С. 41.
15. Указ. соч. С. 44.
16. Кретинин Г. В., Брюшинкин В. Н., Гальцов В. И. и др. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2004.
17. Указ. соч. С. 13–14.
18. Гимбутас М. Указ. соч. С. 69.

И. Э. Ляшенко, В. И. Желтова

ГИГИЕНИЧЕСКИЕ НАВЫКИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Вопросы народной медицины привлекают внимание многих исследователей, в том числе врачей, работников медицины и медицинской науки как с точки зрения практического жизнеобеспечения, так и с позиций исторической гносеологии.

Медицина как составная часть культуры народа неразрывно связана с его бытом, повседневной жизнью. В свою очередь формирование особенностей быта народа определяется уровнем развития хозяйства и социальными отношениями, тесно связанными с культурными процессами. Гигиена — одно из древнейших направлений деятельности человека по созданию условий сохранения здоровья, а также определения действенных мероприятий оптимального жизнеобеспечения через соблюдение чистоты в личном и общественном бытии. Начиная с первобытнообщинного строя, элементы санитарных и гигиенических действий использовались при устройстве стойбища, а затем и жилища. Понимание чистоты возникло, когда первобытный человек вынес отхожее место за пределы жилья, а вода стала использоваться не только для питья и приготовления пищи, но и для мытья рук, посуды, умывания, обработки продуктов перед употреблением в пищу и др. Позднее, в период рабовладельческих формаций, были разработаны первые санитарные правила, законы и предписания: «Закон 12 таблиц» в Древнем Риме (451–450 гг. до н. э.) [8, с. 71–72], «Законы Ману» (I–II в. н. э.) в Древней Индии [3, с. 151–208]. В Древнем Египте за 1500 лет до н. э. [4, 254–255] осуществлялись санитарные мероприя-

тия по оздоровлению населенных мест и соблюдению личной и общественной гигиены.

В поисках способов сохранения длительной активности, здоровья и продления жизни в целом, человечество прошло многовековой путь, включающий и веру в таинственные силы природы, сверхъестественные способности магов и колдунов и богатый опыт эмпирических наблюдений в различных сферах жизнеобеспечения. Из литературных источников следует, что одним из главных приемов оздоровления с давних пор считалось самоочищение организма. Не случайны многочисленные примеры отражения этой темы в устном народном фольклоре.

Одним из основных источников изучения становления и развития гигиенических навыков Древней Руси являются пословицы и поговорки. Зародившиеся на ранних этапах человеческого языкового общения, они, хотя и имеют некоторые отличия, но эти отличия условны [6]. Пословицы, как правило, имеют одновременно буквальный и переносный (образный) смысл, в то время как поговорки, отличающиеся особой краткостью, имеют только буквальное значение.

Первобытная культура древних славян, объединенная опытом многих поколений, выделила в качестве одного из главных направлений поддержание чистоты и опрятности жилища и тела. Особое внимание придавалось чистоте кожи, как одному из способов предупреждения болезней и поддержания красоты, т.к. в зависимости от состояния кожи, человек может казаться моложе или старше, больным или здоровым, красивым или некрасивым.

«Чистота — залог здоровья»;

«Чистота — половина здоровья»;

«Опрятная кухарка — дороже повара»;

«Чистые сапоги быстрее ходят»;

«Бела, румяня — ровно кровь с молоком»;

«Где цветок — там и медок».

В быту славян предполагалось ежедневное умывание открытых частей тела, уход за ногтями и волосами.

«Коса — девичья краса»;

«Не думай быть нарядным, а думай быть опрятным»;

«Грязного и пчела не подпустит»;

«Грязь не сало, помял оно и отстало»;

«Без помывки и капуста сохнет» [2].

Подобные ритуалы соблюдения гигиенических правил имели большое значение для поддержания здоровья и нормальной жизнедеятель-

ности и стали обязательными для многих народов. В IV в. н.э. впервые был опубликован Салернский кодекс здоровья, в котором рекомендованы действия, аналогичные гигиеническим навыкам, практиковавшимся в Древней Руси:

«Руки, проснувшись, омой и глаза водою холодной.

В меру туда и сюда походи, потянись, расправляя

Члены свои, причешишь и зубы почисти... » [1].

Для целей мыывания лица и рук при утреннем «вставании» с постели славяне применяли средства санитарно-бытового назначения, опробованные на практике не одним поколением людей. Специально для этих целей изготовлялся умывальник («рукомоя», «рукомойница», «водолей»), полотенца («убрусы»), мытель (навар душистых трав), употребляемый для мытья [9, с. 162–171].

«Чистая вода для хвори беда»;

«Мыло серо, да хвост бело», заключалось в поговорке «Не тем моются, чем парятся». «Поганое к чистому не пристанет» — эта пословица имела не только буквальный образ, конкретно связанный с гигиеной, но в последующем трансформировалась и приобрела переносный смысл, имеющий социальное значение межличностных отношений. «Черное к белому не пристанет» — уже более конкретно подтверждала эту мысль другая поговорка.

Большое внимание древние славяне уделяли состоянию полости рта, заметив не в одном поколении, что испорченные зубы и больные десны, нарушали процесс пережевывания пищи и наносили урон здоровью и красоте. Зубы чистили берестой, веточками ели, использовали для чистки золу перегоревших трав.

«Берегущийся бывает здоров».

Особое значение как мощное гигиеническое, омолаживающее и оздоравливающее средство имела баня. Следует отметить, что баня — явление уникальное, широко распространенное и используемое среди многих народов Европы и Азии. Впервые бани у скифов Причерноморья описал Геродот в V в. до н.э., русские бани впервые упомянул летописец Нестор (XI в.) в «Повести временных лет». Любая баня в различных пределах использования приносит только пользу: «Баня парит, баня правит, баня все исправит». Можно не сомневаться, что первоначальный замысел организации бани имел чисто гигиеническое назначение. С помощью горячей воды и специально отобранных трав, а позже и мыла, с тела удаляли грязь, «старую кожу», с *пóтом* (в бане всегда было жарко натоплено) выходили вредные вещества.

«В бане помылся – заново родился».

Баня с использованием душистого веника из полыни и рябины, с периодическим обливанием холодной водой, нырянием в ледяную прорубь или обтиранием снегом, – что является уникальной практикой русского народа, любимой и сохранившей свое значение до настоящего времени, – является одним из эффективных способов закаливания организма, что нашло отражение в многочисленных пословицах и поговорках.

«Когда б не баня, все б мы пропали»;

«В который день паришься, в тот день не состаришься»;

«Помыть, попарить – молодцом поставить» [5, 6].

А пожелание «С легким паром!», через тысячелетия дошедшее до наших дней, всегда вызывает ощущение радостного доброжелательства, соответствует настроению благодушия, покоя, радостного ощущения жизни выходящего из бани.

Гигиенические наблюдения древних славян, во многом совпадающие с наблюдениями других народов, оформились со временем в систему научных знаний, претворение которых в жизнь позволяет решить многие медицинские и социальные проблемы. Пословицы и поговорки, не забытые современниками, напоминают о необходимости выполнения простейших правил гигиены, позволяющих на долгие годы сохранить здоровье и активную жизнь.

Примечания

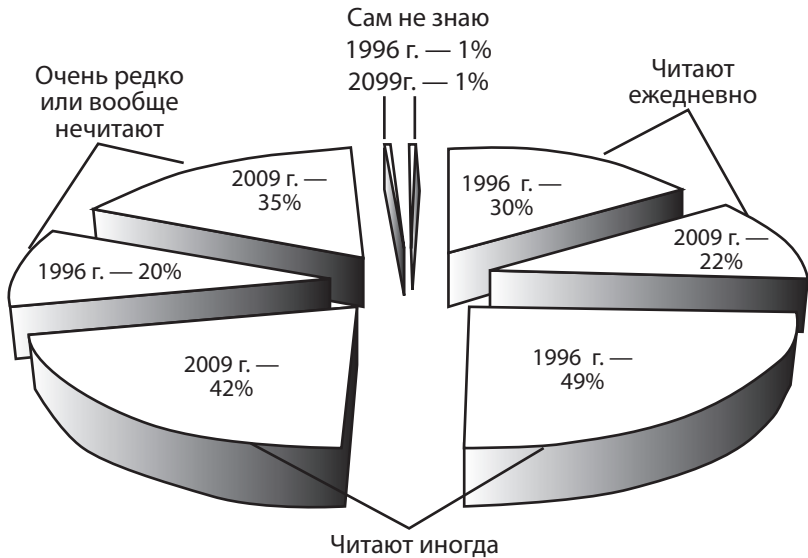
1. Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья / Москва 1970. 108 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Из-во «ЭКСМО-Пресс», 2000.
3. Законы Ману / Перевод Т. Ф. Ильина. М.: Из-во вост. лит., 1960.
4. Культура Древнего Египта. М.: Наука, 1976.
5. Новиков А. М. /М., 1958. 231 с.
6. Разумов А. А. Мудрое слово (русские пословицы и поговорки). Русское народное поэтическое творчество. М., 1978. 103 с.
7. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Москва, 1979 г.
8. Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С. Л. Утченко. М., 1962.
9. Шабалин В. А. Мудрые мысли о здоровье. СПб.: Политехника, 1998.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Престиж интеллекта и вообще мыслительной способности у нас в стране заметно снизился. В фаворе — ловкость, хитрость, свинцовые локти. Отличников ныне презрительно именуют «ботаниками». В читальных залах немногочленно.

По данным опросов, число читающих людей в стране за последние годы уменьшилось на 15%. Значит, около 20 миллионов человек «переключились» на телевизор. Смотреть легче, чем читать. Можно одновременно разговаривать, готовить ужин или пить пиво.

Вот данные двух опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Читающих — две трети, но из них почти 70% предпочитают деловую литературу — для работы и что-то для развлечения. Чтение для души, чтение как труд, как обогащение внутреннего мира уходит из нашей жизни.

По мнению доктора исторических наук, профессора МГИМО А. Б. Зубова «...в России все меньше читают. Это часть глобального процесса. То же самое происходит в тех странах, которые называют себя христианской цивилизацией (в исламском мире, Китае, Индии грамотность, напротив, растет, читают все более активно). Фактически мы возвращаемся к неграмотному обществу, в темное Средневековье, когда культурная, интеллектуальная жизнь сохранялась в отдельных монастырях, и даже аристократы, не говоря уже о простолюдинах, часто не умели писать свое имя. Сейчас, конечно, все умеют писать, но реального вхождения в культуру — все меньше и меньше. Отчасти это объясняется компьютеризацией. Растет спрос на технологические навыки, но снижается спрос на интеллект».

Все это отражается на сфере образования. Все глубже пропасть между элитным, углубленным образованием для избранных и массовыми учебными заведениями, которые готовят людей для повседневной «технической» жизни. Считается, что для тех, кто не блещет талантами, достаточно самого поверхностного представления о культуре.

По данным статистики, к 1917 г., т.е. в канун Октябрьской революции, около 90% населения России были неграмотными или малограмотными, т.е. в основном крестьяне и рабочие; существовало разделение по классовому и социальному признаку.

Но в прошлом умами образованных людей владела иная идея. В конце XIX — начале XX вв. превалировала позиция культуртрегерства, считалось, что только максимальное укоренение в культуру всего населения может создать единую нацию. Образом возрождения России во второй половине XIX в. был бедный, чуть ли не в лохмотьях мальчик, но с книжками в руке.

Сегодня идут жаркие дискуссии по проблемам модернизации современного образования, когда в школе будущего не будут обязательными для изучения русский язык и литература, культурология.

С введением профильных классов приоритет отдан рабочим профессиям. Человек, который постоянно занимается физическим трудом, вряд ли будет увлекаться высокой философией, но есть огромный пласт культуры, который доступен всем: Пушкин, Чехов, Бунин... Конечно, разные люди запрашивают разный по сложности уровень литературы, но важно, чтобы эта литература была хорошей, а не ширпотребом.

Для многих книжка стала способом скоротать время. Наши издатели признают, что наибольший коммерческий эффект приносит откровенная макулатура.

По данным соцопроса среди школьников старших классов и студентов на вопрос «Читаете ли вы художественную литературу?» ответы были следующие:

Иван, 20 лет:

– К сожалению или к счастью, книг, в классическом понимании этого слова, я не читал со школы, но предпочитаю электронный вариант. Классику не люблю, из направлений предпочитаю фантастику.

Алена, 16 лет:

– Честно признаться, я не очень люблю классику, предпочитаю женские романы и детективы. Последняя прочитанная книжка – творение Дарьи Донцовой.

Ильшат, 19 лет, студент:

– Я не люблю художественную литературу, читаю только то, что проходим на занятиях. Классику не читал и в школе, для меня она слишком скучная.

Ирина, 17 лет:

– Люблю читать, но к классике охладела сразу после школы, поняла, что это не мое. Я стараюсь читать современную зарубежную прозу. Отечественная мне интересна, но в ней гораздо меньший выбор достойных произведений.

Артем, 22 года:

– Художественную литературу читаю редко, люблю газеты, журналы. Классику я последний раз читал в техникуме, а современную прозу не понимаю.

Александр, 15 лет:

– Зачем читать книги, если выходит огромное количество фильмов по классическим произведениям, проще сходить в кинотеатр.

Ощущение осознанной государственной политики нет. Есть, правда, школьная программа – литература, история, русский язык... Но дети смотрят не только на то, чему их учат, но и на тех, кто их учит. И если сам преподаватель не является человеком высокой культуры, он не может передать ее детям. Впрочем, государство здесь не главное.

На самом деле культурная политика начинается с семьи. Нормальное воспитание возможно лишь в таком доме, где есть уважение к интеллекту, к книге, к хорошей музыке и высокому искусству.

Если родители переживают, что их дети ничем не интересуются, – это часто означает, что они сами, придя с работы, вперяются в телевизор. Раньше в образованных семьях было принято совместное чтение.

Люди собирались, читали Гоголя, Тургенева, потом обсуждали прочитанное за стаканом чая. А теперь у каждого – телевизор, компьютер, своя виртуальная «тусовка», все разбрелись, каждый устался в свой экран. Люди перестали общаться, часто вообще не понятно, для чего существует семья. Мы дошли до того, что уже разучились разговаривать друг с другом. Кстати, это большая проблема многих наших студентов. У молодежи есть естественная потребность в общении, а как это делать – они не знают. Общение заменяется хохотком, пивом, пережевыванием костей отсутствующих.

В прошлом году проводился опрос среди выпускников: социологи определяли престижность профессий. На первых местах оказались налоговый, таможенный и банкир, на последних – писатель, учитель и художник.

К чему мы идем с точки зрения развития человеческого потенциала в России? К модернизации или деградации?

Как преподаватель я общаюсь с довольно большим кругом студентов. И следует отметить, что это общение в основном радует. Но мы должны помочь молодым людям поднять планку, показать, что мир не так элементарен, не так прост, не так глуп, как иногда кажется, что он не ограничен попой, деньгами, карьерой, потреблением и т. д. Показать, что есть другое. А ребята сейчас лучше, чем в нашем поколении, они открыты и потенциально более нацелены на культуру. У них есть свобода и широчайший выбор.

Тенденцию к сугубому прагматизму и тотальной иронии хорошо подметил современный французский писатель Мишель Уэльбек. «По всей видимости, мы теперь живем в упрощенном мире, – рассуждает герой романа «Элементарные частицы», – культурное пространство которого создается исключительно телеэкраном или компьютером».

Н. И. Степанова

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ежедневно каждый из нас сталкивается с разнообразными проявлениями социально нежелательного поведения – агрессией, вредными привычками, противозаконными действиями, иными словами, с разнообразными проявлениями девиации.

Девиантное поведение — это совокупность индивидуальных или коллективных форм поведения, которые воспринимаются как не соответствующие ожиданиям, нормам или ценностям, декларированным или разделяемым членами группы, и создают таким образом напряжения или конфликты, вызывают осуждение и порождают широкий спектр санкций, от порицания до изолирования, от замечания до наказания [6, с. 13].

Девиантное поведение всегда связано с каким-либо несоответствием поступков, действий или видов деятельности человека и установленными в обществе правилами и стереотипами поведения.

В природе, в реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения нормальных или девиантных по своей природе, по содержанию. Их можно отнести к нормальным или девиантным только с точки зрения установленных социальных норм в данном обществе и в данном пространстве — времени. «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок будет расценено как «отклоняющееся» при другом» [2, с. 150]. Легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии, употребление некоторых видов наркотиков было допустимо во многих арабских странах, умышленное причинение смерти — убийство — тягчайшее преступление, но и подвиг в отношении противника на войне.

Более того, девиации могут иметь для общества двоякое значение. Одни из них — позитивные — служат механизмом прогрессивного развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это прежде всего социальное творчество во всех его ипостасях (техническое, научное, художественное и др.), героические поступки, самопожертвование, сверхпреданность чему-либо или кому-либо, чрезмерное усердие, обостренное чувство жалости и сочувствия и т. д.

Негативные девиации, наоборот, приводят к дезорганизации системы. Это те поведенческие отклонения, которые вызывают у большинства людей реакцию неодобрения и осуждения. Сюда можно отнести терроризм, вандализм, воровство, наркоманию, алкоголизм, предательство и т. д.

Однако, во-первых, границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Во-вторых, в одном и том же обществе сосуществуют различные

нормативные субкультуры от научного сообщества и художественной богемы до преступных группировок и субкультуры наркоманов. И то, что «нормально» для одной из них, «девиантно» для другой или для общества в целом.

Человеку свойственны не только злоба, эгоизм, но и сострадание, альтруизм. В зависимости от обстоятельств они могут проявлять себя соответствующим образом. Если превалирующая черта негативная, то воспитанием можно нейтрализовать ее, развивая в человеке позитивные качества, проповедуя честный и достойный образ жизни, положительный нравственный идеал. В ограничении природных черт характера определенными рамками, в умении сдерживать их и состоит, собственно, суть воспитания и культуры.

Но вместе с тем нельзя не учитывать, что все относительно, а люди подчас субъективны и резки в оценках и склонны «навешивать ярлыки» на всех, кто не вписывается в их представления о норме. В истории немало примеров тому, что великие творения великих людей первоначально вызывают у общества реакцию неодобрения и остракизма. Признание, восхищение и почитание приходят гораздо позже, слишком поздно для создателей этих творений. Поэтому в девиантах могут оказаться и обыкновенные «моржи», путешественники-одиночки, или даже тот, кто не лишает пользы ходить пять-десять километров пешком.

Во все времена общество пыталось устранять нежелательные для него проявления человеческой активности, отклоняющиеся от принятых в данном обществе правил и норм, воздействуя на носителей этих проявлений. Методы и средства воздействия определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, идеологией господствующих в обществе сил, таких, как государство, классы, церковь, обычаями и традициями. Велись поиски причин, факторов и обстоятельств, обуславливающих возникновение и изменение девиантности и ее видов. В процессе такого поиска накапливался фактический материал, появлялись теории и концепции девиации.

Образно говоря, жизнедеятельность человека — это пламя, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом или государством. [3, с. 31]

В религиозном понимании первый акт девиантного поведения совершили Адам и Ева, которые пренебрегли запретом Бога и съели плод с дерева познания добра и зла. Иначе говоря, согласно религии, история человечества началась с девиантного поступка — с нарушения уста-

новленных норм, тем самым обрекая последующие поколения людей на страдания и муки. Чтобы направить людей на путь истины и спасения, Бог на горе Синай через пророка Моисея дал им десять заповедей, которые стали прямыми предписаниями для поведения христиан. В Нагорной проповеди Иисус, обращаясь к ветхозаветным заповедям, наставляет людей ради их спасения: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [1, с. 5].

Разнообразные взгляды относительно различных форм девиантного поведения существовали еще в древнеиндийской и древнекитайской философии, когда общество стало выделять из всех видов человеческой жизнедеятельности те, которые наносят ущерб людям. Мыслители разных народов и во все времена, так или иначе, касались проблемы добра и зла, правильного и неправильного поведения, преступлений и наказаний.

Когда мы говорим о социальном прогрессе и рассматриваем развитие общества, то обращаем внимание на изменения, инновации, привнесение нового. Однако прогресс невозможен без сохранения старого, если, конечно, оно заслуживает быть сохраненным для потомства.

Своим потомкам живущее поколение передает не только памятники архитектуры, произведения искусства. Гораздо важнее сохранить нравственные законы, нормы и правила поведения, обычаи, которые составляют содержание культуры и без которых невозможна практика социальных отношений, жизнедеятельность общества. Переселяясь на новое место, народ переносил с собой не памятники материальной культуры, а знания, обычаи, нормы и традиции.

Тема социального контроля неразрывно связана с девиантным поведением. Возможно, что стремление к порядку является врожденным для человека. Во всяком случае, все философские, научные, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей бытия. Проблема социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого.

Хорошо известно, что позитивные санкции социального контроля значительно эффективнее негативных, а внутренний контроль, основанный на интернализованных ценностях и нормах, выражаемый понятиями честь, совесть, достоинство, порядочность, стыд, гораздо эффективнее внешнего, осуществляемого различными социальными институтами, организациями и их представителями. К сожалению, обще-

ство, зная это, чаще прибегает к внешнему контролю и репрессивным методам. Считая, что это проще и надежнее.

Во второй половине XX столетия человечество приходит к пониманию «кризиса наказания», то есть неспособности привычных мер социального контроля с преобладанием негативных санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления. Распространяется движение, ищущее альтернативы лишению свободы, уголовной юстиции, выступающее за замену «возмездной» юстиции юстицией «восстанавливающей», обращая большее внимание на общественное исправление.

Немаловажную роль в профилактике и предупреждении отклоняющегося поведения, перевоспитании лиц, совершивших правонарушения и преступления, в настоящее время играет Русская Православная Церковь.

Ее деятельность, направленная на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей и норм поведения, является одной из форм профилактики девиации. Человек приобщается к христианским ценностям через образы Бога, его сына, святых. Притчи, жизнеописания Христа и святых — достойные образцы для подражания верующих людей. Библейские заповеди, которые содержат поздний вариант Ветхого Завета, стали основой нравственного сознания миллионов людей, частью культуры человеческих взаимоотношений в широком смысле.

Другими способами воспитания нравственных чувств христианина являются понятия греха и добродетели. Идея греховности (беззакония) человека и необходимость противостоять ей для спасения души и человечества — все это становится темой для размышлений и художественного творчества уже в Средневековье. Знаменитое полотно нидерландского художника Босха (15 век), изображающее семь смертных грехов в сегментах всевидящего Божьего ока, не потеряло своей актуальности и по сей день. Это смертные грехи — чревоугодие, алчность, лень, зависть, гнев, гордыня, похоть. Добродетель, напротив, определяется верой и следованием Божьим законам. Поэтому лучшей формой профилактики правонарушений и преступлений является проповедь честно-го и достойного образа жизни, особенно среди подростков и молодежи.

Одним из важнейших и эффективных направлений социального контроля над девиантностью является предоставление всесторонней помощи страдающим алкогольной и наркотической зависимостью, бездомным, безработным, жертвам преступлений, беспризорным, суи-

цидентам, лицам, освободившимся из мест лишения свободы. И дело здесь не только в гуманности. Все эти группы населения склонны к девиантному поведению и требуют пристального внимания, особенно подростки. Они особенно чутки к санкциям как к позитивным, так и к негативным. Они с благодарностью отзываются на ласку, поощрения, гордятся достижениями, но болезненно реагируют на наказания. К таким людям необходимо особое отношение, в том числе пастырское и просветительское попечение со стороны православных священнослужителей.

Профилактика преступлений — задача всего общества и всех органов государства, решаемая разнообразными политическими, экономическими, правовыми и иными методами, специально направленными на устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению.

Первыми, кто сталкивается с представителями группы риска — это полиция. В рамках содействия профилактики преступлений РПЦ взаимодействует с правоохранительными органами, оказывает им посильную помощь. В главе IX «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится, что такая помощь может осуществляться в многообразных совместных воспитательных и просветительских трудах, направленных на профилактику и предотвращение правонарушений, в научной и культурной деятельности, в пастырском окормлении самих сотрудников органов охраны порядка [5, с. 317–324].

В последнее время сначала в Москве, затем в других городах церковь получила доступ в следственные изоляторы (СИЗО), тюрьмы и колонии. Наблюдается тенденция строительства в местах лишения свободы православных храмов и молитвенных комнат, где представители РПЦ проводят беседы с заключенными, наставляют их на путь истинный, распространяют духовную литературу. При этом особо важен личный контакт с заключенными.

Социальная реабилитация бывших заключенных — дело, в котором Русская Православная Церковь добилась успехов, хотя точные оценки в этой сфере невозможны из-за отсутствия достоверной статистики. РПЦ предлагает путь социальной адаптации для бывшего узника — примкнуть к православной общине и заниматься для ее блага трудом.

Индивидуальная реабилитация — не редкость при сильной внутренней мотивации бывшего зека. Теоретически, зарекомендовав себя

в качестве работника и проявив личные качества, бывший заключенный может даже стать священником. Такая адаптация является неплохим вариантом для значительной части бывших заключенных, особенно тех, кому после выхода из колонии некуда идти и кто испытывает проблемы при коммуникации с властями и обществом. Монастыри и приходы РПЦ в последнее десятилетие стали прибежищем для тысяч таких людей. Несомненно, это существенный прогресс по сравнению с предыдущим периодом российской истории, когда уделом бывших заключенных, которые не могут найти места в обществе, становился новый срок или психиатрическая больница.

Реабилитация алкоголиков и наркозависимых — еще одна из сторон социальной деятельности РПЦ.

Поток желающих вылечиться с помощью чуда велик, часть его достается структурам РПЦ, специализирующимся на излечении этих больных. Заявок на проведение антиалкогольной и антинаркотической работы было сделано множество, но подавляющее большинство проектов со временем распалось. Какое-то количество алкоголе- и наркозависимых обитает при храмах и монастырях и находит там излечение в частном порядке, однако говорить при этом о широкомасштабном явлении все-таки не приходится [4, с. 311].

Следует отметить, что в целом деятельность Русской Православной Церкви способствует предотвращению различных проявлений девиантного поведения не только среди верующих людей. Значимость религиозных ценностей в жизни человека и общества, равно как и социальная значимость религиозных институтов, в настоящее время признается также существенной частью неверующих людей.

Но следует учесть, что РПЦ — это не реализатор программ по предотвращению отклоняющегося поведения, а пока лишь помощник.

Примечания

1. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета / в русском переводе с параллельными местами SGP 1990. SGP. Box 516 Chicago, IL 60690—0516 USA. Евангелие от Матфея. Гл. 5.

2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.

3. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.

4. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы / Изд. 2-е, испр., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 656 с.

5. О социальной концепции русского православия / под ред. М. П. Мchedлова. М., Республика, 2002. 399 с.
6. Социология. Терминологический словарь / 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 160 с.

А. Т. Калиева

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ

*...кто не понимает в народе нашем его
Православия и окончательных целей его, тот
никогда не поймет и самого народа нашего.*

Ф. М. Достоевский

Исключительную значимость религии в образовании и укреплении этнической общности подчеркивал еще в начале XX в. французский философ и социолог Эмиль Дюркгейм. Он говорил: «религия есть сплоченная система верований и практик, относящихся к священным, то есть обособленным и запретным, вещам; она объединяет всех людей, которые разделяют эти верования и действия, в единую моральную общность» [3, с. 13]. Религия пронизывает чуть ли не все сферы человеческого бытия, проникая в глубины сознания и даже подсознания людей, оказывая огромное влияние на становление и развитие национального самосознания, на культуру этноса. Язык и сказания этноса, быт и традиции складывающегося этноса окрашены верованиями предков. Ведь центральное место в этническом самосознании занимает не только представление об общности происхождения, коллективный труд, но и общие ритуалы на святилищах. Позитивные ритуалы – это голос предшествовавших поколений людей, их наставления, извлеченные из опыта народной жизни. Выполняя определенные ритуалы и обряды, которые выражаются в словесной форме, выступают в виде мимики, жестов, коллективных процессий, установленных действий со специальными объектами и т. п., способствуют объединению людей в этническую общность.

Первоисточники сознания и подсознания уходят глубоко корнями в язычество. На фундаменте язычества выросла наша культура – духовная и светская. Когда мы говорим о языческих религиях, культурах, обычаях, подразумеваем их народную, этнокультурную основу. Аромат язычества и до настоящего времени пронизывает фольклор, обычаи, традиции, историческую память нации. Однако есть и различия

в бытовых особенностях и исторических традициях. Такие народные праздники, как Святки, Троица, Масленица своими корнями прочно уходили в языческую старину, в народном же сознании все эти обряды обрели христианское объяснение и уже никак не связывались с прежними верованиями. С христианской традицией связано обожествление святых, русский народ обращался к святым в трудные моменты жизни, ища у них поддержки и заступничества. Язычники обожествляют природные стихии, животных, растения и т. д.

О российском язычестве великолепно высказался православный мыслитель И. А. Ильин: «Языческие народы совсем не были богоотверженными, духовно-мертвыми и обреченными на гибель множеством, но имели свою меру откровения, свою вдохновенную мудрость, свою живую религиозность и добродетель» [2, с. 91].

Крещение Руси князем Владимиром в 988 г. явилось крупнейшим событием в истории. Это событие оказало огромное влияние на историю государства. Христианство было вплотную связано с государством и пронизывало все слои жизни и культуру народа. В период Киевской Руси языческие элементы были значительно переработаны и введены в христианскую систему морально-этических ценностей.

В числе этнообразующих факторов формирования русского этноса занимает особое место религия в форме православия. Русское православие сформировывалось постепенно, развивая свои религиозно-мировоззренческие и художественно-эстетические воззрения в соответствии с духовными потребностями русского народа. Христианство проникает в этнические формы жизни посредством таких элементов как мифологические представления, религиозные чувства и культ. Оказывая влияние на этнический организм, они приобретают этническую специфику (народные традиции, обычаи, фольклор, языческие понятия, прикладное искусство и т. п.). Особенно ярко выразились христианские ценности в легендах и духовных стихах. Это повседневные фольклорные произведения, в основании которых лежат религиозные (заимствованные из Библии или связанные с ней тематически) фигуры и сюжеты.

Внутреннее содержание религиозной традиции внешне выражается в обрядах. Без них не обходится ни одна религия. Более того, ни один верующий человек не обходится без обрядов. Даже если кто-то не принадлежит к какой-либо конкретной религиозной традиции, у него все равно есть некоторые внешние формы выражения своих верований. Православная церковь верует, что любой обряд, совершенный во имя

ее, оказывает освящающее, обновляющее и укрепляющее действие на человека.

Мир православной культуры открывается прежде всего в жизни церкви: в православных таинствах и богослужениях. Например, крещение. Обряд крещения пришел в христианство из древних культов, так как уже у древних народов существовал обычай омыwać водой новорожденных. Крещение воспринимается людьми как непереносимое условие спасения души и защиты от сил зла в земной жизни. К тому же при крещении человек получает имя, приобретая своего святого покровителя, в честь которого его назвали. Своих святых почитают и стремятся иметь дома их иконы, а некоторые берут образок с изображением своего святого в дорогу. Сам праздник Крещение Господне отмечается верующими торжественно, и называют его святым праздником.

На русский национальный характер, бесспорно, наложило отпечаток покаяние — признание верующим грехов перед священником. Покаяние подразумевает не столько раскаяние о прошлом, сколько свежий взгляд человека на самого себя, на других и на Бога. Человек, который бывает на исповеди, готовится к ней, умеет и прощать, и просить прощения. Это духовное очищение и возможность начать духовный путь с начала.

Особенной чертой русского народа, связанного с православием, является соборность как способ общественной жизни. Соборность способствует формированию свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. С соборностью связано стремление к совместной деятельности, отзывчивость на чужое горе, готовность помочь другим. То есть формирование таких качеств, как гуманность, добродушие, коллективизм, общительность, милосердие, одухотворенность, сердечность и т. д.

С соборностью тесно связан патриотизм русского народа. Любить национальный характер своего народа, а именно духовность его национального характера, принять русскую историю, русскую песню, русское историческое мирозерцание и т. д. значит быть патриотом, любить Родину. На этой земле он рожден, это его родина, место жизни его отцов. В этом и проявляются истоки патриотизма православного человека.

Говоря о роли православной церкви в этнической истории, следует обозначить три ее ипостаси: религиозную, социальную и ментальную. Церковь является хранительницей догматов, местом богословских прений и носительницей традиции. Православная церковь сплыва-

ет народ в будни и в праздники, в годы испытаний, лишений, скорби и в годы духовного возрождения.

Религия участвует в формировании священной традиции народа. Именно священная традиция продуцирует в народной культуре духовные константы (ценностно-смысловые особенности), предоставляя множеству поколений сохранять духовный иммунитет, чувство культурной самоидентичности при столкновении с другими сообществами [1, с. 58–59].

Религия становится для определенной этнической общности духовной пищей, входит во все поры национальной культуры, определяя национальное самосознание, быт, стиль и образ жизни. Миновав процесс этнизации, религия прочно сохраняется в памяти народов, помогает не терять самобытность их культуры, поддерживает их морально-этические нормы. Наиболее глубоко описал взаимосвязь православия и русской культуры А. И. Солженицын: «...Русь не просто полюбила христианство, — она полюбила его сердцем, она расположилась к нему душой, она излегла к нему всем лучшим своим. Она приняла его себе в название жителей, в пословицы и приметы, в строй мышления, в обязательный угол избы, его символ взяла себе во всеобщую охрану, его поименными святыми заменила всякий другой счетный календарь, весь план своей трудовой жизни, его храмам отдала лучшие места своих окрестностей, его службам — свои преддверья, его постам — свою выдержку, его праздникам — свой досуг, его странникам — свой хлебушек» [4, с. 63–64].

И мы не можем не согласиться с тем, что традиционная религия тесно объединена с политической, повседневной, духовной культурой российских народов и имеет самые всевозможные проявления. Религия наблюдается и проявляется в обычаях и праздниках, фольклоре и литературе, архитектуре и музыке, поведенческих навыках и моральных нормах, бытовой культуре и т. д. То есть в таких компонентах культуры, для которых характерны традиционность и устойчивость, которые являются носителями этнического. Этнические особенности людей, язык, общие нравы, обычаи и верования имеют огромное значение для формирования и дальнейшего развития наций.

К этнической самобытности русского православия относится все то, что связано с культурной спецификой древнерусской народности, а также современного русского народа. Этнос, по определению выдающегося отечественного этнографа С. М. Широкогорова, есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни,

хранимых и освященных традицией. Традиция является по сути духовной, и разница в том, что она наиболее прочная и универсальная. В ней наблюдается религиозность, которая отражает глубины конфессионального сознания. Какие бы не происходили исторические трансформации, традиция обладает способностью приспосабливаться к ним, не меняя своей сущности.

Еще на ранних этапах развития социального сообщества складываются традиции и обычаи. Обычай — это способ поведения, содержит нравственные нормы, т. е. поступая согласно обычаю, человек поступает нравственно.

«Сила обычая, — пишет В. Д. Шадриков, — в формировании человечности (духовности), заключается в том, что человек усваивает не нравственную норму, а способ действия, который нравственен по отношению к членам сообщества. В обычае человек живет. Научить обычаю значит научить жить. Без обычая нравственность не входит интимно в сущность человеческого бытия... Через обычай человек идентифицирует себя со своим народом, вводится в свой род, ибо обычай — дух народа, его дела... Свою духовность мы получаем от предков. Она заключена в обычаях и преданиях» [5, с. 44]. Предание как образ жизни, воплощенный в поступках этнических героев, способствует духовному развитию человечности.

В лоне православной веры сформировались обычаи, быт, традиции народа России и хранились в простом народе. Проявляются обычаи в обыденности, они устойчивы и входят в самые основания разных областей жизнедеятельности.

Каждый человек, согласно православным представлениям, является громадной ценностью в глазах Божьих. Человек может быть внутренне свободным, если он человек верующий. Свобода выбора проявляется в том, чтобы жить в Боге. Православие призывает человека к духовному совершенствованию, в основе чего — нравственный закон и стремление к правде и справедливости. Согласно православию, верующий человек обязан сопоставлять собственные действия с установленными постулатами православной веры.

На основе православных убеждений в практике межконфессиональных и межэтнических взаимодействий строились доверительные отношения. Православное сознание было направлено на всемирную сплоченность людей, что, в результате, не препятствовало этноконфессиональному разнообразию российской цивилизации. Каждый человек, согласно православным представлениям, несет в себе образ и подо-

бие Божие, а значит, каждый человек — великая ценность в очах Божьих. В этих воззрениях коренится основа трепетного отношения людей между собой, стремление к идеализации любого другого, который встречается, может быть, первый раз в жизни. Русское православие всегда выступало фактором мирного взаимодействия народов и религий России.

Традиции, обычаи и обряды являлись средством сохранения священного предания в окружении народа. Православие, являясь неотъемлемой составной частью этнической культуры, сыграло огромную роль в формировании и развитии российской цивилизации, в защите нравственных ценностей и культурной идентичности народа. Русский народ сотворил собственную культуру, воспитываясь в православных ценностях, несущую в себе христианские нравственные идеалы. Православная традиция определяла уклад жизни человека в России даже в том случае, когда он сам себя не признавал человеком верующим. Православие призывает человека к духовному совершенствованию. Именно русское православие оказало огромное влияние на формирование мировоззрения, систему ценностей и характер русского народа.

Примечания

1. Аванесова Г. А. Роль православия в развитии отечественной культуры // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 2.
2. Журнал Московской патриархии. 1993. № 11.
3. Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. 775 с.
4. Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: сборник / сост. М. Назаров. М.: Столица. 1991. 459 с.
5. Шадриков В. Д. Происхождение человечности. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 200 с.: ил.

А. С. Федорова

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Культура речи есть показатель культуры как отдельного человека, так и всего общества в целом. Чем бережнее будет отношение к культурному наследию, накопленному человечеством, в том числе отношение к русскому языку, тем дольше сохранится культура национальная.

Культура русской речи в средствах массовой информации — одна из главных характеристик, определяющих профессиональный уровень телевизионных и радиопередач, их публицистическую и художественную полноценность. Не в столь далекие времена на центральном телевидении и Всесоюзном радио к культуре речи дикторов и ведущих относились строго, был контроль над речью в эфире и продуманная система повышения языковой квалификации. Сегодня, к сожалению, многое в этом важном деле упущено — лишь на отдельных телерадиоканалах предпринимают меры, позволяющие хоть как-то предупреждать речевые ошибки дикторов. Развитие СМИ, темпы и характер их роста, процесс их преобразования в условиях перехода страны к рыночной экономике и демократизация политического строя в России — все это следует рассматривать как причину влияния на процесс формирования языка электронных СМИ, так как эти потрясения оказали прямое воздействие на процесс деформации языка.

Язык СМИ играет важную роль как в распространении русского языка, так и в повышении грамотности населения. И хотя имеются некоторые результаты по формированию уважительного отношения к русскому языку в средствах массовой информации, по-прежнему в газетах большое количество ошибок, а с экранов телевизора часто звучит далеко не образцовый русский язык. Учитывая отношение молодежи к телевидению — для многих это единственный источник и «светоч» в жизни, — средства массовой информации должны бережно обращаться с русским языком. Фонетические изменения ярко характеризуют речь в эфире и на экране. Повылся темп речи. Усилилась звуковая редукция, то есть количественное и качественное изменение безударных звуков. Пришли в электронные СМИ такие фонетические явления, которые ранее характеризовали только те или иные диалекты, а не публичную, не литературную речь. При произнесении слов и фраз «выбрасываются» звуки и целые слоги. Складывающаяся картина не совсем похожа на то, что ранее академическая грамматика русского языка называла полным стилем.

В интонационных манерах СМИ прослеживается стандарт английской и англо-американской речи, ряд новых слов сопровождает освоение нового опыта, новых явлений и понятий. В русском языковом пространстве уже существовали иностранные слова. Но сегодня осваиваются и другие иностранные лексемы. Например, уже давно было освоено русским языком слово *прейскурант*; еще В. И. Даль толковал его как «ропись товарам, с расценкою их». Но сейчас,

в некоторых кругах, говорят и пишут прайс-лист. Почему? Для броскости, в соответствии с переменной лингвокультурных ориентаций. Не будь этого, вполне могло бы служить освоенное преискурант. К тому же пригодилось бы и исконно русское ценник. А прайс-лист и подобное являют сейчас еще и орфографическую неустойчивость: *прайс-лист, прайс лист, прайслист*.

В лексической картине современной речи очень заметен наплыв сленговых, арготических, уголовных слов, что подрывает стилевую и эмоционально-стилистическую систему русского языка. А так как устоявшаяся стилистическая система языка служит не только целям эстетики, но и наиболее экономной и точной передаче информации, то разрушение стилистической системы невольно способствует понижению информативности общения. Кроме того, арготическая, уголовная лексика оказывает влияние не только на эмоциональный, эстетический уровень общения, но и на интеллект индивида и нации. В советский период существовала жесткая цензура и корректура. Дикторы обязательно обращались к словарям в затруднительных случаях словоупотребления, произношения и др., чего нельзя сказать в настоящее время о современных телеведущих, судя по допускаемым нарушениям норм литературного языка.

Дикторов и ведущих зачастую упрекают в преднамеренной англолизации своей интонации. Думаю, упрек этот вряд ли обоснован. Объяснение этому факту, действительно имеющему место, надо искать, по-моему, в ином. В последние годы на радио и телевидение пришли в большом количестве люди, не получившие специальной подготовки в области устной русской речи, но люди образованные, изучавшие в вузах иностранные языки, в наших условиях — в подавляющем большинстве язык английский.

В язык СМИ прочно вошло заимствованное из английского слово киллер в значении «наемный убийца». Казалось бы, его появление вполне оправдано: во-первых, им обозначено новое явление — действительно, о наемных убийцах в нашей повседневной жизни лет двадцать назад нам говорить не приходилось; во-вторых, оно более компактно по сравнению с двухсловной номинацией наемный убийца, что тоже удобно в наше время ускорения темпа жизни и речи. Но все же, все же... Ведь назвать человека наемным убийцей — это одновременно и вынести ему самый суровый нравственный приговор, а назвать его киллером — это как бы просто определить род его профессиональных занятий: «Я дилер, ты киллер, оба вроде делом занимаемся».

По данным исследований, в последние десятилетия от 70 до 80 % массовой социальной информации потребители получают по каналам радио- и телевидения и лишь 20–30 % – через печатные периодические издания. В Российской Федерации смещению интереса потребителя в сторону электронных СМИ способствовало и присущее только нашей стране явление – резкое подорожание периодической печати и почтовых расходов по ее доставке на дом.

В СССР средняя статистическая семья на 5–7 изданий, выписываемых по почте, тратила около 0,7 % семейного бюджета. В постперестроечной России эти расходы, по данным Союза журналистов России, составляют астрономическую сумму (около 70 %), недоступную массовому потребителю.

Если к этому добавить время, отдаваемое массовым радиослушателем и телезрителем просмотру и прослушиванию детских развлекательных, культурных программ и рекламе, вывод становится очевидным: электронные СМИ на рубеже веков получили возможность во всех возрастных слоях миллионных масс людей формировать язык, его словарный запас и языковые нормы (произношение, мелодику).

Ряд специфических особенностей, имманентных электронным средствам массовой коммуникации (невозможность приостановить поток информации с целью осмыслить непонятное, переспросить неясное, выборочно получать лишь желательное из потока информации и т. п., вплоть до приемлемости или неприемлемости диктора или ведущего) еще в большей мере превращают электронные СМИ в доминирующий инструмент в процессе формирования языка, «диктующий» свои условия и ставящий потребителя в безвыходное подчиненное положение. Степень «пленения» радиослушателя и телезрителя языковыми нормами в электронных СМИ значительно выше, чем нормами языка печатной периодики, поскольку потребитель получает не только понятие, термин, но и его звучание, мелодику фразы, акцентацию, манеру произношения.

В советский период на всей территории СССР выпускалось 8–8,5 тыс. наименований газет (включая «многотиражки») и около 5 тыс. наименований журнальных изданий. В настоящее время только в Российской Федерации зарегистрировано более 26 тыс. периодических изданий, число редакционных коллективов в печати увеличилось примерно в 6–7 раз. Такой же процесс роста числа редакционных образований различного типа наблюдается и в радио- и телевидении. К этому следует добавить и возникновение большого числа отделов

рекламы и служб по связям с общественностью в сфере частного предпринимательства, которые также нуждаются в профессиональных журналистах.

«Шоковый рост» численности органов СМИ в ходе реформирования жизни в РФ породил снижение качественного уровня их продукции и, прежде всего, в области языка. Новые кадры принесли в электронные, да и в печатные СМИ свой язык, свой уровень понимания культуры речи, свою лексику, иногда механически заимствованную из иностранных языков, и, в первую очередь, англо-американского.

Недостаточно подготовленные новые кадры, пришедшие в СМИ в условиях отрицания всего прошлого опыта отечественной публицистики, очень часто оказывались жертвами бездумного увлечения механическим перенесением в нашу публицистику и ее языковую культуру клише и штампов, порожденных образом жизни и менталитетом так называемых «цивилизованных» стран Запада. Группа нарушений литературной нормы касается этических и эстетических аспектов культуры речи, исторически сложившихся и устоявшихся в русской культуре правил публично звучащей речи, запрещающих употребление слов, которые ранее назывались непечатными (теперь их так не назовешь) или нецензурными (тоже не современно, так как цензура теперь главным образом собственная, внутренняя для говорящего). Раньше на употребление такого рода слов накладывался абсолютный запрет. Даже посвященные русскому мату научные исследования (о его происхождении, в частности) снабжались грифом «для служебного пользования». Теперь дорога матизмам открыта не только в художественной литературе, но также в газете, в кино и на телеэкране. Вышло множество словарей современного жаргона, они популяризируют его; до полутора тысяч слов или значений обычных слов из воровского жаргона вошло в нашу речь за последний век. Выдуманное для фильма слово «редиска» знают даже дети. А ведь оно никогда в воровском мире не использовалось.

Заимствование англоязычных слов становится эквивалентом русского слова и служит неблагоприятным целям введения в заблуждение лиц, со словом не знакомых. Так, например, если бы люди, выслушивая идеологов приватизации, понимали смысл этого латинского слова, концептуально связанное с ним содержание, они бы остереглись, и теперь не пришлось бы возмущаться тем, что случилось. *Privatim* – это «присвоение для себя, на свой счет», *privatio* – «лишение, отбирание у других»; кто у кого отнял – понятно теперь, когда задним умом смысл латинского корня восстанавливают народной этимологией «прихвати-

зация». Подобных примеров много; собственно, последние десять лет вся идеология на таких подменах и построена. Иностранное слово лукаво прячет непотребность самого понятия: «вымогатель» – рэкетир, «убийца» – киллер, «продажный» – ангажированный, «посредник» – маклер, «сивуха» – бренди и т. д.

Штормовая угроза любой национальной культуре и родному языку – иностранные фильмы и песни на телевидении и радио. Ведь из всего многообразия программ наряду с информационными выпусками телезрители предпочитают прежде всего кинофильмы и развлекательные передачи, а радиослушатели – музыкальные номера.

Журналист и родной язык на телевидении и радио – это звенья одной культурной цепи. Раньше на нашем радио и телевидении можно было в любое время дня и ночи получить справку о правильном произношении названия любого города на земном шаре и имени любого видного деятеля. Сейчас в одной информационной программе ведущий и корреспондент могут по-разному выговаривать названия и фамилии, и это никого не удивляет. А что уж говорить о постоянном эфирном контроле за правильностью русской речи специалистов из Службы дикторов? Или о технике речи по системе Юзвицкой (ее назвали «ювелиром русского слова»), отточившей мастерство всех ведущих дикторов, начиная с Юрия Левитана. Или об отборе тех журналистов, которые получали право работать у микрофона. Так, может быть, вернуться к соблюдению этих норм, целительных для русского языка в эфире?! Россия переживает эпоху перехода к рыночной экономике, а точнее сказать, – период «дикого капитализма». В связи с этим на обширное и колосистое русское языковое поле налетела иностранная саранча, пожирая наши и насаждая свои понятия, привычки, нравы.

Иногда высказывается мнение, будто язык – это самоорганизующая система, которая, в конечном итоге, сама справится с нарушениями норм, отбросит все ненужное, наносное. Другие утверждают, что развитие языка – стихийный процесс, который не нуждается в регулировании, так как язык, по их мнению, сам по себе выберет все лучшее и отвергнет лишнее, неподходящее. К сожалению, оценки состояния языка чаще всего политизированы и чрезмерно эмоциональны. Для того чтобы разобраться, что происходит с языком, необходимы научные методы оценки благоприятности языковых изменений, которые пока еще разработаны недостаточно.

Научный подход к оценке происходящих изменений опирается на ряд прочно установленных положений языковедения. Сразу следует

отметить, что язык не может не меняться со временем, его нельзя консервировать никакими усилиями. В то же время общество не заинтересовано в том, чтобы язык менялся чрезмерно резко, поскольку это создает разрыв в культурной традиции народа.

Телевидение – это искусство, которое вобрало в себя все основные черты других видов искусств. Как и всякое искусство, оно требует очень жесткого исполнения, соблюдения элементарных законов. Это значит, что кроме техники звучащей речи, дикции, правильного произношения и ударения, кроме прекрасного знания родной речи нельзя забывать, что основа основ этого искусства – исполнительское мастерство, умение логично, четко, ясно выразить свою мысль, умение общаться с невидимым собеседником и конкретным человеком. И самое главное – владеть навыками и умениями ораторского мастерства.

Исправление нанесенного русскому языку ущерба в электронных СМИ, вероятно, надо начинать с подготовки и переподготовки кадров публицистов, телеведущих, комментаторов, дикторов – всех, кто выходит с русским языком в эфир. Высокий уровень культуры русского языка творческих работников на радио- и телевидении непосредственно будет влиять на миллионные массы радиослушателей и телезрителей. Языковая культура творческих работников позволит также уберечь эти массы людей от неизбежной опасности влияния на слушателей ненормативного языка героев прямого эфира.

Только при наличии такой культуры у творческих работников электронных СМИ язык героев прямого эфира будет занимать то место, которое всегда занимал язык героев в отечественной классической литературе: он характеризовал их, но не воспринимался как образец для подражания. При всех других профессиональных достоинствах творческих работников электронных СМИ, профессиональное умение говорить по-русски с использованием лексического богатства русского языка должно быть определяющим в их профессиональной пригодности.

В связи с вышеизложенной проблемой, предлагается следующее: во-первых, обеспечить элементарный контроль за эфиром на всех каналах с участием консультантов-специалистов. Во-вторых, необходимо организовать систематические занятия по ораторскому искусству и мастерству исполнения. В-третьих, один из каналов сделать образцовым, эталонным.

Не менее важна и популяризация лингвистических знаний в печати, на радио и телевидении, являющаяся одной из насущных задач культурного строительства в России.

Такая популяризация должна быть, во-первых, профессиональной, во-вторых, систематической, в-третьих, разнообразной по форме и содержанию, в-четвертых, интересной для неспециалиста. Не следует забывать, что журналист и родной язык на телевидении и радио – это звенья одной культурной цепи. Русский язык в эфире не просто важен, а обретает для России значимость категории национальной безопасности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агте Владимир Сергеевич – журналист, краевед, г. Уфа

Алахвердиева Лидия Кириковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ростовского строительного университета

Ализада Мохаммад Шах – Афганистан, г. Кабул

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, декан филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Васильев Николай Григорьевич – краевед-социолог, г. Оренбург

Габдулгафарова Ильгиза Мухаметгалеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, директор общественного института истории народов Оренбуржья имени М. Джалиля, заслуженный работник высшей школы РФ

Дмитриева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета

Дубцова Евгения Константиновна – доцент кафедры теории и истории культуры Оренбургского государственного педагогического университета

Есбусинова Алия Ельжановна – ассистент кафедры истории Отечества Оренбургской государственной медицинской академии

Желтова Валентина Ивановна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественной истории, экономики, педагогики, социологии с курсом истории медицины Оренбургской государственной медицинской академии

Иванова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Калиева Алтынай Туритаевна – аспирант кафедры философии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, зав. кафедрой Кубанского университета

Колкова Наталья Александровна – преподаватель Института управления Оренбургского государственного аграрного университета

Конычева Марина Александровна – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Крапивная Наталья – студентка 4 курса филологического факультета Оренбургского государственного университета

Лавкова Ирина Владимировна – студентка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Левина Анна Анатольевна – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Ляхта Елена Анатольевна – студентка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Ляшенко Ирина Эдуардовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии Оренбургской государственной медицинской академии

Мартыненко Наталья Викторовна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Москальчук Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Мысенко Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Панина Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Пороль Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент Оренбургского государственного университета

Постников Сергей Васильевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института тыла (филиала) ФГБОУ ВПО «Военная академия тыла и транспорта имени генерала армии А. В. Хрулева» (г. Вольск)

Прончатова Елена Георгиевна – аспирант кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Росляков Николай Максимович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Рослякова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Оренбургского филиала Института бизнеса и политики

Семенова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Семенова Ольга Александровна – студентка 3 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Слухай Татьяна Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи

Смирнова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей

Степанова Наталья Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Оренбургской государственной педагогического университета

Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Федорова Анастасия Святославовна – студентка 2 курса Института управления Оренбургского государственного аграрного университета

Фомина Лариса Александровна – студентка 5 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

Ханаш Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета

Черенкова Юлия Владимировна – аспирант кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Шапилова Екатерина Анатольевна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>А. В. Федорова</i> ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	3
<i>И. М. Габдулгафарова</i> ПОДНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА РУССКОГО НАРОДА – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ	11
<i>О. А. Смирнова</i> ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ЦЕННОСТЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	17
<i>Л. С. Панина</i> ПРИГОВОРКИ И ПРИСЛОВИЯ В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ	22

СЕКЦИЯ 1

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

<i>О. М. Мысенко</i> К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПИСЬМЕННОСТИ У СЛАВЯН	28
<i>Е. Н. Бекасова</i> «ЗЕАЮ, ЧТО ОБО МНЕ ДЕТИ ОТЕЧЕСТВА ПОЖАЛЕЮТ»	37
<i>О. Н. Семенова</i> РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СПЛОЧЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ	48
<i>Е. А. Шапилова</i> О ПОЭТИЧЕСКОМ ПРЕДПОЧТЕНИИ ГЕНЕТИЧЕСКИ ПОЛНОГЛАСНЫХ И НЕПОЛНОГЛАСНЫХ ЛЕКСЕМ В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ	50
<i>Н. В. Мартыненко</i> О ЯЗЫКЕ ЧЕЛОБИТНЫХ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПРОТОПОПА АВВАКУМА И ИГНАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО	58

Е. А. Ляхта
ИНВЕКТИВА В ЯЗЫКЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО 62

И. В. Лавкова
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ДУХОВНОСТИ»
В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ 65

СЕКЦИЯ 2

СОВРЕМЕННАЯ РУСИСТИКА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Л. С. Панина
ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ)
НА БАЗЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ 69

С. В. Постников
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ 80

Т. А. Слухай
СТРОЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ,
УКРАИНСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ 88

Г. Г. Москальчук
РАЗМЕР АБЗАЦА КАК ПАРАМЕТР МОДЕЛИРОВАНИЯ
ВНУТРЕННЕЙ ДИНАМИКИ ТЕКСТА 91

Н. А. Колкова
СТАТИСТИЧЕСКИЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ
ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ 97

В. В. Катермина
НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 100

Л. С. Фомина
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОРЕНБУРГСКОГО
ПИСАТЕЛЯ В. КАРПОВА 107

М. А. Кобычева
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ
ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНТИПОСЛОВИЦАХ 110

<i>А. А. Левина</i> ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ КОСМОНАВТОВ	115
---	-----

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Л. В. Иванова</i> ВРЕМЕНА ГОДА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ – МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ	121
<i>Н. М. Дмитриева, Е. М. Линтовская</i> ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БРАННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОЙ РЕЧИ	131
<i>Н. Крапивная</i> БРАННАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»	136
<i>Е. Г. Прончатова</i> ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ПРОМЕЖУТКОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	139
<i>А. Е. Есбусинова</i> РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	143
<i>О. А. Семенова</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ	149

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

<i>Л. К. Аллахвердиева, Ализада Мохаммад Шах</i> ЗОЛОТОЕ СЛОВО РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОВЕСТИ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	155
---	-----

<i>Е. К. Дубцова</i>	
ИМПЕРСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ	
А. А. ПРОХАНОВА	159
<i>Л. В. Иванова</i>	
«ЦВЕТООБРАЗ» КАК КОМПОНЕНТ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ...	163
<i>Ю. В. Черенкова</i>	
ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX В.	170
<i>О. А. Пороль</i>	
КОНЦЕПТ «СЛОВО» В ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ	176

СЕКЦИЯ 5

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ, ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ И ПИСЬМЕННОСТИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

<i>И. В. Люкшина</i>	
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ И УКРАИНА	182
<i>К. А. Моргунов</i>	
БЕЛОРУСЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В РУСЛЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	190
<i>С. А. Ханаш, Н. Г. Васильев</i>	
РУССКИЕ В XXI В.: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	208
<i>В. С. Агте</i>	
О НАЗВАНИИ ГОРОДА УФЫ	217
<i>И. Э. Ляшенко, В. И. Желтова</i>	
ГИГИЕНИЧЕСКИЕ НАВЫКИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ	228
<i>О. А. Рослякова, Н. М. Росляков</i>	
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ	232
<i>Н. И. Степанова</i>	
РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	235

<i>А. Т. Калиева</i>	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ	242
<i>А. С. Федорова</i>	
ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	247
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	255

Научное издание

**Славяне в этнокультурном пространстве
южно-уральского региона**

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной Дню славянской письменности
и культуры в Оренбуржье

Подписано в печать 12.05.2012. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,35. Тираж 200 экз.

Отпечатано в Издательском центре ОГАУ. Заказ № 4425.
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел. (3532) 77-61-43.